

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 3 (7)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Уфа – 2021

Научный журнал

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Издается с 2020 года 4 раза в год

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радикова – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019года.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агентство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: Т. И. Матвеева, Э. Р Ишемгулова. Техническая верстка: А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 28.09.2021. Дата выхода в свет: 30.09.2021

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 14. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 76. Цена свободная.

Scientific journal

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Published since 2020 4 times a year

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Divaeva Irina Rafaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of History and

Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law

and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rustem Raisovich Subkhangulov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Egenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №: PI No. FS 77-77364 dated December 31, 2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103,
the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors: T. I. Matveeva, E. R. Ishemgulova. Layout: A. F. Chinyaeva. Tel./fax (347) 255-06-66;
e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru (marked: "Law: retrospective and perspective").

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.09.2021. Release date: 30.09.2021.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 14. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 76. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	8
Теория права	
Бондаренко Ю. В. Регистрация брака в советском государстве в 1917 – 1920-х гг.: правовое регулирование и практика	8
Исаев А. А. Место курса «философия права» в системе юридического образования..	14
Кутушев Г. З. Правовой статус и законодательное регулирование деятельности инспекторов народного образования Башкирской АССР в 20-е годы XX века	18
Публично-правовой блок	
Валиахметова Э. К. Правовое регулирование и опыт применения дистанционных образовательных технологий.....	24
Каримова Г. Ю. Реализация мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних..	29
Семенов Е. Ю., Лысенко Е. С. Вопросы совершенствования системы оценки деятельности органов внутренних дел	35
Уголовно-правовой блок	
Афзалетдинова Г. Х. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества.....	40
Ермолаева Л. Н. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при производстве отдельных видов экспертиз	45
Низаева С. Р. Взаимосвязь уголовно-правовых и криминалистических аспектов при расследовании мошенничества в сфере долевого строительства жилья.....	50
Нугаева Э. Д. Особенности проведения допроса потерпевших в ходе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг с целью выявления приемов речевого воздействия со стороны обвиняемых.....	56
Нуркаева М. К. Проблема признания места совершения кражи жилищем, помещением, иным хранилищем либо местом, открытым для посещения гражданами.....	63
Романов А. А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как актуальное направление реализации государственной идеологии.....	73
Сабанов А. Ю., Семиглазов А. Г. К вопросу о применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции направленном на поражение человека	79
Сулейманова И. Е. Причины молодежной преступности в россии как ключевая проблема юридической науки и практики.	84
Файрушина Р. Д. Отдельные аспекты по совершенствованию института сокращенного дознания	88
Шабетя И. В., Габзалилов В. Ф. Некоторые аспекты профилактики распространения наркотических средств и психотропных веществ (по материалам антнапротической комиссии Республики Башкортостан)	93
Трибуна молодого ученого	
Шайдуллина Н. Р., Родыгин Р. А. Особенности документирования и раскрытия преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием безналичных расчетов	97
Отзывы. Рецензии. Персоналии	
Маликова Н. В. Рецензия на диссертационное исследования Ф. Ф. Зарипова, подготовленное на тему «Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики».....	102
Памятка	111

CONTENTS

Scientific articles and reports	8
Theory of Law	
<i>Bondarenko Yu. V.</i> Registration of marriage in the soviet state 1917 – 1920s: legal regulation and practice	8
<i>Isaev A. A.</i> The place of the course “Philosophy of Law” in the system legal education	14
<i>Kutushev G. Z.</i> Legal status and legislative regulation of the activities of the public education inspectors of the Bashkir ASSR in the 20s of the XX century	18
Public-legal section	
<i>Valiakhmetova E. K.</i> Legal regulation and experience in the use of distance educational technologies	24
<i>Karimova G. Y.</i> On the role of the district police commissioner in the prevention of juvenile delinquency in modern realities	29
<i>Semenov E. Y., Lysenko E. S.</i> Issues of improving the system for evaluating the activities of internal affairs bodies	35
Criminal-legal section	
<i>Afzaletdinova G. Kh.</i> Specific features of initiation of criminal cases on the symptoms of legalization (laundering) of money or other property	40
<i>Ermolaeva L. N.</i> Some problematic issues that arise during the production of certain types of examinations	45
<i>Nizaeva S. R.</i> The relationship of criminal and forensic aspects in the investigation of fraud in the field of shared housing construction	50
<i>Nugaeva E. D.</i> Peculiarities of the interrogation of victims during the investigation of fraud in occult services in order to identify the techniques of verbal influence by the defendants	56
<i>Nurkaeva M. K.</i> The problem of recognizing the place of the committee as housing, premises, other storage or place open for visit by citizens	63
<i>Romanov A. A.</i> Prevention of child neglect and juvenile delinquency as an actual direction of the implementation of the state ideology	73
<i>Sabanov A. Yu., Semiglazov A. G.</i> On the issue of the use of firearms by police officers with the aim of hitting a person	79
<i>Suleymanova I. E.</i> The causes of youth crime in russia as a key problem of legal science and practice	84
<i>Fayrushina R. D.</i> Selected aspects of improving the institute of reduced inquiry	88
<i>Shabetya I. V., Gabzalilov V. F.</i> Some aspects of the prevention of the spread of narcotic drugs and pssychotropic substances (based on the materials of the anti-drag commission of the Republic of Bashkortostan)	93
Young scientist's tribune	
<i>Shaidullina N. R., Rodygin R. A.</i> Features of documentation and disclosure of crimes related to theft of money with the use of cashless payments	97
Reviews. Comments. Personalities	
<i>Malikova N. V.</i> Review of the dissertation by F. F. Zaripov «Implementation of the principle of ensuring the safety of participants in criminal proceedings in the context of modern russian criminal procedure policy»	102
Instruction	111

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 347.623:351.755.2(470)"1917-1920"

Ю. В. БОНДАРЕНКО, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

Yu. V. BONDARENKO, Associate Professor of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Ufa)

РЕГИСТАЦИЯ БРАКА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1917 – 1920-Х ГГ.: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

REGISTRATION OF MARRIAGE IN THE SOVIET STATE 1917 – 1920S: LEGAL REGULATION AND PRACTICE

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основы брачно-семейной политики Советского государства в период с 1917 по 1920-е гг. Особое внимание уделяется правовой регламентации института регистрации брака в контексте политики секуляризации сферы брачно-семейных отношений и попыткам советской власти в борьбе с религиозной обрядовостью создания своих «советских» обрядов – «красных свадеб», «красных крестин». Отмечается, что привитие населению новых норм советского общежития, в том числе и в вопросах гендерного характера, более успешно проходило среди урбанизированной части населения, в то время как сельская местность являла собой оплот патриархального быта. Отражены отдельные аспекты проблематики правовой реализации норм семейного советского законодательства в отдельных национальных республиках, где реализация норм советского права усложнялась сохранением национального традиционного уклада и действием норм шариата.

Ключевые слова и словосочетания: социалистическая семья, церковный брак, гражданский брак, регистрация брака, кебинные акты, Советское государство, ЗАГС.

Annotation. The article examines the conceptual foundations of the marriage and family policy of the Soviet state in the period from 1917 to the 1920s. Particular attention is paid to the legal regulation of the institution of marriage registration in the context of the policy of secularization of the sphere of marriage and family relations and the attempts of the Soviet government in the fight against the religious rituals of creating their own "Soviet" rituals – "red weddings", "red christenings". It is noted that the inculcation of the population with new norms of Soviet hostelry, including in matters of a gender nature, was much more successful among the urbanized part of the population, while the countryside was a stronghold of patriarchal life. The article reflects certain aspects of the problems of legal implementation of the norms of Soviet family legislation in individual national republics, where the implementation of the norms of Soviet law was complicated by the preservation of the national

traditional way of life and the operation of Sharia norms.

Keywords and phrases: socialist family, church marriage, civil marriage, marriage registration, kebin acts, Soviet state, registry office.

Вопросам социалистических отношений в быту, взаимоотношениям полов, вопросам семьи советской властью придавалось особое значение. Теоретическое осмысление данного вопроса советскими учеными осуществлялось исключительно с марксистско-ленинских позиций. Вместе с тем в трактовке и понимании данного вопроса советские идеологи и политические деятели не избежали противоречивых оценок института брака и семьи. С установлением советской власти понимание ею модели взаимоотношений полов неоднократно претерпевали заметные метаморфозы.

Теоретики социализма, вторя Ф. Энгельсу, проецировали на институт брака отношения собственности, утверждая, что установлению частной собственности в сфере социальных отношений соответствует появление единобрачия в ходе развития отношений между полами, основанные на господстве мужчины над женщиной. Соответственно брак, заключаемый в капиталистических обществах, советскими идеологами наделялся чертами сделки и трактовался как принудительная моногамия, как форма экономической несвободы женщины, которую зачастую удерживала только материальная зависимость от мужчины.

В контексте рассуждений об исторически неизбежном разложении буржуазной семьи был выдвинут и весьма резонансный тезис о том, что «в коммунистическом обществе, вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины, исчезнут и проституция, и семья» [1], обоснованный тем, что построение коммунизма предполагает полное отмирание государства, исчезновение всяких внешних принудительных норм, регулировавших до сих пор отношения людей друг к другу, – естественно отпадут и все декреты, которые в переходный период устанавливались пролетарским государством в области

брачных и семейных отношений [2].

Но на этапе строительства социализма советская власть была еще не готова отказаться от правового регулирования столь важной сферы социальных отношений, подчеркивая особую значимость вопросов отношений полов, брака и семьи.

С принятием советской властью в декабре 1917 г. декретов «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака» в области семейного права была, по сути, осуществлена революция. Советское законодательство провозглашало свободу брака, отменяя все сословные, религиозные, имущественные ограничения, равно как и свободу расторжения брака. Взамен библейского завета «жена да прилепится к мужу своему» в основу гендерных отношений был положен принцип равноправия, что отражало концептуально новый статус женщины не только в семье, но и в иных социальных институтах, а также полное равноправие супругов.

Ключевой новеллой в сфере брачно-семейных отношений стала ее полная секуляризация, что само по себе для XX века не уникально и даже вполне закономерно. Новая – социалистическая семья противопоставлялась старой «буржуазной» семье, что предполагало разрушение старого много-векового уклада российского общества, основанного на традиционных христианских семейных ценностях.

Институт брака претерпел изменения как по форме, так и по содержанию. Христианский брак как таинство, союз мужчины и женщины, освященный Церковью, был отринут советским законодательством и должен был уступить место новой модели оформления отношений между мужчиной и женщиной. Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 (31) декабря 1917 г.

проводил, что «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки», а «церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся». Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака» 16 (29) декабря 1917 г. закрепил действие закона по кругу лиц, который распространялся «на всех граждан Российской Республики вне зависимости от принадлежности их к тому или иному вероисповедному культу» (п. 11).

Отныне регистрация актов гражданского состояния переходила из юрисдикции Церкви в исключительное ведение органов государства. Для проведения в жизнь декрета «Гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» 1918 г. при городских, волостных и уездных земских управах, а в г. Петрограде и Москве – при районных управах, были образованы Отделы записей браков и рождений.

Более подробно процедура регистрации брака регламентировалась Инструкцией от Народных Комиссариатов юстиции и по местному самоуправлению «Об организации отделов записей браков и рождений», принятой в январе 1918 г. [3]. Запись о заключении брака в книге записей браков осуществлялась председателем отдела (или его заместителем) и секретарем отдела (или его помощником), который перед совершением записи должен был удостовериться в личности желающих вступить в брак, добровольном их изъявлении желания и соблюдении условий заключения брака. Запись браков должна была осуществляться публично. Председатель осведомлялся, какой фамилией вступающие в брак желают именоваться (фамилией мужа или жены, или соединенной фамилией), выдавал им копию свидетельства о браке и объявлял брак вступившим в законную силу.

В сентябре 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Кодекс также закрепил положение о том, что только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в Отделе записей актов гражданского состояния, порождал пра-

ва и обязанности супругов и не признавал юридическую силу брака, совершенного по религиозным обрядам. Кодекс уточнял, что данное положение не распространялось на церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. в соответствии с российскими гражданскими законами (Свод законов Российской империи, т. X, ч. 1, изд. 1914 г.), и имели силу зарегистрированных браков. Вопросам нормирования формы заключения брака была уделена самостоятельная глава (Раздел II. Брачное право. Глава I. Форма заключения брака). Закон оговаривал публичный характер регистрации брака и указание на то, что заключение брака должно было совершаться в специально предназначенном для этого помещении в присутствии председателя Отдела записей актов гражданского состояния или его заместителя либо в Нотариальных Отделах при местных Советах Депутатов в присутствии нотариуса и секретаря.

Таким образом, наименее торжественному обрядовому порядку церковного венчания пришла процедура исключительно бюрократического характера: должностное лицо делало соответствующую запись о браке в книге записей браков, прочитывало ее брачующимся и объявляло брак их заключенным в силу закона.

Вполне очевидно, что столь аскетичный подход новой власти к оформлению одного из наиболее значимых событий в жизни человека разительно контрастировал с традиционной христианской обрядовостью, полностью искоренить которую в советском обществе оказалось достаточно сложно. С принятия на Руси христианства религиозные ритуалы составляли неотъемлемую часть человеческого бытия, которая сопровождала все важные события в жизни человека от рождения до смерти, поэтому советской власти приходилось вести неустанную борьбу с тяготением пока еще «недостаточно сознательного» советского человека к различного рода «пережиткам буржуазного прошлого» – религиозным обрядам и символам. Все

то, что так или иначе символизировало старые формы бракосочетания, новая власть стремилась изжить. Не у дел оказались даже традиционные обручальные кольца.

Взамен повседневная жизнь советского человека наполнялась новыми символическими формами, устанавливаемыми властью взамен вытесняемых. В начале 20-х гг. XX века в Советском государстве предпринимались попытки создания своих советских обрядов – «красные свадьбы», «красные крестины» («звездины», «октябринцы»). Как правило, они проводились в клубах с наглядной социалистической агитацией, сопровождались докладами представителей партии и по форме больше напоминали общественно-политические мероприятия.

В Башкирии первое упоминание «красной свадьбы» датируется 2 октября 1923 г. По описаниям газеты «Власть труда», 2 октября 1923 г. в клубе имени Октябрьской революции собирались рабочие и работницы, главным образом молодежь, чтобы поздравить молодую семью Ермолиных. Открывается занавес. На сцене – президиум бюро ячейки РКСМ. Читаются три доклада, в которых особое внимание уделяется разнице между церковным и гражданским браками. Речь ораторов завершается словами поздравлений в адрес молодоженов. Затем организуются танцы [4, с. 787].

Однако подобного рода новые ритуалы плохо приживались, и если имели место, то преимущественно среди урбанизированной части населения. В сельской же местности попытки заменить старые традиции и обычаи новыми обрядами оказались практически безуспешными. Деревня стойко противостояла нововведениям, являла собой оплот патриархального быта. К концу 20-х гг. старания власти внедрить в массовую культуру практику проведения «красной свадьбы» практически сошли на нет. В национальных республиках ситуация усложнялась сохранением на практике действия норм шариата. Так, брак у азербайджанских мусульман только тогда

считался действительным, «законным», если согласно правилам шариата при участии муллы совершался «кебинный акт», т. е. брачный договор, по которому муж обязан уплатить жене «мехр» – «цену брака». Вступившая в брак женщина имела право требовать уплаты «мехра» в любое время, но по местному обычаю, как правило, требуемые деньги уплачивались полностью лишь в случае развода или смерти мужа из его имущества. Данная практика была столь устойчива, что даже судами в первые годы советской власти при наличии законного брака признавалась сила кебинных актов [5].

В этой связи отдельными советскими деятелями высказывались даже мнения о возможности введения взамен традиционного кебинного акта так называемого «советского кебина», т. е. осуществления записи соглашения о кебинных деньгах в органах ЗАГСа при регистрации советского брака. Подобного рода предложение вряд ли могло быть реализовано в советской правовой действительности, принимая во внимание принципиальное противоречие какой-либо модели брачного договора с денежным обязательством основным принципом советского семейного права. Вместе с тем данный пример весьма показателен в отношении того, насколько сложно поддавалась переустройству согласно нормам советского общежития сфера брачно-семейных отношений, тем более в условиях многонационального и поликонфессионального общества.

Следует заметить, что в вопросе регулирования брачно-семейных отношений царская власть проводила более гибкую политику, позволяя нехристианским народам следовать при заключении брака своим обычаям и религиозным установлениям: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного начальства» (ст. 90 Свода законов Российской империи, т. X, изд. 1914 г.). С отделе-

нием Церкви от государства и установлением законности исключительно гражданского брака допущение действия норм обычного или исламского права исключалось.

Но и при советской власти часть мусульманского населения демонстрировала определенную избирательность в отношении соблюдения норм советского законодательства. Например, регистрируя брак, а затем оформляя развод с одной женой, мужчина-мусульманин мог официально жениться на другой согласно нормам советского права, но продолжать сожительствовать с обеими уже следуя нормам шариата.

Не случайно, при обсуждении проекта нового Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. разработчиками подчеркивалось, что требование Кодекса актов гражданского состояния 1918 г. об обязательной регистрации брака прежде всего объяснялось борьбой революционного правосознания с церковным браком. Апеллируя к постепенному искоренению практики проведения церковных обрядов уже указывалось, что необходимость категоричного требования официального оформления отношений потеряла свое значение, и коль скоро брак свелся к техническому удостоверению факта действительного сожительства супругов, имеющего целью облегчить доказательство тех или иных прав, вытекающих из этого сожительства, то «каков политический смысл этих статей? Только один – обставить церемонию брака соответствующей формой, чтобы легче было бороться с торжественностью церковного брака... Все эти мероприятия такого же рода, как и те, которыми мы стремимся обставить и иные домашние торжества, так называемые октябрьны и т. д., на тот предмет, чтобы новыми формами общественной жизни заменить старые, устарелые традиции, которые еще господствуют в этой области. Можно спорить против этих статей и можно не спорить, как можно спорить или не спорить о целесообразности постановки всего этого вопроса о таких формах борьбы с влиянием церкви, но можно и должно

спорить против требования обязательности этой помпезности при всех условиях при заключении брака» [6, с. 48].

Данная точка зрения возобладала, и принятый ВЦИК 19 ноября 1926 года новый Кодекс законов о браке, семье и опеке уравнял незарегистрированный брак с зарегистрированным. Тем самым, лица, состоящие в фактическом сожительстве, но не в зарегистрированном браке, приравнивались в их правах и обязанностях к супругам, состоящим в зарегистрированном браке. Юридическое оформление брака теперь стало частным делом вступающих брачующихся, а регистрации советский законодатель отводил лишь вспомогательную роль.

Регламентация процедуры регистрации брака мало изменилась. Новый кодекс, в отличие от прежнего, делает лишь добавление, что запись брака может быть совершена при желании вступающих в брак и в присутствии свидетелей, вероятно, тем самым делая уступку сложившейся традиции присутствия при заключении брака свидетелей-шферов. Запись всех актов гражданского состояния производилась в обычной канцелярской обстановке, как правило, в едином помещении, где проходила регистрация брака, совершались записи о рождении и смерти и записи о расторжении брака. Приходящие брачующиеся садились перед регистратором, над столом которого висел плакат «запись регистраций брака», подавали ему свои документы и расписывались.

Но несмотря на весь аскетизм советского быта, были и те, кто ратовал за необходимость лишить регистрацию брака характера канцелярской процедуры, обесценивающей ее в глазах широких масс, и придать ей определенную торжественность, отчасти по-прежнему аргументируя это необходимостью противодействия «вредной деятельности» служителей культа и борьбой за отвлечение масс от религиозных обрядов. Прежде всего обращалось внимание на внешний вид помещения, где проходила регистрация, большая часть которых не соответствовала

элементарным эстетическим нормам и требованиям чистоты и изолированности: «...часто самое помещение ЗАГС грязно, стены облуплены, ободраны, что пришедшие по другим делам, тут же, сидя, ведут себя шумно, неряшливо, что отделы ЗАГС в городах (и даже в Москве) помещаются при отделениях милиции, обстановка которых менее всего может придать торжественность регистрации, как акту бракосочетания. Удивительно ли, что массы, привыкшие обставлять брачный обряд торжественно, льнут к церкви, умеющей создать такую обстановку, которая вселяет сознание у брачующихся, что они совершают действительно серьезный, важный шаг в жизни. Поэтому-то зарегистрированные не считают себя женатыми, пока над ними не будет совершен религиозный обряд» [7, с. 1158]. Постепенно и государство

стало больше внимания уделять данному вопросу. Так, в августе 1929 г. Президиум ВЦИК указал на несоответствующую в органах ЗАГС совершаемых в них актам обстановку и в специальном письме к местным исполкомам указал, что в городах для органов ЗАГС должны быть выделены вполне благоустроенные помещения, обособленные от помещений, занимаемых милицией, в которых должна быть создана внешняя обстановка, соответствующая значению совершаемых в них актов. Данное решение уже было созвучно наметившейся новой тенденции в советской семейной политике. И если законодательство 20-х гг. характеризовал некий нигилистический уклон в вопросах правового регулирования института брака, то уже законодательство 30-х гг. брало курс на укрепление семьи и брака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М., Лен. : Гос. изд-во, 1928. С. 170.
2. Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Спб. : Гос. изд-во, 1921. С. 8.
3. Инструкция от Народных Комиссариатов юстиции и по местному самоуправлению «Об организации отделов записей браков и рождений» от 4 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 220 – 221.
4. Галиева Ф. «Красная» свадьба в Башкирии: эксперименты советской власти // *Quaestio Rossica*. 2018. № 3. С. 784 – 796.
5. Кебинные акты в Азербайджане // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 30 (25 августа). С. 1017 – 1118.
6. Крыленко Н. В. Проект кодекса о браке и семье. Доклад на совещании отдела работниц ЦК ВКП(б) 12 января 1926 г. : сборник статей и материалов по брачному и семейному праву. М., 1926. С. 48.
7. Приградов-Кудрин А. Сила регистрация брака // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 49. 17 декабря. С. 1156 – 1158.

© Бондаренко Ю. В.

А. А. ИСАЕВ, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент (г. Уфа)

A. A. ISAEV, Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Ufa)

МЕСТО КУРСА «ФИЛОСОФИЯ ПРАВА» В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE PLACE OF THE COURSE “PHILOSOPHY OF LAW” IN THE SYSTEM LEGAL EDUCATION

Аннотация. Статья посвящена анализу необходимости включения в юридическое образование дисциплины «Философия права». Обосновывается важность философского подхода к определению сущности и природы права, его роли в жизни общества и человека. Без философской составляющей изучение права склоняется к чистому эмпиризму и позитивизму. Опираясь на наследие русской и зарубежной философско-правовой мысли, автор объясняет принципиальную важность философской методологии в исследовании феномена права. Утверждается, что существование права в обществе есть закономерное следствие, вытекающее из самой сущности человека как общественного существа. Делается вывод о необходимости сохранения исторической преемственности в развитии российской философско-правовой школы и дисциплины «Философия права» в структуре юридического образования, что позволит будущим поколениям российских юристов достойно отвечать на вызовы правовой реальности.

Ключевые слова и словосочетания: философия права, юридическое образование, философско-правовое наследие, философская методология, сущность права, феномен права.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the need to include the discipline “Philosophy of Law” in legal education. The importance of a philosophical approach to determining the essence and nature of law, its role in the life of society and man is substantiated. Without a philosophical component, the study of law tends to pure empiricism and positivism. Based on the heritage of Russian and foreign philosophical and legal thought, the author explains the fundamental importance of philosophical methodology in the study of the phenomenon of law. It is argued that the existence of law in society is a natural consequence arising from the very essence of a person as a social being. It is concluded that it is necessary to preserve the historical continuity in the development of the Russian philosophical and legal school and the discipline “Philosophy of Law” in the structure of legal education, which will allow future generations of Russian lawyers to adequately respond to the challenges of legal reality.

Keywords and phrases: philosophy of law, legal education, philosophical and legal heritage, philosophical methodology, the essence of law, the phenomenon of law.

Наличие дисциплины «Философия права» в структуре высшего юридического образования закономерно и вызвано необходимостью особого взгляда на проблему

правотворческой и правоприменительной деятельности людей. В данном случае действует принцип «новое – это хорошо забытое старое». Известно, что курс философии

права был одним из обязательных предметов в системе юридического образования дореволюционной России. Лучшие русские правоведы и философы постоянно обращались к философско-правовой проблематике. Поэтому с гордостью можно сказать, что русская философско-правовая школа является одной из самых значительных по глубине содержания и многообразию решаемых вопросов. Как пишет А. П. Любимов: «Исследования в области философии права имеют давние и богатые традиции. На протяжении уже нескольких веков она, будучи самостоятельной научной и учебной дисциплиной, занимает видное место в юридическом образовании западных университетов. Определенный опыт изучения и преподавания этой дисциплины был накоплен и в дореволюционной России. Однако в советское время этот опыт был утрачен» [1, с. 3]. В современной России вновь возрождается интерес к данному направлению научной деятельности. Это объясняется необходимостью переосмысливания социальной деятельности, в том числе и права, как ее неотъемлемой составляющей. Глобальность этого переосмысливания однозначно предполагает философский подход к сложившимся социальным реалиям. Простое обращение к правоприменительной практике не позволит создать общую картину правовой реальности, сложившейся в нашей стране в настоящее время. Такое внимание к философии права не ограничивается научным интересом специалистов к ее проблемам. Она должна прочно закрепиться в учебных планах по юридическим специальностям и направлениям подготовки.

Авторы из Северо-Кавказского федерального университета обращают внимание на возрастающую потребность изучения будущими юристами «Философии права»: «В современных условиях значение философско-правовой подготовки заметно усиливается. Изменения, наметившиеся в российском обществе после слома тоталитарных традиций, невозможно изучать без рассмотрения перемен в правовой области. Современная

правовая деятельность нуждается в новом философском осмысливании» [2, с. 3].

Проблема существования феномена права в человеческом обществе в полной мере может быть осмыслена не только с чисто юридической точки зрения. Философия, этика, психология, социология и другие социальные и гуманитарные науки обращаются к анализу данного социального феномена. Проблемы онтологии права, закономерности его присутствия в общественных отношениях, роли естественных прав человека в формировании позитивного права и другие вопросы подобного характера не могут быть решены и объяснены без применения философской методологии в исследовании права. Как отмечает В. М. Пивоев: «Особенностью философского метода является отвлечение от дискретных отрывочных частностей и мелких несущественных деталей и выстраивание обобщенного понимания целого» [3, с. 8]. Поэтому закономерно и логично изучение дисциплины «Философия права» после завершения прохождения обучающимися полного курса философии, которая, как известно, изучается во всех высших учебных заведениях Российской Федерации. В юридических вузах рекомендуется знакомить обучающихся с философско-правовой проблематикой либо в рамках изучения темы «Социальная философия», либо в специально отведенной для рассмотрения данных проблем и вопросов теме еще на этапе изучения дисциплины «Философия». Это необходимо для формирования еще на младших курсах у будущих юристов мировоззренческого понимания места права в структуре социальной реальности. «Философия права» же призвана закрепить это понимание и более глубоко и серьезно выработать у обучающихся осознание места и роли права в жизни человека и общества. Отсюда закономерный вывод, что данная дисциплина должна изучаться на старших курсах.

Богатое наследие оставила нам и немецкая классическая философия. Такие работы, как «Метафизика нравов» И. Канта и «Философия права» Г. В. Ф. Гегеля, с уверенностью

стью можно назвать классическими в области данной учебной дисциплины.

Право – это не только свод законов, установленных государством, которое следит за их соблюдением. Если бы это было так, люди были бы подобны животным в зоопарке, поведение которых ограничено пространством их клетки. Право заключено в самой сущности человека как общественного существа, в его внутреннем мире. Это так называемое естественное право, в отличие от позитивного, выраженного в нормах, утвержденных государством. И что бы ни утверждали позитивисты, естественное право является необходимой основой установления и реального воплощения в жизнь юридических законов. Исходя из этого, можно с полной уверенностью сказать, что чем больше сила принуждения со стороны государства, тем меньше его законы отвечают требованиям естественно-правовых норм. По поводу этого Г. В. Ф. Гегель в предисловии к «Философии права» писал: «В законах права предписание имеет силу не потому, что оно существует, и каждый человек требует, чтобы оно соответствовало его собственному критерию. Здесь, следовательно, возможна коллизия между тем, что есть, и тем, что должно быть, между в себе и для себя сущим правом, остающимся неизменным, и произвольным определением того, что есть право» [4, с. 318].

Достаточно интересное философское размыщение приводит И. Кант в своей «Метафизике нравов», рассуждая о соотношении правоведения и юриспруденции. Позволим себе привести его здесь полностью: «Совокупность законов, для которых возможно внешнее законодательство, называется *учением о праве*. Если такое законодательство действительно существует, оно есть учение о *положительном праве*, а о человеке, сведущем в этом учении, или правоведе, говорят, что он *знаток права*, когда он внешние законы знает также с их внешней стороны, т. е. с точки зрения их применения к случаям, происходящим в опыте; учение о праве может стать также *юриспруденцией*,

однако без объединения его с юриспруденцией оно остается всего лишь *правоведением*. Это последнее название относится к *систематическому* знанию учения о естественном праве, хотя правовед должен в этом учении давать неизменные принципы для всякого положительного законодательства» [5, с. 36 – 37]. То есть немецкий философ определяет содержание понятий правоведение и юриспруденция и дает понять, что они должны использоваться в неразрывном единстве знатоками права, в современном понимании – юристами.

Курс философии права призван помочь обучающимся разобраться как в историческом наследии по данной проблематике, так и во всех основных современных взглядах по проблеме сущности права и его роли в жизни общества и каждого человека. «В философии права, – пишет В. С. Нерсесянц, – исследуется право в целом, право как определенная универсальная целостность, весь правовой универсум, весь мир права, все правовое охватывающее и сущность права, и формы внешнего проявления этой сущности (правовые явления)» [6, с. 1]. Почему именно философия права необходима для более глубокого постижения права, почему недостаточно теоретико-правового подхода к этому вопросу? В.П. Малахов предлагает два аргумента, отвечая на этот вопрос. Первый: «...Только философствуя, активно подключившись к сложнейшему интеллектуальному процессу проникновения в существо феномена права, можно понять, что такое философия права, каково ее назначение, познавательные и конструктивные возможности» [7, с. 4]. Второй: «...Верное и полное представление о праве можно получить, только подключив к философствованию индивидуальное правосознание, приучившись к рассуждениям по логике самого правосознания и в его понятийно-категориальном каркасе» [7, с. 4]. Таким образом, в соединении философствования и индивидуального правосознания мы обретаем истину сущности права. Это та цель, к которой должен стремиться обучающийся в своей

познавательной деятельности (которая, как известно, является целеполагающей), изучая дисциплину «Философия права».

Предназначение философии права в системе юридического знания четко обозначил известный российский правовед Г. Ф. Шершеневич: «Философия права, составляя часть философии вообще, не должна отличаться от целого ни по своим задачам, ни по своим методам. Отличие ее не качественное, а только количественное: среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, какая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания» [8, с. 20].

Наряду с позитивным отношением к данной дисциплине и признанием необходимости ее изучения юристами могут возникнуть и настороженные, нейтральные или сомневающиеся в ее необходимости точки зрения. Причиной возникновения подобных взглядов может стать отвлеченность философско-правовых размышлений от конкретной юридической практики. Как пишут авторы из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: «Философия права относится к наиболее абстрактной форме осознания и познания права как социокультурного относительно самостоятельного образования, системе знаний о мировоззренческих истоках и фундаментальных закономерностях развития права» [9, с. 140]. Другой причиной отстраненности от философии права может стать ее неопределенность как самостоятельной научной дисциплины: «В современном сложившемся правовом научном знании и системе преподавания права философия права не выделяется как самостоятельная научная дисциплина. Чаще обращается внимание на ее междисциплинарный характер. Философия права может рассматриваться и как часть или раздел философского знания наряду с философией истории, математики» [9, с. 140]. Однако, на наш взгляд, подобные причины не снижают ценности философии права как учебной дисциплины в структуре юридического образования и не

послужат поводом исключения ее из учебных планов подготовки юристов с высшим образованием.

После анализа различных точек зрения и подходов к изучению философии права сделаем ряд выводов. Во-первых, возрождение интереса к философии права в нашей стране есть восстановление исторической справедливости и последовательности в этой области знания. Во-вторых, сама сегодняшняя правовая реальность указывает нам на необходимость применения философской методологии в ее оценке и познании. В-третьих, профессиональный юрист сегодня – это не только знаток законов, но и специалист, трезво оценивающий сегодняшнюю правовую систему страны и умеющий выстраивать перспективы развития законотворчества и правоприменения. Такая компетенция формируется, в том числе, в результате изучения дисциплины «Философия права».

Очень хорошо, что понимание важности этой дисциплины имеется как у философов, так и у правоведов. И не складывается ситуация, когда «каждый тянет одеяло на себя». Можно с уверенностью констатировать, что это будет способствовать и в дальнейшем познавательной и научно-исследовательской популяризации философско-правовых проблем.

В заключение приведем слова Ю. В. Тихонравова, автора одного из отечественных учебных пособий по философии права: «Необходимость в изучении и преподавании философии права сегодня осознается как философами, так и юристами, причем в большей степени именно последними. Во многих правоведческих исследованиях довольно часто встречаются такие моменты, как склонность к философствованию, апелляция к философским текстам, использование философских категорий... все это выражает давно назревшую потребность восстановления прочной связи философии и права в виде целостной академической дисциплины, которая специально занимается множеством важных проблем, волнующих как юристов, так и философов» [10, с. 5 – 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия права : учебник для вузов / А. П. Любимов. М. : Юрайт, 2021. 257 с.
2. Философия права : учебное пособие (практикум) / составители А. М. Ерохин [и др.] ; под ред. А. М. Ерохина, В. Е. Черниковой, И. С. Бакланова. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. – 136 с.
3. Философия и методология права : учебное пособие для вузов / В. М. Пивоев. М. : Юрайт, 2021. 272 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. С. 301 – 666.
5. Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. С. 9 – 300.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2005. 656 с.
7. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия» / В. П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 391 с.
8. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Издательство «Лань», 2001. 528 с.
9. История и философия науки. Книга 4. История и философия экономической науки. История и философия права. История и философия исторической науки : учебное пособие / Л. А. Тутов, М. А. Сажина, Г. А. Белов [и др.]. М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2010. 272 с.
10. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997. 608 с.

© Исаев А. А.

УДК 351.851.08:371(470.57)"192"

Г. З. КУТУШЕВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Уфа)

G. Z. KUTUSHEV, Assistant Professor of the chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of historical sciences (Ufa)

**ПРАВОВОЙ СТАТУС И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСПЕКТОРОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКОЙ АССР В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

**LEGAL STATUS AND LEGISLATIVE REGULATION OF THE ACTIVITIES
OF THE PUBLIC EDUCATION INSPECTORS OF THE BASHKIR ASSR
IN THE 20S OF THE XX CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена истории формирования нормативно-правовой базы, которая регулировала полномочия и деятельность инспекторов народного образования в Башкирской АССР. Анализируется законодательная, кадровая и административная политика Народного комиссариата просвещения Башкирской АССР по подготовке и управлению работы инспекторов образования в 20-е годы XX века.

Ключевые слова и словосочетания: народное образование, Народный комиссариат просвещения, инспекторы народного образования, Башкирская АССР, законодательное регулирование, совет-

ские школы, борьба с неграмотностью, советская культура, советское законодательство, 20-е годы XX века, правовой статус.

Annotation. The article is devoted to the history of the formation of the legal framework that regulated the powers and activities of inspectors of public education in the Bashkir ASSR. The article analyzes the legislative, personnel and administrative policy of the People's Commissariat of Education of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic on the preparation and management of the work of education inspectors in the 20s of the XX century.

Keywords and phrases: public education, the People's Commissariat of Education, inspectors of public education, the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, legislative regulation, Soviet schools, the fight against illiteracy, Soviet culture, Soviet legislation, 20s of XX century, legal status.

В советской истории управления системой отечественного просвещения инспекторы народного образования занимали особое место. Реализуя учебно-методический и хозяйственно-административный контроль образовательных учреждений, они одновременно выступали в роли проводников государственной идеологии, коммунистического воспитания молодежи, проверяя исполнение постановлений и указаний партийных и советских органов, а также обеспечивая связь между педагогическими коллективами и органами народного образования. Целью данной статьи является попытка анализа особенностей нормативно-правового регулирования и специфики повседневной работы инспекторов Народного комиссариата просвещения Башкирской АССР в условиях социалистического пути развития в 1919 – 1929 гг.

Октябрьская революция 1917 г. привела к изменению законодательной базы и организационных форм учреждений, в полномочия которых входили контроль и руководство над образовательной сферой. Постановлением Народного комиссариата по Просвещению РСФСР от 21 января 1918 г. «Об упразднении попечителей учебных округов и их помощников, главных и окружных инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечительских советов и канцелярий при учебных округах» была ликвидирована дореволюционная система надзорных органов, начиная от учебных округов во главе с попечителями и заканчивая инспекторами образования [1]. Следующим шагом стало

издание декрета ВЦИК РСФСР «О Единой Трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 года, в 9-й статье которого говорилось об учреждении новой должности советского инструктора народного просвещения: «При Народном Комиссариате Просвещения и отделах Народного Образования учреждаются должности народных инструкторов. На обязанности инструкторов лежит периодическое посещение школ для поддержания живой связи их с соответствующими отделами Народного Образования в целях оказания помощи преподавателям в их педагогической работе» [2].

Планомерная работа по организации новой советской системы органов народного образования на территории молодой Башкирской советской автономной республики началась в 1919 – 1920 учебном году. Башнаркомпрос старался ориентироваться на уже имевшуюся в РСФСР нормативно-правовую базу, вводившую принципы советской трудовой школы, а также оформившую кадровые и структурные элементы советской модели управления просвещением.

Одной из первых задач, выдвинутых на повестку дня, стала насущная необходимость в подготовке кадрового состава школьных инструкторов. Деятельность Башкирского наркомата просвещения в данном направлении регулировалась инструкцией и циркуляром Наркомпроса РСФСР от 19 июня 1919 г., где содержался перечень основных задач и обязанностей школьного инструктора. Подчеркивалось, что «работа школьного инструктора <...> должна носить характер организаторско-инструкторский,

информационный, педагогический и общественно-политический». Отмечалось также, что инструктор регулирует реформу школы на подведомственном участке, а именно «знакомится с работой отдела народного образования в области школьного дела, <...> делает попутно соответствующие указания, согласованные с воззрениями центра и отвечающие с особенностями местных условий <...> принимает все зависящие от него меры к проведению в жизнь всеобщего обязательного и бесплатного обучения». При этом Наркомпрос РСФСР признавал, что в условиях разрухи и гражданской войны сложно подобрать достаточное количество грамотных специалистов на должность инструкторов, а потому предлагал к данной работе привлекать школьных учителей и «лучшие местные силы» [3].

Дальнейшему формированию правового статуса и функциональных обязанностей инструкторов способствовали I Всебашкирский съезд деятелей народного просвещения, проведенный в период с 27 декабря 1919 г. по 4 января 1920 г. [4], а также I Всебашкирский съезд Союза работников просвещения, состоявшийся в сентябре 1920 года [5]. На указанных съездах были разработаны и приняты постановления, инструкции, циркуляры, в соответствии с которыми подтверждался не только информационно-регулятивный характер работы инструкторов народного образования, но и подчеркивалась важность их общественно-политической деятельности на местах как проводников большевистской идеологической линии. Должности школьных инструкторов создавались как при центральном аппарате Башкирского Наркомпроса, так и в местных отделах народного образования на уровне кантонов в форме инструкторских подотделов.

Уже к началу 1920 г. отдел единой трудовой школы Башнаркомпроса отпечатал и начал распространять на местах брошюры с «Инструкциями для центральных инструкторов», а также «Положение о кантонных инструкторах» и «Схему отчетов для школьных кантонных инструкторов». С января 1920 г. в составе школьного отдела комис-

сариата действовал научно-методический подотдел, через который шла интенсивная работа по отправке инструкторов на места для регулирования учебно-воспитательного процесса и организационных мероприятий в области школьной реформы [6].

В феврале 1921 г. в Стерлитамаке состоялась I Всебашкирская школьно-инструкторская конференция с участием более 60 инструкторов, представлявших кантонные отделы народного образования. Участники конференции обсудили меры для более тесной взаимосвязи местных ОНО и центральным аппаратом Башнаркомпроса, расположенным в Стерлитамаке [7].

Озвученная на мероприятии информация на первый взгляд выглядела шокирующей, но по сути раскрывала реальное положение дел в системе народного образования на территории, где лишь недавно закончилась гражданская война. Нехватка продовольствия, финансов и отопления тяжелым бременем ложились на образовательные учреждения. К примеру, инструктор Кипчак-Джетировского кантона сообщал, что местные работники просвещения более 4 месяцев не получали жалованья и продовольственных пайков, что вызвало «дезертирство учителей на территорию Оренбургского уезда», а также идеологическую диверсию, когда советские учителя, вспомнив о своем прежнем социальном происхождении вновь уходили «в попы и муллы». Ученики были вынуждены самостоятельно изготавливать чернила и карандаши из подручных материалов, «которыми пишут на клочках газет и лоскутах бумаги». Большинство школ размещалось в наемных домах или полуразрушенных помещениях. По словам инструктора Дувано-Кущинского кантона не более 15 % учителей кантона имели необходимый педагогический опыт. Большинство грамотных сотрудников были приняты в различные государственные учреждения. В этой ситуации инструкторам местного отдела народного образования пришлось «мобилизовать и приготовлять учащих из числа мало-мальски причастных к делу народного образования или же не причастных вовсе» [8].

Достаточно своеобразно охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в образовательной системе Башкирской АССР, заведующий Тамьян-Катайского кантонного отдела народного образования, выступая на II Всебашкирском Съезде Советов в июле 1921 г. Опираясь на доклады своих школьных инструкторов, он заявил, что «приходится брести вслепую. Такая долгожданная реформа школы – предмет мечтаний многих учащих – свалилась как снег на голову, и, к великому стыду надо сказать, что застала неподготовленной всех до того, что все стоят перед ней с разинутым ртом, не зная совершенно, что делать и как делать» [9].

К 1922 г. должности инструкторов при местных органах народного образования преобразовались в единую государственную систему советских инспекторов народного просвещения, деятельность которых регулировалась через организационно-инспекторский отдел Наркомпроса РСФСР. К концу 1923 года было разработано Положение об инспекции народного просвещения. В данном нормативно-правовом акте указывалось, что к полномочиям государственной инспекции относились контроль за административно-организационной деятельностью просветительских учреждений, наблюдение за правильным исполнением декретов, постановлений и распоряжений высших органов власти страны в области просвещения, ревизионные проверки образовательных органов и учреждений, а также проверка методической работы местных структурных подразделений Наркомпроса [10].

В октябре 1922 г., уже после образования Большой Башкирии со столицей в Уфе, в составе административно-организационного управления Башнаркомпроса было учреждено специальное инспекторское бюро. Данное подразделение возглавил старший инспектор П. И. Добродеев. Инспекторы были обязаны контролировать отделы народного образования и учебные заведения для того, чтобы их деятельность не выходила за рамки нормативно-правовой базы, выработанной Наркомпросами РСФСР и Башкирской АССР. В сферу обязанностей инспекторов

также входило оперативное реагирование на жалобы с мест, а также регулярное проведение ревизии кантонных ОНО [11]. В августе 1923 г. инспекторское бюро было слито с информационно-статистическим подотделом комиссариата просвещения и образован инспекторско-организационный отдел во главе с тем же П. И. Добродеевым [12].

В октябре 1923 г. система просвещения республики реорганизовалась на основе территориально-районного принципа управления. Территория Башкирской АССР подразделялась на три инспекторских района. В первый район вошли Уфимский и Белебеевский кантоны, во второй – Стерлитамакский, Аргаяшский и Зилаирский, а третий был представлен Месягутовским, Тамьян-Катайским и Бирским кантонами. Имевшийся в наличии штат инспекторов делился на две категории: областные инспекторы в составе 5 человек (работали в центральном аппарате Башнаркомпроса) и районные инспекторы (были закреплены за кантонными ОНО). Для районных инспекторов в январе 1923 г. была разработана новая специальная инструкция. Наркомпрос старался подбирать на эту должность наиболее проверенные кадры из числа лучших учителей, которых затем обучали на специальных подготовительных курсах. К началу 1923/24 учебного года в восьми кантонах республики при местных отделах народного образования работали 20 районных инспекторов [13].

В целом, именно в 1923 – 1924 учебном году в структурном и кадровом отношении оформился республиканский институт районной инспекции по народному образованию. Личный состав инспекторов подбирался и утверждался руководством комиссариата после прохождения определенной экспертизы. Кандидаты на должность инспекторов, как правило, выдвигались первоначально на уровне кантонов и волостей местными исполнительными органами Советов, затем назначенные работники проходили обсуждение в кантонных отделах народного образования и допускались к работе с предварительного согласия Башнаркомпроса [14].

Стоит также отметить, что в сентябре

1922 г. при Башнаркомпросе был учрежден Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен). Данное структурное подразделение должно было руководить процессом культурного строительства среди малочисленных национальностей республики – чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, латышей. Председателем Совета назначался один из инспекторов Башнаркомпроса, отвечающий за работу национальных школ этих народов. К примеру, до 1924 г. данную должность занимала инспектор Е. В. Николаева, а затем ее сменил работник Башобкома А. Сухоруков [11].

Известно, что в 1925 – 1926 учебном году на уровне кантонов республики было задействовано три инспектора по работе среди малых национальностей в местах их компактного проживания: два чувашских инспектора работали при Белебеевском и Стерлитамакском отделах народного образования и один марийский инспектор при Бирском КОНО [15].

К началу 1924 г. народный комиссариат просвещения Башкирской АССР структурно включал в себя шесть управлений, среди которых можно выделить административно-организационное управление, куда и входили штатные единицы главных школьных инспекторов. Всего в составе центрального аппарата комиссариата числилось 62 сотрудника [16]. При кантонных и городских ОНО тогда насчитывалось 37 районных инспекторов [12].

Кроме того, в 1923 – 1924 учебном году началась реорганизация структуры и штатов кантонных ОНО с целью оптимизации их кадрового состава. Часть полномочий отделов народного образования передавались местным исполнительным комитетам советов. Отныне штатная численность сотрудников кантонного ОНО составляла 6 человек: заведующий отделом, заведующий подотделом правовой защиты несовершеннолетних, инспектор политпросвета, инструктор по ликбезу, статистик и делопроизводитель. Количество инспекторов рассчитывалось, исходя из сметы: 1 инспектор на 40 школ [17]. К осени 1924 г. был определен твердый состав ин-

спекторов по кантонам. В соответствии с количеством школ и населения для Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского кантонов было выделено по 7 инспекторов, Бирскому – 6, Месягутовскому и Зилаирскому – по 3, Тамьян-Катайскому – 2, Аргаяшскому – 1 [13].

Следует заметить, что многие инспекторы народного образования, особенно на районном уровне, не обладали высокой степенью подготовки и квалификации. Многие из них забывали, что должны в силу своих обязанностей контролировать и направлять методическую работу учителей. Так, в 1924 г. в Бирском ОНО с сожалением отмечали, что имеющиеся инспекторы «играют роль администраторов, занимаясь лишь хозяйственными вопросами» [18].

Лучшие кадры на должности инспекторов не удавалось подбирать и в силу чисто экономических причин. К примеру, в октябре 1929 г. новый нарком просвещения К. А. Идельгужин направил на имя секретаря Башобкома ВКП (б) Э. И. Юревича и председателя СНК БАССР А. Б. Мухаметкулова специальное отношение, где указывал: «По получаемым из кантонов сведениям ввиду крайней мизерности окладов кантонная и участковая инспекция начинает отказываться от работы, переходя на педагогическую работу, а при несогласии перевода, выезжает за пределы Башкирской АССР». В качестве сравнения нарком указывал на следующее вопиющее несоответствие: «БНКП считает действительно ненормальным получение инспекторами 70 руб. в месяц, при получении учителями школ повышенного типа 80 руб., а техникумов – 90 руб., первые за 18, а вторые за 12 недельных часов, тогда как инспекторы должны быть более квалифицированы, чем рядовые педагоги». На основе приведенных цифр К. А. Идельгужин просил вышестоящие органы власти разрешения довести базовый оклад инспекторов до 120 рублей в месяц [19].

Правовой статус и должностные обязанности инспекции в масштабах страны были подтверждены постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 16 июля 1928 г. «Об утверждении

положения о губернских отделах народного образования». В данном документе указывалось, что губернские отделы народного образования имеют право организовывать инспекторские проверки подведомственных им учреждений и органов с целью контроля за надлежащим исполнением текущих постановлений и распоряжений в области народного образования.

Таким образом, в 20-е гг. XX века в нормативно-правовом поле системы просвещения РСФСР и Башкирской АССР закрепляется правовой статус и должностные обязанности инспекторов народного образования. Фактически они выполняли не только контролирующие, административно-хозяйственные и учебно-методические функции, но также несли ответственность за правильную постановку политico-идеологического

и воспитательного процесса во вверенных им учебных заведениях и территориальных единицах. Для республиканского наркомата просвещения инспекторы являлись незаменимыми сотрудниками, так как именно они доносили до центра нужную информацию о реальном положении дел на местах, обеспечивая связь с кантонными отделами народного образования. В то же время руководство Башнаркомпроса не всегда было в состоянии подобрать на должности районной инспекции достаточно квалифицированные кадры, особенно в условиях сложного восстановительного периода НЭПа. К началу масштабных реформ 30-х гг. наиболее актуальными проблемами оставались вопросы профессиональной подготовки инспекторов, а также их финансового и социального обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об упразднении попечителей учебных округов и их помощников, главных и окружных инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечительских советов и канцелярий при учебных округах: Постановление Наркомпроса РСФСР от 21.01.1918. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_180.htm. (дата обращения: 17.04.2021).
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. – С. 1026 – 1030.
3. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 1. Л. 33, 34, 35.
4. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 – 12.
5. НА РБ. Ф. 8900. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 – 3.
6. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 58. Л. 2 – 4.
7. Культурное строительство в Башкирской АССР. Документы и материалы (1917 – 1941 гг.). Уфа, 1986. С. 94.
8. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 84. Л. 45, 46, 48, 51.
9. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 59. Л. 1 об.
10. Положение об инспекции народного просвещения от 20 ноября 1923 года // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22). С. 55.
11. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 558. Л. 8.
12. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 701. Л. 24, 34, 35.
13. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 742. Л. 1, 2, 3, 26.
14. НА РБ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 9. Л. 152.
15. НА РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 151а. Л. 119 – 121, 124.
16. НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 732. Л. 6, 7.
17. НА РБ. Ф. 8900. Оп. 1. Д. 64. Л. 44.
18. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 3. Д. 27. Л. 27.
19. НА РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 78. Л. 24.

© Кутушев Г. З.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЛОК.

УДК [378.014.15.018.43:004.9]:316.6(470)

Э. К. ВАЛИАХМЕТОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. K. VALIAKHMETOVA, Assistant Professor of the Department of the Foreign and Russian Languages, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

LEGAL REGULATION AND EXPERIENCE IN THE USE OF DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Аннотация. В статье описываются факторы, обуславливающие возникновение глобальной системы дистанционного образования, представлена законодательная база применения дистанционных образовательных технологий, а также анализируется восприятие курсантами образовательных организаций МВД России режима онлайн-обучения. В современную эпоху перехода к информационному обществу отличительной чертой стратегии образования становится повсеместное использование информационных технологий. Данная тенденция обуславливает актуальность настоящего исследования, в котором анализируется психоэмоциональное принятие онлайн-обучения курсантами. В современный период эти вопросы еще не получили должного освещения в отечественной науке. В ходе социологического опроса обучающихся были выявлены положительные и отрицательные характеристики эмоциональных состояний курсантов и положительные и отрицательные моменты цифрового образования. Был сделан вывод о целесообразности сочетать режимы онлайн- и офлайн-обучения.

Ключевые слова и выражения: дистанционное образование, онлайн-обучение, онлайн обучение, информационные технологии, адаптация, эмоциональное состояние.

Annotation. The article describes the factors that determine the emergence of a global system of distance education, presents the legislative framework for the use of distance education technologies, and analyzes the perception of the online learning mode by cadets. In the modern era of transition to an information society, the ubiquitous use of information technologies is becoming a distinctive feature of the education strategy. This trend determines the relevance of this study, which examines the psychological and emotional acceptance of online learning by cadets. At present time, these issues have not yet received proper coverage in domestic science. During the cadets' sociological survey positive and negative characteristics of the emotional states of cadets and positive and negative aspects of digital education were revealed. The conclusion about the expediency of combining online and offline learning modes was made.

Keywords and phrases: distance education, online training, offline training, information technology, adaptation, emotional state.

Система образования является доминирующей системой в обществе, стратегическим ресурсом его развития, функционирования его государствообразующих институтов, фундаментом цивилизации. Мы живем в эпоху перехода от индустриального общества к информационному, основными производительными силами которого являются знания и информация. Отличительной чертой стратегии образования в информационном обществе является повсеместное использование информационных технологий. В настоящее время закладывается фундамент для организации глобальной системы дистанционного образования, создающей информационную систему без границ и приобретающей все большую актуальность, что связано с рядом объективных факторов.

Во-первых, сегодня результаты общественного прогресса концентрируются в информационной сфере. Наступила информационная эпоха. Современный этап ее развития можно характеризовать как телекоммуникационный.

Во-вторых, профессиональные знания очень быстро устаревают, необходимо их постоянное обновление, актуальным становится так называемое непрерывное обучение. По мнению А. А. Андреева и В. И. Солдаткина, форма дистанционного обучения дает возможность создавать системы «массового непрерывного самообучения, всеобщего обмена информацией» [1, с. 4].

Во-третьих, недоступность высшего очного образования для большой части молодежи, что имеет различные причины: невысокий доход родителей, территориальные факторы, физические ограничения и т.д. За рубежом дистанционное образование получило широкое распространение. Мы согласны с Э. С. Ахъядовым, по мнению которого, оно (дистанционное образование) может стать «разумной альтернативой традиционному высшему образованию» [2], оно помогает решить проблемы доступности образовательных ресурсов, независимо от географического местоположения обучающегося.

В-четвертых, переход на дистанционный

формат обучения в связи с распространением коронавирусной инфекции. В данном случае альтернатив переходу на дистанционное обучение не было. Не исключено, что аналогичные вспышки новых, неизвестных науке заболеваний будут происходить и в будущем. Таким образом, дистанционное образование будет присутствовать всегда в той или иной форме.

В Российской Федерации применение дистанционных образовательных технологий регулируется рядом законодательных актов: Письмом Минобрнауки России от 10.12.2012 № 07-832 «О направлении Методических рекомендаций по организации обучения на дому детей-инвалидов с использованием дистанционных образовательных технологий», Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий), Письмом Минобрнауки России от 21.04.2015 № ВК-1013/06 «О направлении методических рекомендаций по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме», Приказом Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».

Стоит признать, что до марта 2020 года дистанционное образование не находило широкого использования. В марте 2020 года в связи с распространением новой коронавирусной инфекции образовательные учреждения по всей стране перешли на онлайн образовательные технологии. Правовой основой для перехода на дистанционные образовательные технологии являются Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распростра-

нением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 8 мая 2020 г. № 648 «О деятельности подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организаций в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории РФ». При проведении дистанционных занятий преподаватели опирались на Методические рекомендации по реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 19.03.2020 № ГД-39/04) и Экспертные разъяснения по вопросам, возникающим в связи с использованием онлайн-курсов в целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции (Минобрнауки России): Часть 1 (от 18.03.2020) Часть 2 (от 20.03.2020).

У образовательного сообщества отсутствовала возможность подготовиться к переходу на онлайн режим образования должным образом, так как данный переход был внезапным. Переход к фактически незнакомому формату образования вызвал стресс у всех участников образовательного процесса. Для проведения занятий использовались различные интернет-платформы: Вotsap, BigBlueButton, Zoom и др. В Уфимской юридической институте занятия проводились на платформах TrueConf и BigBlueButton.

Разные формы проведения учебных занятий воспринимаются в онлайн-формате по-разному. Например, лекционные занятия возможно организовать с должным качеством подачи и восприятия материала. На практических занятиях должна присутствовать постоянная обратная связь, а это означает повышенный педагогический контроль за уровнем внимания студентов и высокую степень мотивации самих студентов [3].

В настоящей статье мы предприняли попытку выявить и проанализировать эмоционально-психологические реакции студентов на переход к онлайн-формату обучения.

Исследование проводилось методом

анонимного опроса курсантов в возрасте 17-20 лет трех взводов Уфимского юридического института МВД России в весеннем семестре 2020-2021 учебного года с целью выявления их доминирующих эмоционально-психологических реакций на переход к онлайн-формату обучения. Курсантам были проинформированы, что предоставленная ими информация будет использоваться только в исследовательских целях, им было предложено написать эссе в свободное от учебных занятий время. Полученные данные затем были разбиты по категориям и обработаны статистически.

Обработка полученных данных выявила положительные и отрицательные эмоционально-психологические состояния у курсантов, причем степень удовлетворенности у обучающихся выше по сравнению со степенью неудовлетворенности.

Анализ эссе курсантов позволил выявить 2 основных достоинства онлайн-формата обучения:

Ощущение большей свободы отмечается большинством респондентов (100 %): «студент строит для себя индивидуальный график обучения», , «курсант может работать с материалом в собственном режиме и не тратить время на дорогу в институт», что очень актуально для больших городов, «более разумеренный темп работы», «появляется больше времени для усвоения пройденного материала», «удобство места обучения», «можно выполнять задания постепенно и делать необходимые перерывы, это помогает сосредоточиться и эффективней усваивать материал», «обучаясь, я составляла индивидуальный график, согласно которому рассчитывала время на изучение материала», «за время карантина я записалась на различные курсы по развитию своих навыков». Это подтверждает мнение Э. С. Ахъядова, что дистанционное образование может стать «разумной альтернативой традиционному высшему образованию», за счет доступности образовательных ресурсов и независимости от географического местоположения обучающегося [4]. Здесь надо иметь ввиду, что ощущение большей свободы появляется

ся из-за отсутствия постоянного контроля. На самом деле онлайн обучение требует от курсанта сильной мотивации и строгой самодисциплины, что отмечают и они сами.

Доступность учебных материалов выделяется большинством респондентов (83 %): «наличие учебных материалов: доступ ко всей необходимой литературе предоставлялся после регистрации на сайте», «при изучении темы можно посмотреть дополнительный материал в интернете, что способствует развитию мышления», «во время дистанционного обучения был доступ к электронным словарям с транскрипцией», «доступность учебных материалов», «можно посмотреть дополнительный материал в интернете», «доступ ко всей необходимой литературе».

Среди отрицательных характеристик эмоционально-психологических состояний студентов и продуктивности онлайн обучения были названы следующие.

Необходима сильная мотивация отмечается 55 % опрошенных: «необходима сильная мотивация», «себлазн отложить работу на потом», «халатное отношение курсантов к дисциплине», «дистанционное обучение требует сильной мотивации», «из-за домашней обстановки многие ленились и не присутствовали на занятиях», «практически студент дистанционно осваивает самостоятельно», «можно с легкостью списывать проверочные работы», «весь учебный материал курсант осваивает самостоятельно, это требует развитой силы воли, ответственности и самоконтроля», «поддерживать нужный темп обучения без контроля со стороны преподавателя удается не каждому».

Технические проблемы (устойчивость сигнала, техническая оснащенность и курсантов и преподавателя) являются наиболее серьезным недостатком. Половина респондентов (50 %) сталкивались с проблемой интернет-связи: «привязанность к техническим средствам: без мощного ноутбука невозможно полноценно проводить занятия, постоянно прерывается связь с преподавателем», «зависание сети, вылет из программы», «в какие-то моменты связь плохая, и

это оказывает влияние на проведение занятия: оно проводится не в полном объеме», «в самый неподходящий момент может отключиться свет или выйти из строя компьютер», «на каждой паре меня просто «выкидывало» с лекции, приходилось подключаться заново», «часто возникают проблемы с подключением к видеоконференции». Данные проблемы имеют глобальный характер [5].

Недостаток общения с преподавателем / обезличивание преподавателя и студентов 50 % студентов курсантов написали об этом: «недостаток личного общения с преподавателем», «какие-то вопросы лучше обсудить лично, это влияет на лучшее усвоение материала», «необходимы личные беседы, объяснения преподавателя», «личный контакт с преподавателем минимальный» «минимальный контроль со стороны преподавателя», «сложно выполнять практические задания без контакта ученик-учитель», «при живом общении с преподавателем знания лучше усваиваются». Данная проблема может привести к тому, что курсанты потеряют мотивацию и надежду научиться чему-либо.

Недостаток общения с товарищами 27,7 % респондентов испытали недостаток общения с своими товарищами, онлайн общение не способствует возникновению дружеской обстановки и вызывает отрицательные эмоции: «не подходит для развития коммуникабельности», «личный контакт учащихся друг с другом минимальный», «отсутствие коммуникации в группе», «отсутствие контакта с обществом».

Такое же количество опрошенных (27,7 %) отметили *отрицательное влияние на здоровье* («ухудшение здоровья», «упадок зрения, искривление позвоночника», «очень сильно портится зрение», «ухудшается осанка и зрение»); *проблема соблюдения режима дня* («отсутствие границы между рабочим и свободным временем») – 5,5 % респондентов; *низкая компьютерная грамотность преподавателя* («поначалу сами преподаватели не могли понять как работает система») – 5,5 % респондентов.

Результаты, которые мы получили в ходе социологического опроса во многом совпа-

дают с результатами исследований других ученых. Например, следующие недостатки дистанционного образования, выявленные в ходе нашей работы совпадают с данными, опубликованными ЮНИСЕФ [6]: технические проблемы; необходимость технической подготовки и высокого уровня компьютерной грамотности всех участников образовательного процесса. Следует отметить, что некоторые проблемы, содержащиеся в отчете ЮНИСЕФ, отсутствуют в ответах наших курсантов, а именно: психологический барьер перед ответом / отстраненная оценка; повышенная тревожность по отношению к сдаче экзамена, это может говорить о более теплой психоэмоциональной обстановке в

нашей виртуальной аудитории.

В итоге, можно сделать вывод о том, что оба режима обучения имеют право быть. Их целесообразно применять в сочетании. Начинать рекомендуется с очных занятий, чтобы живое общение с преподавателем и своими товарищами вызвало положительный настрой к учебной работе. При дальнейшем чередовании режимов живого и виртуального общения все вышеперечисленные проблемы можно разрешить, не упуская в то же время и те преимущества, которыми обладает онлайн-форма обучения. В дальнейшем режимы обучения можно чередовать и в полной мере использовать положительные стороны обоих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А., Солдаткин В. И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация : монография. М. : Издательство МЭСИ, 2010. 196 с.
2. Ахъядов Э. С. Перспективы и проблемы введения дистанционного высшего образования // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 333 – 334.
3. Kazantseva E. A., Valiakhmetova E. K., Minisheva L. V., Anokhina S. Z., Latypova E. M. Survey-Based Study of Motivation and Attitude to Learning a Second Language at Ufa State University of Economics and Service // Global Media Journal. 2016. № S2:8. Р.1 – 9.
4. Ахъядов Э. С. Перспективы и проблемы введения дистанционного высшего образования // Молодой ученый. 2015. № 20 (100). С. 333 – 334.
5. Khanna D. and Prasad A. Problems Faced by Students and Teachers During Online Education Due to COVID-19 and How to Resolve Them // *6th International Conference on Education and Technology (ICET)*, 2020. DOI: 10.1109/ICET51153.2020.9276625 (дата обращения: 08.07.2021).
6. Milosievski M., Zemon D., Stojkovska J. and Popovski K. Learning online: problems and solutions. URL: <https://www.unicef.org/northmacedonia/stories/learning-online-problems-and-solutions> (дата обращения: 15.05.2021).

© Валиахметова Э. К.

УДК 343.851.5(470)

Г. Ю. КАРИМОВА, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. Y. KARIMOVA, Associate professor of the department of administrative and legal disciplines of the Ufa law institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Candidate of Law Sciences (Ufa)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON THE ROLE OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER IN THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN REALITIES

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Проанализировано содержание основных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Перечислены принципы, на основе которых органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляют свою деятельность. Отмечено, что ранняя профилактика включает в себя тесное сотрудничество специалистов из органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по работе с семьей. Каждое подразделение и служба имеют свою сферу профилактики, отдельные объекты, категории лиц, однако методы и средства профилактической деятельности одинаковые. Раскрыто содержание действующих на территории Российской Федерации социальных программ, направленных на социальную реабилитацию несовершеннолетних, совершающих противоправные действия. Отмечена важная роль взаимодействия органов системы профилактики и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, оказания конкретной социальной и правовой помощи семьям и детям, применения мер принуждения к детям и родителям (законным представителям) в случае их неправомерного поведения.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел, несовершеннолетние, предупреждение, профилактика, комиссия по делам несовершеннолетних, правонарушение.

Annotation. The article considers the main areas of activity of the internal affairs bodies for the prevention of juvenile delinquency. The content of the main normative legal acts regulating the activities of the bodies of the system of prevention of juvenile delinquency is analyzed. The principles on the basis of which the bodies of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency carry out their activities are listed. It is noted that early prevention includes close cooperation of specialists from the bodies of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in working with the family. Each department and service has its own sphere of prevention, separate objects, categories of persons, but the methods and means of preventive activity are the same. The content of social programs operating on the territory of the Russian Federation aimed at the social rehabilitation of minors who commit illegal acts is disclosed. Important information is marked.

Keywords and phrases: internal affairs bodies, minors, prevention, prevention, commission on juvenile affairs, offense.

Все элементы системы профилактики имеют свои задачи и функции, способствующие реализации эффективного

воздействия на несовершеннолетних, родителей (законных представителей), на условия и причины противоправного поведения

несовершеннолетних.

Проанализировав законодательство РФ можно выделить следующие принципы, на основе которых органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляют свою деятельность:

- 1) законности;
- 2) гласности;
- 3) гуманности;
- 4) демократизма;
- 5) приоритета профилактических воспитательных мер над репрессивными;
- 6) охрана и защита прав и свобод человека и гражданина;
- 7) поддержка семей и доверительное взаимодействие с ними;
- 8) индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему;
- 9) соблюдение конфиденциальности;
- 10) ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов детей и другие.

В профилактику противоправного поведения несовершеннолетних входят ранние превентивные меры воздействия, направленные на формирование личности несовершеннолетнего и предотвращение его становления на преступный путь.

Ранняя профилактика включает в себя социально-педагогическую деятельность семьи, учебных заведений и иных общественных и государственных организаций, направленная на уменьшение вероятности появления отклоняющегося поведения у несовершеннолетних через формирование у них нравственных принципов, социально-полезных знаний и навыков, здорового правосознания. Помимо этого, в раннюю профилактику входят меры по коррекции поведения несовершеннолетних, которые уже совершили общественно опасное действие до достижения возраста уголовной ответственности, и ведущие антисоциальный образ жизни, а также принудительно-воспитательные меры.

Ранняя профилактика включает в себя тесное сотрудничество специалистов из органов системы профилактики безнадзорно-

сти и правонарушений несовершеннолетних по работе с семьей. Основная цель этой работы профилактика семейного неблагополучия. И основной метод в этом случае это социальный патронаж. Он предполагает постоянный контакт специалистов с семьей, сбор объективной информации о такой семье и создание эффективного взаимодействия между организациями и учреждениями по профилактике.

В соответствии с семейным законодательством РФ родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном, нравственном развитии детей, а также обеспечить детям получение основного общего образования. Семья, родители в которой не исполняют свои обязанности по воспитанию, обучению, содержанию, жестоко обращаются или отрицательно влияют на несовершеннолетних детей считаются семьей, находящейся в социально-опасном положении. Главной целью заботы родителей является обеспечение интересов своих детей, поэтому права и обязанности родителей не должны противоречить интересам несовершеннолетних. Родители не имеют права причинять физический и психический вред детям, нравственному развитию детей. Воспитание несовершеннолетних не должно содержать жестокое, грубое, пренебрежительное, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорблений и эксплуатацию детей. Родители, которые осуществляют свои права и исполняют обязанности в ущерб правам и интересам детей, несут в установленном законом порядке ответственность [1].

В комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Уфы обратилась женщина с заявлением, просьбой принять меры к супругу и оградить её и своих двоих несовершеннолетних детей от домашнего насилия со стороны супруга. Со слов женщины, супруг воспитанием детей занимается ненадлежащим образом: в присутствии детей систематически устраивает скандалы, доходящие до рукоприкладств, ругается в присутствии детей грубой нецензурной бранью, ежедневно употребляет спиртные

напитки, нигде не работает, материально семью не обеспечивает, денег на содержание детей не дает.

В связи со сложившейся ситуацией она была вынуждена уехать со своими детьми к своей матери. В один из дней по адресу родителей приехал супруг, с просьбой увидеться с детьми, при этом находился в состоянии алкогольного опьянения. Ему во встречи с детьми бабушка и дедушка, родители заявительницы отказали. Заявительница вышла на улицу, где супруг стал избивать её битой. После чего вызвали сотрудников полиции и скорую медицинскую помощь. В больнице ей поставили диагноз: «СГМ» и многочисленные ушибы.

При сборе материалов по факту ненадлежащего воспитания несовершеннолетних детей с мужчиной сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), работниками комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП) неоднократно проводились профилактические беседы.

В отношении супруга неоднократно составлялись административные протоколы по ст. 5.35 ч. 1 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних», которые рассматривались на заседаниях КДН и ЗП.

В ходе профилактической работы и оказания психологической помощи, семья находилась на «психологическом сопровождении» по специализированной программе психологов «коррекция поведения родителей, отношения с детьми – Отцы и дети». В следствии заболевания заявительница умерла от ишемической болезни сердца. Отец детей продолжал употреблять спиртные напитки, участие в воспитании детей не принимал, дети воспитывались бабушкой и дедушкой.

Членами КДН и ЗП, на очередном заседании, по заявлению бабушки и дедушки, которые обратились в органы опеки и попечительства при КДН и ЗП с заявлением о лишении отца детей родительских прав,

принято решение о направлении материалов о лишении родительских прав (отца) в мировой суд. Судом исковое заявление было удовлетворено, и принято решение о том, что отец детей не имеет право проживать совместно с несовершеннолетними детьми, так как своим воспитанием отрицательно влияет на их воспитание и психическое состояние, дети переданы на воспитание бабушке и дедушке.

КДН и ЗП применяют меры воздействия в отношении родителей, нарушающих нормы семейного законодательства, на заседаниях комиссии при рассмотрении протоколов об административных правонарушениях при участии не менее двух третей от числа ее членов. Меры воздействия применяются к родителям (законным представителям), чаще всего, за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию своих несовершеннолетних детей, объем которых не позволяет привлечь родителей (законных представителей) к уголовной ответственности. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» применяются такие меры воздействия, как предупреждение или наложение административного штрафа. Однако, противоправное деяние родителей (законных представителей), за которое предусмотрено административное наказание в соответствии со ст. 5.35 КоАП РФ, связанное с ненадлежащим исполнением обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних, граничит с деянием, предусмотренным ст. 156 Уголовного Кодекса РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

Таким образом, профилактическая работа с семьей является важной деятельностью на правильном пути становления личности несовершеннолетнего. Именно через своих близких подросток узнает, что такое хоро-

шо, а что такое плохо. Поэтому основным из направлений профилактики, проводимой органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений, является тесный контакт с семьями, в которых растут несовершеннолетние дети или которые оказывают отрицательное воздействие на их развитие и воспитание.

Органы внутренних дел осуществляют огромный объем работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Практически всем службам и подразделениям органов внутренних дел предписывается нормативными актами МВД России непосредственное участие в этой деятельности. Каждое подразделение и служба имеют свою сферу профилактики, отдельные объекты, категории лиц, однако методы и средства профилактической деятельности одинаковые. Например, пресечением правонарушений несовершеннолетних на улице занимается патрульно-постовая служба полиции. Служба участковых уполномоченных полиции занимается выявлением лиц, которые вовлекают подростков в пьянство, бродяжничество, противоправную деятельность. Подразделения уголовного розыска устанавливают несовершеннолетних, занимающихся противоправными действиями, лица, которые привлекают несовершеннолетних к преступлениям, преступных группировок подростков.

Учреждения уголовно-исполнительной системы, в первую очередь, занимаются предупреждением рецидивной преступности среди несовершеннолетних путем проведения культурно-воспитательной работы, оказание помощи в социальной адаптации, психологической помощи, медицинской помощи.

Как уже отмечалось, к органам системы профилактики относится прокуратура, осуществляющая надзор за исполнением законов физическими лицами, юридическими лицами, органами государственной власти, органами местного самоуправления, занимается восстановлением законности. Прокуратура также обеспечивает соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних

и их защиту от дискриминации. В пределах своей компетенции прокуратура:

– занимается предъявлением исков в суд в защиту интересов несовершеннолетних,

– обязательно участвует в судебном заседании при рассмотрении дел о лишении, ограничении и восстановлении родительских прав.

Органы здравоохранения занимаются лечением несовершеннолетних, употребляющих спиртосодержащую и алкогольную продукцию, наркотические, психотропные или одурманивающие вещества, а также осуществляют профилактические меры по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией среди несовершеннолетних, совершающих общественно-опасные действия. Также одной из функций органов здравоохранения является распространение санитарно-гигиенических знаний о заболеваниях, передаваемых половым путем, о беременности среди несовершеннолетних, родителей (законных представителей).

Все эти конкретные меры непосредственно или опосредованно влияют на приоритетное развитие превентивной гуманистической функции в деятельности органов национального правосудия в отношении несовершеннолетних детей. Таким образом, в результате взаимодействия органов системы профилактики и КДН и ЗП оказывается конкретная социальная и правовая помощь семьям и детям, принимаются меры принуждения к детям и родителям (законным представителям) в случае их неправомерного поведения. Именно системный подход представляет собой наиболее эффективное решение проблемы правонарушений и беспризорности несовершеннолетних. Каждое звено системы является незаменимым и обеспечивает стабильную работу КДН и ЗП.

На территории Российской Федерации действуют социальные программы, направленные на социальную реабилитацию несовершеннолетних, совершающих противоправные действия и в реализации которых ключевую роль выполняют КДН и ЗП. Перечислим наиболее значимые, на наш взгляд, программы.

1. «Не оступись!»

К целям этой программы относятся: профилактика преступности и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, а также рецидивных; социализация и реабилитация таких подростков; индивидуального сопровождения социальными работниками несовершеннолетних преступников в судах. Основными направлениями деятельности этой программы включают в себя следующие мероприятия:

- развитие системы учреждений и организаций, занимающихся работой с несовершеннолетними, совершившими противоправное деяние;
- создание условия для получения объективной и постоянной информации, для ведения межведомственной базы данных несовершеннолетних, которым необходима помощь;
- создание базы данных об имеющихся ресурсах помощи несовершеннолетним, совершающих противоправное поведение;
- усиление координации деятельности учреждений, занимающихся социальным сопровождением и социальной реабилитацией несовершеннолетних преступников;
- организация индивидуального социального сопровождения подростков;
- помочь добровольческим инициативам, занимаются поддержку трудных подростков;
- привлечение к работе в программе благотворительных фондов, бизнес-организаций;

2. «Дружественное детям правосудие»

Цель этой программы: практика рассмотрений дел против несовершеннолетних преступников с учетом их индивидуальных и возрастных особенностей; создание, развитие и распространение института социальных работников в судах в субъектах РФ. В рамках этой программы предусмотрено проведение следующих мероприятий:

- внедрение в правосудие против несовершеннолетних современных методов;
- разработка и внедрение межведомственных программ индивидуальной работы с несовершеннолетними с отклоняющимся

поведением и их семьями;

- организация экспериментальных площадок по внедрению социальных работников в судах;
- профессиональная подготовка и повышение повышения квалификации социальных работников в судах;
- помочь добровольческим инициативам, занимающихся поддержкой несовершеннолетних с отклоняющимся поведением [2].

КДН и ЗП участвуют в рамках этих программ путем создания и внедрения социальных проектов, направленных на социализацию и реабилитацию несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, осуществляются и другие программы по профилактике социального неблагополучия детей.

В современный период профилактическая работа инспектором по делам несовершеннолетних с лицами, является наиболее важной проблемой российского общества и приобрела общегосударственное значение. Многие подростки находятся под неблагоприятным влиянием ближайшего круга общения в том числе и внутри семьи, что приводит к совершению данными лицами правонарушений. Принимаемые меры по улучшению государственной политики в области профилактики опасных негативных социальных явлений неэффективны. До последнего времени нет состояния определенности в распространении перечисленных явлений, в связи с отсутствием государственного статистического учета в Российской Федерации, вследствие чего негативные явления, остаются невидимыми, преобладают в скрытом, абсолютно латентном состоянии, не проявляя себя явным образом.

Поэтому эффективность по профилактической работе непосредственно зависит от навыков государственных ведомств, организаций и учреждений взаимодействовать и сотрудничать между собой, чтобы это наименее влекло за собой негативные общественные социальные последствия, такие, как: рост правонарушений и преступлений,

которые совершают несовершеннолетние: алкоголизм, употребление наркотиков, проституция, ухудшение динамики и движения населения в стране.

У профилактики есть цель и заключается она в полном предотвращении всех причин, условий и факторов, которые способствуют отклонению в развитии и существованию поведения, которое в обществе неприемлемо. Подростку необходимо объяснять о быстром вхождении в криминальное сообщество в связи с поступками, имеющими противоправность, что пагубно и зачастую связано с невозможностью вернуться в общество с утратой доверия, в нормальную жизнь, а если и возможно – то с огромным усилием, сменой своего круга, друзей, привычек и потребностей, что, увы, для них не привычно в связи с тем что государство и люди, которые в нем живут «теряют» человека в лице достойного члена семьи, работника, который стал преступником. Человека покидают нормы морали, нормы духовных

качеств личности с наступлением полного разрушения без дальнейшего развития.

Социум не готов воспринимать личность с противоправным прошлым, связанным с криминалом в обычной жизни, в подготовке и принятии кадров на постоянную работу, в принятии их в учебные заведения высшего и среднего профессионального образования. Данная категория лиц ищет себя, происходит новое становление человека как личности, что зачастую приводит к возвращению в «криминальный мир», так как человек понимает, что не нужен, получает отрицательный итог в работе и учебе.

Следовательно, речь должна идти о высокой квалификации сотрудников и работников государственных органов и общественных организаций, обладающих полномочиями по обеспечению правопорядка среди подростков, а также подразделений ПДН, так как нужен подход, точность, слаженность в работе, индивидуальности в общении с подростками и их родителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17. Ст. 65.
2. Деятельность Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации // Сайт Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [Электронный ресурс] URL: <http://www.foNed-detyam.ru/activity/> (дата обращения : 30.12.2015).

© Каримова Г. Ю.

УДК 351.741.07:316.354(470)

Е. Ю. СЕМЕНОВ, доцент кафедры информационных технологий в деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук (г. Орел)

E. Y. SEMENOV, Associate Professor of the Department of Information Technologies in the Activities of the Department of Internal Affairs of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Candidate of Law (Orel)

Е. С. ЛЫСЕНКО, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. S. LYSENKO, Head of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Law (Ufa)

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ISSUES OF IMPROVING THE SYSTEM FOR EVALUATING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки качества деятельности органов внутренних дел (полиции). Рассматриваются недостатки существующей системы оценки деятельности органов внутренних дел (полиции), связанные с необходимостью достижения определенных качественных показателей. Рассматривается возможность более широкого применения для оценки качества деятельности социологических методов.

Ключевые слова и словосочетания: Оценка деятельности органов внутренних дел, оценка деятельности полиции, манипулирование статистикой, гонка за показателями, ведомственная оценка, вневедомственная оценка.

Annotation. The article deals with the issues of assessing the quality of the activities of the internal affairs bodies (police). The shortcomings of the existing system of evaluating the activities of internal affairs bodies (police) related to the need to achieve certain quantitative indicators are considered. The possibility of wider application of sociological methods for assessing the quality of activity is considered.

Keywords and phrases: Assessment of the activities of internal affairs bodies, assessment of police activity, manipulation of statistics, race for indicators, departmental assessment, non-departmental assessment.

Как известно в процессе реформирования органов внутренних дел одной из стратегических задач стало «создание новой, более совершенной системы оценки деятельности полиции» [3, с. 59]. В том числе была осуществлена попытка отказа от так

называемой «палочкой» системы, неизбежно приводящей к погоне за показателями, сформирована новая система социальной защиты.

На сегодняшний день вопросы оценки качества деятельности органов внутренних

дел урегулированы Приказом МВД России от 31.12.2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее – Приказ № 1040).

В соответствие с данным приказом оценка деятельности территориального органа МВД России складывается из ведомственной и вневедомственной оценки деятельности.

Ведомственная оценка деятельности органов внутренних дел, основана на оценке отдельных статистических показателей деятельности территориального органа внутренних дел по основным направлениям деятельности, таким как предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, выявление, раскрытие и расследование преступлений, и так далее.

При этом сегодня вся деятельность отдельных подразделений территориальных органов внутренних дел построена с учетом необходимости достижения определенных количественных показателей своей деятельности (количество расследованных уголовных дел, количество составленных административных протоколов, количество задержанных и пр.).

По мнению многих авторов при существующей в рамках сегодняшней оценки деятельности органов внутренних дел так называемой «гонке за показателями» зачастую слабо учитывается главная цель деятельности полиции – снижение уровня преступности.

Так например О. А. Кнаус указывает на то, что, система оценки деятельности следователей органов внутренних дел, основанная на количестве завершенных уголовных дел мотивирует их не на качественное, всестороннее и объективное расследование (как этого требует уголовно-процессуальное законодательство), а на скорейшее завершение расследования. По его же мнению система оценки деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, основанная на количественных (нагрузочных) показателях, так же ориентирует сотрудников на

достижение определенных количественных показателей (например количество раскрытий преступлений), что в конечном итоге может противоречить глобальным целям – борьбе с преступностью [4, с. 173].

Отдельные авторы, говоря о существующей ведомственной оценке качества деятельности органов внутренних дел указывают на такой её негативный фактор, как на возможность манипулирования статистическими данными. К примеру на практике достаточно распространены случаи, когда отдельные руководители территориальных органов внутренних дел не достигнув необходимых результатов (например по линии раскрытия преступлений) для того чтобы получить положительную оценку своей деятельности направляют все силы территориального органа на повышение общего количества регистрации преступлений, в том числе за счет возбуждения уголовных дел из числа материалов, возвращенных прокурором на дополнительную проверку.

Так например достаточно часто случаются ситуации, когда руководители органов внутренних дел, не достигшие высоких результатов в раскрытии наиболее опасных неочевидных преступлений, получают положительную оценку своей деятельности по тому, что все усилия личного состава всего территориального органа направляют на повышение общей регистрации преступлений, в том числе за счет возбуждения уголовных дел из числа материалов, возвращенных прокурором на дополнительную проверку и т. д. [2, с. 90]. Здесь описана достаточно типичная ситуация, именуемая «манипулирование статистикой».

Также следует отметить, что в конченом итоге «гонка за показателями» в отдельных случаях может приводить самих сотрудников на путь правонарушений или даже преступлений. Так например, сотрудниками могут совершаться противозаконные действия в отношении граждан с целью обвинить их в несовершенном преступлении. Результатом становятся резонансные факты о преступлениях сотрудников, которые наносят существенный вред репутации органов внутрен-

них дел в целом.

Очевидно, что существующая система оценки деятельности органов внутренних дел направлена в основном на оценку процесса деятельности отдельных подразделений и слабо ориентирована на достижение глобальной цели – снижение уровня преступности. В этой связи справедливыми считаем мнение, о необходимости изменения существующей системы оценки деятельности органов внутренних дел путем смещения ориентира от оценки количественных критериев повседневной деятельности к оценке достижения конечного результата.

Внедрение оценки согласно Приказ МВД России № 1040 основана в основном на использовании социологической (результатов оценки общественного мнения) информации отражающей мнение общества о результатах деятельности территориальных органов внутренних дел. Здесь положения приказа закрепляют и регламентируют положения п. 6 ст. 9, устанавливающей, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции.

Использование общественного мнения для оценки качества деятельности органов внутренних дел является логичным ввиду того, что основным предназначением полиции (ст. 1 Федерального закона «О полиции») является защита жизни, здоровья прав и свобод граждан. Соответственно мнение граждан об эффективности обозначенной деятельности органов внутренних дел не может не учитываться при оценке качества деятельности органов внутренних дел.

По справедливому замечанию ряда авторов, не смотря на то, что значимость использования результатов общественного мнения в действующей системе оценки эффективности правоохранительной деятельности увеличилась, система оценки, все-таки, в значительной мере, сохранила узнаваемые негативные черты, сложившиеся в дореформенный период, поэтому ориентирована преимущественно на внутриведомственное использование и преимущественно основана на информации, взятой из ведомственной

статистической отчетности [1, с. 54].

По данному вопросу в научной литературе справедливо отмечается, что исследования общественного мнения, которые сегодня осуществляются органами внутренних дел согласно требованиям Приказа № 1040 нельзя считать в полной мере эффективными и соответствующие требованиям времени. Так встречаются замечания о том что социологическая информация, формируемая в результате такого рода исследований не является достаточной эффективной для целей оценки деятельности территориальных органов внутренних дел, так как не позволяет в полной мере определить личные потребности и ожидания граждан от деятельности полиции, не показывает проблемы, которые по мнению самих граждан существуют в деятельности органов внутренних дел, не указывает на возможные пути решения выявленных проблем [5, с. 50].

Вместе с тем значимость исследований общественного мнения по вопросам эффективности деятельности полиции подчеркивается многими авторами, проводящими исследования в обозначенной области.

Так Ситкина М. Н., Романькова С. А, рассматривая социологические исследования, как эффективный инструмент оценки качества деятельности органов внутренних дел (в том числе полиции) указывают на такой критерий, как «степень удовлетворенности граждан полицией», определяемый на основе результатов исследования опросов граждан о работе полиции, а также количества жалоб на действия и решения сотрудников полиции и указывающий на эффективность деятельности отдельных территориальных подразделений органов внутренних дел [6, С. 62].

Скляров А.С. проводя исследования в обозначенной области, оценивая различные источники получения объективной информации о результатах деятельности органов внутренних дел (официальные статистические данные, аналитические материалы о ходе исполнения принятых решений, материалы контрольных проверок и ревизий, сообщения средств массовой информации,

жалобами граждан) указывает на социологические исследования, как на наиболее объективные источники информации указывает на социологические исследования. По его справедливому мнению социологические исследования направленные на выявление ключевых показателей деятельности органов внутренних дел, позволяют избежать таких негативных факторов в оценке деятельности, как формализм, диктат документальной отчетности, и, самое важное избежать так называемой «манипуляции с цифрами» со стороны заинтересованных лиц. Реальная информация, полученная от граждан, в результате социологических исследований, не заинтересованных лично в каких-либо показателях, результатах, называемая неангажированной, весьма ценна для целей эффективного управления органами внутренних дел.

В то же время, стоит согласиться и с тем, что социологических исследований не могут восприниматься исключительно как «истина в последней инстанции». Дело в том, что общественная оценка деятельности органов внутренних дел может быть связана с субъективным отношением респондентов к органам внутренних дел и их деятельности, основанным как на положительном, так и на отрицательном опыте общения с органами внутренних дел. Органы внутренних дел (в частности полиция) представляют самую обширную и многочисленную правоохранительную структуру государства, что в свою очередь определяет их максимальную приближенность и вовлеченность в общественную жизнь. Другими словами, с деятельностью органов внутренних дел так или иначе сталкивается каждый житель государства. Поэтому здесь справедливо мнение о том, что как бы эффективно (с точки зрения борьбы с преступностью) органы внутренних дел не работали, уровень удовлетворенности граждан, оцененный на основе оценки результатов общественного мнения может снижаться за счет попадания в результаты исследований лиц, недовольных деятельностью органов внутренних дел в силу субъективного негативного отношения (в том

числе и из-за справедливого привлечения к ответственности сотрудниками органов внутренних дел).

Поэтому рассматривая вопросы применения социологических исследований для эффективной и правильной оценки деятельности территориальных органов внутренних дел необходимо придерживаться определенных критериев. Прежде всего необходимы и сложный сравнительный анализ различных источников информации, и тщательная проработка критериев (показателей), которые будут положены в основу рассматриваемых социологических исследований.

Подводя итог следует отметить, что построенная в результате реформирования органов внутренних дел система оценки качества деятельности полиции, закрепленная Приказом МВД России от 31.12.2013 № 1040, все еще нуждается в доработке так как ориентирует сотрудников полиции в повседневной деятельности на достижение отдельных количественных критериев, что в конечном итоге может отвлекать от достижения конечного результата – снижения уровня преступности.

Следует обратить внимание на необходимость уделять больше внимания, при оценке эффективности деятельности полиции, результатам социологических исследований. Оценка результатов общественного мнения по вопросам деятельности полиции, является важнейшим инструментарием для определения эффективности деятельности органов внутренних дел в современных условиях. Вместе с тем современные методики оценки результатов общественного мнения, не являются совершенными и требуют доработки.

Здесь следует согласиться с тем, что социологические исследования, при этом должны опираться (проводиться с учетом) тщательно проработанных индикаторов о состоянии деятельности органов внутренних дел (уровень обеспечения правопорядка; противодействие правонарушениям; обеспечение безопасности граждан; отсутствие внутрикорпоративных конфликтов; жалобы на сотрудников со стороны граждан; отсут-

ствие / незначительное число надзорных производств прокуратуры, уголовных дел в отношении сотрудников полиции; корруп-

ция; формализм; низкий профессионализм; отсутствие мотивации и пр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. А. Совершенствование методического обеспечения оценки правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Дневник науки. 2019. № 6 (30). С. 54.
2. Артюхов А. В. Проблемы ведомственной оценки результатов деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 86 – 92.
3. Киричек Е. В. Реформа полиции в России: проблемы и перспективы // Власть. 2014. № 7. С. 59 – 63.
4. Кнаус О. А. Мотивирование сотрудников органов внутренних дел в системе оценки оперативно-служебной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 172 – 179.
5. Ипакян А. П. Оценка эффективности деятельности органов внутренних дел в механизме их реформирования // Труды Академии управления МВД России. 2007. № 4. С. 47 – 52.
6. Ситкина М. Н., Романькова С. А. Оценка деятельности органов внутренних дел (полиции): зарубежный опыт // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3 (74). С. 61 – 63.

© Семенов Е. Ю.
© Лысенко Е. С.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.98.

Г. Х. АФЗАЛЕТДИНОВА, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

G. KH. AFZALETDINOVA, senior lecturer at the forensic science department Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of Law (Ufa)

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРИЗНАКАМ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО
ИМУЩЕСТВА**

**SPECIFIC FEATURES OF INITIATION OF CRIMINAL CASES ON THE
SYMPTOMS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER
PROPERTY**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела по факту легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, для которого необходимо наличие предикатного преступления (возбужденного по факту незаконного предпринимательства, хищения, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и др.). Приведен перечень обстоятельств, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ. На основе анализа следственно-судебной практики по рассматриваемым преступлениям обращено внимание на полноту и объективность установления обстоятельств на момент возбуждения уголовного дела, влияющих на эффективность дальнейшего расследования и выносимое решение в суде.

Ключевые слова и словосочетания: легализация, отмывание, денежные средства, предварительное расследование, предикатное преступление, возбуждение дела.

Annotation. The article discusses issues related to the initiation of a criminal case on the fact of legalization (laundering) of money or other property, for which a predicate offense is required (initiated on the basis of illegal entrepreneurship, theft, crime in the field of illegal drug trafficking, etc.). A list of the circumstances necessary for making a decision to initiate a criminal case on the grounds of crimes under Art. Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the investigative and judicial practice of the crimes in question, attention is drawn to the completeness and objectivity of establishing the circumstances at the time of the initiation of a criminal case, affecting the effectiveness of further investigation and the decision made in court.

Keywords and phrases: legalization; laundering; cash; preliminary investigation; predicate offense; initiation of the case.

Преступления, предусмотренные статьями 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [1] не относятся к числу наиболее часто выявляемых преступлений. По многим основаниям, раскрытие,

расследование и пресечение преступлений данной категории является затруднительным, что требует индивидуального подхода в каждом конкретном уголовном деле.

Следует отметить, что при отсутствии информации о предикатном преступлении,

а также в случае, если оперативным сотрудникам не удалось получить достоверные сведения о легализации денежных средств или иного имущества в привязке к конкретному эпизоду преступной деятельности, то у следователя не имеется аргументированных и легитимных оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных статьями 174, 174.1 УК РФ. Вопрос о возбуждении уголовных дел по фактам легализации находится на особом контроле у надзорных органов, что обуславливает необходимость скрупулёзной оценки обстоятельств, установленных на момент принятия вышеуказанного процессуального решения. Незаконный оборот наркотиков представляет угрозу безопасности государства и здоровью нации в целом, поэтому необходим комплексный подход к данной проблеме, принятие исчерпывающих мер, направленных на предотвращение легализации денежных средств, получаемых от преступной деятельности.

Для раскрытия и расследования преступления в сфере легализации необходимо четко понимать схему перевода денежных средств или иного имущества и наличие документального подтверждения преступных деяний. Самыми распространёнными способами совершения легализации являются:

- создание фиктивных фирм;
- использование некоммерческих организаций, благотворительности;
- применение сделок с заниженной либо с завышенной ценой;
- совершение операций с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость;
- трансформация электронных денежных средств в наличную форму либо их последующий вывод из электронной формы путем перечисления на счет, открытый в одном из банковских учреждений;
- иной вариант преступных действий.

Любые проверочные мероприятия, будь то в рамках сообщения о совершенном преступлении либо возбужденного уголовного дела по факту предполагаемой легализации,

проводятся оперативными сотрудниками подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и противодействия коррупции, а также оперативными сотрудниками по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Информация в ходе проверки получает документальное процессуальное оформление и передается по подследственности в органы предварительного следствия для принятия решения в порядке ст.ст. 144-145 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) [2].

На стадии документирования действий лиц по имеющемуся сообщению о совершенном преступлении, проверяются данные о факте противоправного действия (легализации), противозаконном источнике поступления денежных средств или иного имущества, их взаимосвязи между собой, лицах, причастных к исследуемым эпизодам преступной деятельности. При решении вопроса о наличии в содеянном признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, следует выяснить, известно ли лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки о том, что денежные средства или иное имущество приобретены другими лицами преступным путем.

Обстоятельства, подлежащие установлению органами предварительного следствия, для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ:

1) подозрительные финансовые операции или сделки, их частота, временной период, время и место проведения, задействованные счета, наименование юридических и физических лиц, наименования банковских и иных кредитных учреждений;

2) о юридических лицах, созданных при помощи подставных лиц, преследующих цель легализации;

3) о подставных лицах, на чье имя зарегистрированы организации-однодневки, а также о лицах, которые фактически осуществляют проведение финансовых операций и являются выгодополучателями по ре-

зультатам их выполнения;

4) о платежных электронных системах, задействованных в финансовых операциях;

5) оперативно-розыскные мероприятия, которыми производилось документирование преступной деятельности;

6) об очевидцах и свидетелях, которые располагают информацией относительно событий совершения интересующих финансовых операций или сделок, а также пристальных к их производству;

7) об официально оформленных в оффшорных зонах и контролируемых преступным сообществом фирм (филиалов) юридических лиц и др.

Немаловажным обстоятельством является наличие в материале проверки рассекреченных результатов оперативно-розыскной деятельности, таких как прослушивание телефонных переговоров или иных мероприятий, прямо или косвенно указывающих на совершенное преступление и прочную связь предикатного преступления с легализацией. Основной задачей следователя в ходе проверочных мероприятий является деятельность по выработке рекомендаций для оперативных работников, с целью определить процессуальную допустимость и необходимый объём доказательств для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. До возбуждения уголовного дела возможно определить, достигнута ли цель оперативно-розыскных мероприятий (выявление достоверной и достаточной информации для возбуждения уголовного дела).

На основе качественно собранной информации о событии преступления и ее полного исследования органы предварительного следствия могут сделать первоначальные выводы о способе совершения легализации, а также выдвинуть возможные версии о преступлении, основные направления в расследовании уголовного дела.

При производстве предварительного расследования перед следователем стоит не только задача относительно сбора вещественных доказательств по уголовному делу, но и в выполнении необходимых процессуальных действий, предусмотренных статьей

111 УПК РФ, в частности наложении ареста на имущество (денежные средства). Лицо, осуществляющее расследование по уголовным делам, возбужденным по признакам состава преступлений, предусмотренными статьями 174, 174.1 УК РФ, помимо знаний нормативно-правовой базы должно обладать знаниями в области бухгалтерского учета, финансовых операций, банковского дела.

Для аргументированного разъяснения и закрепления в процессуальном порядке конкретного ситуативного момента, относительно совершенных финансовых операций, следователь обязан привлекать лиц, обладающих специальными познаниями в той или иной области.

Важно отметить, что для привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества необходимо установить основное преступление, при совершении которого было получено преступное обогащение.

В целом, при установлении фактов легализации важное доказательственное значение имеют полученные неопровергимые доказательства действий лиц по приданью видимости правомерного происхождения преступным доходам в крупном размере, а также факты использования этого имущества в предпринимательской или иной противоправной деятельности, например, в сфере незаконного оборота наркотиков. Справедливо отмечается, что «в процессе предварительного расследования фактов сбыта наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, выявляются многоступенчатые схемы сокрытия доходов от преступной деятельности, обеспечивающие анонимность или затрудняющие идентификацию участников операций с денежными средствами или иным имуществом» [3, с. 361].

Осуществляя предварительное следствие важно также помнить, что любое доказательство, полученное в рамках расследования уголовного дела либо на стадии доследственной проверки должно отвечать

требованиям допустимости и достоверности, то есть нормам статьи 75 УПК РФ. Последующее расследование преступления, связанного с легализацией зависит от вида расследуемого предикатного преступления.

Уголовные дела по статьям 174, 174.1 УК РФ, в соответствии с положениями статьи 20 УПК РФ относятся к уголовным делам публичного обвинения. Исходя из этого, следует отметить, что уголовные дела по факту легализации могут быть возбуждены при наличии:

- заявления о совершенном преступлении;
- явки с повинной;
- получения сообщения о совершенном преступлении;
- постановления прокурора о передаче материалов проверки в органы предварительного следствия для принятия решения.

Естественно, основная масса уголовных дел по факту легализации возбуждается из материалов предварительной проверки или выделенных уголовных дел по сообщениям о наличии признаков преступления, которое выявляется органами внутренних дел в ходе расследования основного преступления, реже при выявлении признаков преступления в ходе ведомственных проверок. С этой целью лицом, ведущим предварительное следствие регистрируется рапорт об обнаружении признаков преступления в книге учета сообщений о происшествиях. Основными документами, прилагаемыми к рапорту об обнаружении признаков преступления являются постановление о выделении материалов в отдельное производство, копии материалов из уголовного дела, возбужденного по предикатному преступлению (например, в сфере присвоения или растраты чужого имущества; незаконного предпринимательства; незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и др.), содержащие сведения о совершенной легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества.

Под полными и объективными сведениями, которые могут содержаться в материале доследственной проверки, указывающи-

ми на факты легализации следует понимать:

- полные данные физического лица, которым совершались финансовые операции или сделки, а именно сведения об имени, фамилии, отчестве; дате рождения; месте рождения; месте регистрации и прочее. Здесь же необходимо предоставление информации о личном осуществлении действий лицом либо по поручению другого физического лица (юридического лица);
- полные данные о юридическом лице, а именно информация об учредителе(ях); размере уставного капитала; руководителе юридического лица, главном бухгалтере (финансисте); регистрационных данных; проводимых подозрительных финансовых операциях или сделках (дата, время, расчетные счета, задействованные банковские или кредитные учреждения) и др.;

- полные данные о получателе (физическому лице или юридическом лице) денежных средств по финансовым операциям или иного имущества по сделкам;

- документальное оформление финансовых операций или сделок (виды документов; частота операций, сделок; лица, задействованные в их совершении).

В идеальном варианте принято указывать максимально полную информацию о факте совершенной легализации в постановлении о возбуждении уголовного дела, однако это не всегда осуществляется следователем. Так, в ходе расследования в отношении Х., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 (3 эпизода), ч. 4 ст. 159 УК РФ установлены обстоятельства предикатных преступлений, которыми выступали мошеннические действия, сопряженные с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Не полнота проведенной предварительной проверки, и как следствие, не установление достаточных обстоятельств, необходимых для объективного принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, не эффективно организованное дальнейшее предварительное расследова-

ние послужили причиной оправдания в суде Х. по ст. 174.1 УК РФ. Указанное свидетельствует о том, что при возбуждении уголовного дела по анализируемым противоправным деяниям не достаточно установления совершенных лицом финансовых операций и сделок с денежными средствами или имуществом, полученным в процессе совершения преступления, а необходимы действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, приданье им правомерного вида, видимости законности, то есть, чтобы источники доходов казались законными. А совершение финансовых операций лицом в целях личного обогащения не образует состава легализации (отмывания) [4]. Таким образом, от полноты и качества установления всех обстоятельств совершенного факта легализации зависит эффективность дальнейшего расследования и вынесенное решение судом о признании (либо оправдании) лица по указанному преступлению (преступлениям).

Так, в постановлении о возбуждении уголовного дела по статьям 174 и 174.1 УК РФ в должной мере должны быть обозначены следующие обязательные факты: сущность предикатного преступления, промежуток времени, в течение которого оно осуществлялось; источник происхождения преступного дохода; установленные способы и пе-

риод времени по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, а также причастные лица; установленная сумма денежных средств или имущества, в отношении которых осуществлялась легализация; данные о третьих лицах, причастных к деянию; сведения о постановке обвинительного приговора, в случае, если таковой имеется.

Уголовные дела по основному преступлению и легализации по сложившейся практике расследуют в одном производстве, предварительно их соединяют в одно производство, в случае, если преступления совершены одним и тем же лицом.

Необходимо отметить, что привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, во многом зависит от квалифицированности действий следователя, ведущего расследование, его профессионализма, взаимодействия со службой Росфинмониторинга и иными, а также с подразделениями МВД России, грамотно выстроенной тактики проведения следственных действий в ходе расследования по уголовному делу. На процесс расследования влияет качество документирования преступной деятельности лица (лиц), в действиях которого усматриваются признаки анализируемого преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. ФЗ от 1 июля 2021 г. № 292-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. (в ред. ФЗ от 1 июля 2021 г. № 294-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. Афзалетдинова Г. Х. Актуальные проблемы противодействия легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке : сборник материалов XI Международной конференции. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2019. С. 360 – 365.
4. Уголовное дело № 1-188/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Оп. 1. 248 л.

© Афзалетдинова Г. Х.

УДК [343.985.7:343.775]:343.983(470)

Л. Н. ЕРМОЛАЕВА, преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

L. N. ERMOLAEVA, teacher Departments of Criminalistics of the Ufa State University Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ

SOME PROBLEMATIC ISSUES THAT ARISE DURING THE PRODUCTION OF CERTAIN TYPES OF EXAMINATIONS

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при назначении и проведении судебной почвоведческой экспертизы, судебно-медицинской экспертизы, портретной экспертизы. Поставлены вопросы о необходимости определения вреда, причиненного окружающей среде, в связи с чем акцентировано внимание на закреплении данного понятия на законодательном уровне. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью различной тяжести. Акцентировано внимание на недостаточной информативности заключения судебно-медицинской экспертизы для доказывания вины либо невиновности лица, совершившего преступление рассматриваемой категории. Поставлены вопросы о необходимости привлечения медицинских специалистов узкой направленности на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении для анализа имеющейся медицинской документации и дачи объяснения по вопросам морфологии образования телесных повреждений. Выделена проблема установления фактического участия профицированного специалиста на стадии доследственной проверки. Автором предложен алгоритм его привлечения при производстве. Поставлены вопросы о необходимости закрепления на законодательном уровне требований к техническим характеристикам камер наружного видеонаблюдения и установления их лицами, имеющими определенные познания в данной сфере.

Ключевые слова: судебная почвоведческая экспертиза, сбор образцов для сравнительного исследования, причинение вреда окружающей среде, судебная медицинская экспертиза, медицинские специалисты узкой направленности, телесные повреждения, причинение вреда здоровью, портретная экспертиза, запись камер наружного видеонаблюдения.

Annotation. The article deals with the problems that arise when appointing and conducting a forensic soil science examination, forensic medical examination, portrait examination. Questions are raised about the need to determine the harm caused to the environment, in connection with which attention is focused on fixing this concept at the legislative level. The problematic issues arising during the investigation of criminal cases on crimes related to causing harm to health of various severity are considered. Attention is focused on the insufficient information content of the conclusion of the forensic medical examination to prove the guilt or innocence of the person who committed the crime of the category under consideration. The questions are raised about the need to involve medical specialists of a narrow focus at the stage of checking a report on a committed crime, for analysis, available medical documentation and giving explanations on the morphology of the formation of bodily injuries, in connection with which it is proposed to consolidate its mandatory participation at the legislative level. The problem of establishing the actual participation of a profiled specialist at the stage of pre-investigation verification is highlighted. The author suggests an algorithm for its involvement in production. The questions are raised about the need to fix the requirements for the technical characteristics of outdoor video surveillance cameras at the legislative level and establish them by persons who have certain knowledge in this area.

Keywords: forensic soil science examination, collection of samples for comparative research, environ-

mental damage, forensic medical examination, medical specialists of a narrow focus, bodily injuries, causing harm to health, portrait examination, recording of outdoor video surveillance cameras.

В России, при принятии решения по материалу доследственной проверки и расследованию некоторых видов преступления, основополагающим аспектом является наличие заключений соответствующих экспертиз.

Актуальность выбранной темы обусловлена прежде всего проблемами, возникающими при проведении почвоведческой, судебно – медицинской и портретной экспертиз.

Преступность действия предусмотренного ст. 254 УК РФ выражается в причинение вреда здоровью человека либо окружающей среде [1]. Из этого следует, что до принятия окончательного решения по результатам доследственной проверки, необходимо установить наличие не только действия, направленного на порчу либо отравление земли, но и фактическое наступление уголовно – наказуемых последствий, указанных в статье.

Вместе с тем, законодатель не дает четкого понятия причинения вреда окружающей среде, что вызывает определенные трудности при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Примером несостоенности законодательной системы в сфере регламентации критериев причинения вреда окружающей среде является уголовное дело № 11******, возбужденное в отношении неустановленного лица по признакам преступления предусмотренного ч. 1 ст. 254 УК РФ. Анализом материалов уголовного дела, установлено, что поводом для принятия решения о возбуждении уголовного дела явился протокол результатов биотестирования водной вытяжки из отхода № 25ОТ-20 от 06 апреля 2020 года Министерства природопользования и экологии Республики Башкортостан Государственного бюджетного учреждения РБ Управления государственного аналитического контроля, согласно которому отобранный отход соответствует IV классу опасности, создающий угрозу опасности

для окружающей природной среды [2].

Из протокола биотестирования следует, что в данном случае имеется лишь угроза опасности для окружающей среды, но никакой информации о фактическом наличии причиненного вреда не содержится.

Следует отметить, что методы проведения почвоведческой экспертизы трудоемки и энергозатратны. Это связано со спецификой их проведения, выраженной в определении конкретных организаций, имеющих допуск на осуществление такого вида исследования. Кроме того, немаловажным является установленный законом порядок сбора образцов почвенного слоя, который регламентируется несколькими нормативными документами, такими как: ГОСТ 28168-89 «Почвы. Отбор проб», ГОСТ Р 53123-2008 «Качество почвы. Отбор проб» [3], вступившим в силу с 01.01.2019 ГОСТ 17.4.3.01-2017 «Охрана природы. Почвы» [4], и осуществляется также лицами, имеющими допуск к осуществлению данной деятельности. Кроме того данный вид экспертизы не проводится сотрудниками Экспертно – криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ЭКЦ МВД России) в связи с чем возникает необходимость привлечения специалистов сразу нескольких сторонних организаций и ведомств, что крайне негативно сказывается на разумных сроках расследования.

В связи с изложенным считаем необходимым на базе ЭКЦ МВД РФ создать группу экспертов, из числа сторонних организаций и ведомств имеющих допуск к сбору образцов почвы различного вида, и обладающих конкретными познаниями в области экологии, что позволит в кратчайшие сроки проводить почвоведческие экспертизы, и оперативно принимать решения по данному виду правонарушений и преступлений.

Кроме того, предлагаем на законодательном уровне четко определить понятие вреда, причиненного окружающей среде,

что позволит также оптимизировать время проведения доследственной проверки с применением наиболее рациональных тактических приемов и методов, принимать законное и обоснованное решение.

Охрана здоровья личности является одним из приоритетных аспектов правового государства. Уголовным законодательством Российской Федерации закреплены конкретные действия образующие состав преступлений против жизни. Основным критерием принятия решения по материалу доследственной проверки по данной категории преступлений является наличие заключения судебно – медицинской экспертизы о степени причиненного вреда здоровью.

Однако при принятии решения по заявлению, содержащему информацию о фактах причинения вреда здоровью, нередко требуется не только установление степени тяжести вреда здоровью, путем проведения судебно – медицинской экспертизы, но и установление механизма образования обнаруженных телесных повреждений. При конфликтной ситуации и недостаточности доказательной базы по делам данной категории, существенную трудность представляет сам процесс доказывания факта причинения конкретным лицом установленного телесного повреждения. Это связано с отсутствия очевидцев произошедшего, запись камер наружного видеонаблюдения, существенных противоречий в показаниях, данных фигурантами произошедшего.

Анализируя Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» [5], а также Приказа Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (в ред. Приказа Минздравсоцразвития РФ от 18.01.2012 № 18н). [6], при производстве судебно – медицинской экспертизы, порядок нанесения ударов, их

точная количественность, морфология и особенности экспертами не оцениваются. Это обусловлено тем, что данная норма не оговорена законодательством регламентирующим вышеназванный вид экспертизы.

Нередко, на доследственной стадии, помимо определения степени причиненного вреда здоровью, при складывающейся неблагоприятной следственной ситуации, с учетом конфликта интересов, возникает необходимость точного определения невозможности образования тех или иных телесных повреждений при падении с высоты собственного роста, а образование их при конкретных обстоятельствах, трактуемых фигурантами произошедшего. Зачастую, не установление вышеперечисленных фактов ведет к неправильной квалификации преступления, а также незаконному привлечению лица к уголовной ответственности.

Ярким примером данной проблемы является уголовное дело № 120***** возбужденное в отношении гр. А по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, по факту нанесения ударов кулаками гр. И. в д. Иваново Уфимского района. Согласно заключения эксперта № 1-00 от 14.03.2017 года у гр. И. обнаружены телесные повреждения в виде закрытого перелома переднего отрезка 8 ребра справа без смещения, перелом XII ребра справа без смещения, которые по своему характеру, влекут длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше трех недель от момента причинения травмы и по этому признаку квалифицируются как причинение вреда здоровью средней тяжести. (Основание: п.7.1 Приказа Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»). Уголовное дело было возбуждено на основании заключения судебно – медицинского эксперта и объяснений, отобраных у фигурантов [7].

При расследовании уголовного дела и в рамках производства проверки показаний на месте с участием приглашенного узкого специалиста – врача травматолога уста-

новлено, что телесное повреждение в виде перелома 8 ребра справа по передней подмышечной соковой линии гр. И. получил от упора левой руки гр. А. в следствии падения последнего с высоты собственного тела на тело гр. И., сработал механизм противоудара. Производство по уголовному делу прекращено так как факт умышленного причинения телесных повреждений не нашел своего подтверждения.

Считаем, что данную проблему можно решить путем закрепления в уголовно – правовом законодательстве нормы обязательного участия узкого специалиста профилированного в медицине, уже на стадии сбора и рассмотрения материала проверки, до назначения судебно – медицинской экспертизы.

Кроме того, необходимо отметить не информированность лица, проводящего доследственную проверку, либо расследующего уголовное дело о наличие необходимого специалиста в определенной организации. Данный факт устанавливается только путем направления соответствующего запроса в конкретное медицинское учреждение, что приводит к затягиванию сроков принятия законного процессуального решения. Зачастую загруженность медицинских работников по месту основной работы, сводит на нет возможность их участия в следственных действиях.

Видим решение данной проблемы в направлении запроса уполномоченным на то лицом, в Министерство здравоохранения, с просьбой предоставить интересующего следствие специалиста для проведения конкретных следственных действий, с указанием конкретной даты и места их проведения.

Современный этап развития человечества и информационного общества обусловлен массовым внедрением компьютерной и цифровой техники во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в деятельность правоохранительных органов и процессов криминалистики.

Наиболее простыми и доступными способами идентификации человека являются физические методы, основанные на биоме-

трических признаках человека, наиболее полно и часто реализуемые в современных информационных интеллектуальных системах. К таким характеристикам, по которым производится идентификация человека, относятся отпечатки пальцев, лицо и голос человека, узор радужной оболочки, изображение сетчатки глаза.

Благодаря удешевлению устройств видеонаблюдения и постепенному созданию единого мирового хранилища изображений людей наиболее эффективным и быстрым способом идентификации личности является распознавание по лицу человека.

Видеонаблюдение – процесс, который предусматривает визуальный контроль или автоматический анализ изображений. В основе системы видеонаблюдения лежит программно-аппаратный комплекс (видеокамеры, объективы, мониторы, регистраторы и пр.), который предназначен для организации видеоконтроля, как на локальных, так и на территориально-распределенных объектах.

Необходимо отметить, доступность в современной действительности, продиктованной невысокой ценовой политикой видео наблюдательной техники, позволили установить камеры видеонаблюдения практически во всех общественных местах и общественных организациях, и, казалось бы, данный факт должен облегчить и качественно улучшить процесс расследования и раскрытия уголовных дел. Но как показывает практика, по изъятым такого рода видеоизображениям, экспертными учреждениями провести идентификацию личности по индивидуализирующими совокупностям признаков лица не всегда удается, ввиду не соблюдения правил видеосъемки. Так для качественного изображения лица совершившего преступление, и последующей его идентификации, проведения портретной экспертизы, необходима фиксация изображения лица преступника занимающего 1/6 либо 3/4 площади кадра. Исходя из вышеизложенного без законодательной основы, регламентирующей установление видеосистем непосредственно и только лицами, имеющими определенные познания

в данной области, целесообразность создание видеотеки с вышеописанных носителей отсутствует.

В статье нами были рассмотрены лишь некоторые проблемные аспекты возникающие при назначении и производстве почвоведческой, судебно – медицинской и портретной экспертиз. В связи с тем, что принятие решения по материалам дослед-

ственной проверки содержащим признаки преступлений против здоровья и порчи земли, а также идентификация личности по видеозаписи камер наружного наблюдения, последующее расследование уголовных дел указанной категории отличается сложностью, необходимо в дальнейшем осуществлять проработку методики их расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2021).
2. Уголовное дело № 11*****. Оп. 224 л.
3. ГОСТ Р 53123-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации качество почвы» [Электронный ресурс] – URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения : 02.09.2021).
4. ГОСТ 17.4.3.01-2017 «Охрана природы (ССОП). Почвы. Общие требования к отбору проб» [Электронный ресурс] - URL:<https://docs.cntd.ru/>(дата обращения : 02.09.2021).
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL:<https://www.garant.ru/> (дата обращения 03.09.2021).
6. Приказа Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (в ред. Приказа Минздравсоцразвития РФ от 18.01.2012 № 18н). [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения : 03.09.2021).
7. Уголовное дело № 120*****. Оп. 252 л.

© Ермолаева Л. Н.

С. Р. НИЗАЕВА, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

S. R. NIZAEVA, associate professor of criminalistics of the Ufa State University Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ

THE RELATIONSHIP OF CRIMINAL AND FORENSIC ASPECTS IN THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF SHARED HOUSING CONSTRUCTION

Аннотация. Одним из приоритетных направлений государственной политики в социальной сфере является обеспечение населения доступным и качественным жильем. Его реализация осуществляется в том числе посредством совершенствования правового регулирования долевого строительства многоквартирных домов. Повышенное внимание органов государственной власти к указанной сфере обусловлено наличием системных проблем, которые в основном связаны с введением в эксплуатацию объектов капитального строительства. Уровень латентности мошенничества в сфере долевого строительства жилья высок, поскольку с момента возникновения преступного умысла до его реализации проходит значительное время, что позволяет мошенникам имитировать законную деятельность, обманывать пострадавших обещанием исполнить принятые на себя обязательства и скрывать следы преступления. Общественные отношения, возникающие при совершении указанного вида мошенничества, а также теория и практика расследования, нашедшие отражение в научных публикациях, в материалах уголовных дел, в нормативно-правовых документах и других источниках, явились объектом исследования. Целью исследования является системный анализ проблем в области жилищного долевого строительства, влияющих на правоотношения между гражданами и строительными организациями и вопросы привлечения компаний-застройщиков к ответственности при нарушении уголовного законодательства. При подготовке публикации были использованы диалектический метод научного познания, общенаучные и частнонаучные методы.

Ключевые слова и словосочетания: строительство, долевое строительство, многоквартирный дом, жилье, застройщик, дольщик, строительная организация, расследование мошенничества.

Annotation. One of the priority directions of the state policy in the social sphere is to provide the population with affordable and high-quality housing. Its implementation is carried out, including through improving the legal regulation of shared-equity construction of apartment buildings. The increased attention of state authorities to this area is due to the presence of systemic problems, which are mainly associated with the commissioning of capital construction facilities. The level of latency of fraud in the field of shared-equity housing construction is high, since a considerable time passes from the moment of the criminal intent to its implementation, which allows fraudsters to simulate legitimate activities, deceive victims with a promise to fulfill their obligations and hide the traces of

a crime. Public relations arising from the commission of this type of fraud, as well as the theory and practice of investigation, reflected in scientific publications.

Key words and phrases: construction, shared-equity construction, apartment building, housing, developer, equity holder, construction organization, fraud investigation.

В настоящее время в Российской Федерации отмечается стабильный рост темпов ввода в эксплуатацию многоквартирных домов. Строительство, несмотря на экономические трудности, связанные, в том числе со сложной санитарно-эпидемиологической ситуацией в стране, является стабильной и динамично развивающейся отраслью российской экономики, так как долевое строительство относится к одному из самых распространённых способов приобретения жилья гражданами в Российской Федерации.

Вместе с тем, повышенное внимание органов государственной власти к указанной сфере обусловлено наличием системных проблем, которые в основном связаны с введением в эксплуатацию объектов капитального строительства. Существенное влияние на криминализацию строительной отрасли оказывают несовершенство нормативного правового регулирования, непрозрачность и значительный объем финансовых операций, коррупция и другие причины [6, с. 56-57].

Согласно данным отчета Счетной палаты Российской Федерации по итогам 2020 г., несмотря на принятые в 2018-2019 г. меры по совершенствованию действовавшего законодательства, количество обманутых дольщиков имеет тенденцию к увеличению и в настоящее время, по различным оценкам, составляет порядка 200 тысяч граждан. В едином реестре проблемных объектов по состоянию на 4 марта 2020 г. числится: 3061 дом с жилой площадью 18,1 млн кв. м. Наибольшее количество проблемных объектов находится в Московской области – 755 домов (24,7%), в Краснодарском крае – 261 дом (8,5%) [12].

Президент Российской Федерации в своих поручениях (№ ПР-2618 от 05 сентября 2011 г. [9], № ПР-1520 от 03 августа 2016 г. [10], № ПР-1235 от 19 июля 2019 г. [11] обращал внимание на необходимость усиления государственного регулирования сферы

долевого строительства жилья.

Новым организационным подходом в сфере жилищного строительства в нашей стране стало проектное финансирование. Такой подход должен стать гарантией качества и физической сдачи объекта. Кроме того, это позволит искоренить практику использования денежных средств, поступивших от «неквалифицированных инвесторов», которыми выступают дольщики. Теперь средства поступают на специальные счета в банках, которые застройщик сможет снять лишь после сдачи дома в эксплуатацию [4, с. 67-68].

С 21 октября 2017 года с целью защиты дольщиков регистрация первого договора осуществляется только после обязательных отчислений в Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства. Граждане, которые заключили договор долевого строительства, при банкротстве застройщика получают денежную компенсацию. Это относится не только к случаям умышленного банкротства, но и при любой другой кризисной ситуации, которая сложилась в процессе строительства. Договор об участии в долевом строительстве жилья может быть зарегистрирован только после перечисления денежных средств в Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства. В случаях неумышленного либо умышленного банкротства компаний-застройщика, гражданам выплачивается компенсация понесенных убытков. Эта сумма ограничена 10 млн. рублей [7, с. 28 – 29].

Рассмотрим вопрос привлечения к уголовной ответственности представителей компаний-застройщика. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что единое толкование нормы закона, предусматривающей ответственность за совершение мошеннических действий в рассматриваемой сфере, отсутствует.

Практика реализации ст. 159 УК РФ в субъектах Российской Федерации различна.

Согласно диспозиции указанной статьи к мошенническим действиям относят заключение договоров долевого участия в строительстве либо иных договоров, связанных с вложением в строительство объекта недвижимости при отсутствии необходимой для осуществления строительства документации; нецелевое использование денежных средств; прямое хищение денежных средств; так называемые «двойные продажи». В ряде случаев действия недобросовестных застройщиков квалифицируются как мошенничество в предпринимательской сфере (ранее ст. 159.4; ч. 5 и 6 ст. 159 в действующей редакции УК РФ). По мнению А.А. Коренной, данная квалификация неверна, поскольку с учетом специфики объекта посягательства (законные интересы покупателей строящегося жилья) преступление относится к категории совершаемых на потребительском рынке, а не к так называемым «внутри предпринимательского сообщества» [3, с. 161-162].

Следует отметить, что Верховный Суд в своем Постановлении конкретизировал, что согласно п. 4 примечания к ст. 159 УК РФ, действие ч. 5 ст. 159 распространяется только на те случаи преднамеренного неисполнения обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда обеими сторонами договора являются индивидуальные предприниматели или коммерческие организации [11]. При долевом строительстве, в основной своей массе (98%) потерпевшими являются физические лица.

При разграничении преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 200.3 УК РФ, суды исходят из следующего: ст. 159 и ст. 200.3 УК РФ находятся в разных разделах настоящего кодекса, они посягают на разные объекты правоотношений. Поэтому квалификация действий руководителя застройщика по ст. 200.3 УК РФ охватывает лишь часть признаков совершенных преступлений и фактически позволяет избежать уголовной ответственности за хищение чужого имущества, поскольку корыстный мотив, а также совершение преступления путем обмана и причинение имущественного ущерба остаются за рамками уголовно-правовой квалификации содеянного. Состав преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, является формальным, диспозиция статьи не предусматривает последствий в виде ущерба потерпевшим, а также не содержит указания на наличие признаков хищения [13, с. 78 – 79].

В долевом строительстве одной стороной сделки всегда выступает только юридическое лицо – застройщик. Физическое лицо, выступая в качестве покупателя, фактически является инвестором строительства жилья. В рамках договора долевого строительства он приобретает право требования оформления в будущем собственности на квартиру, строительство которой им оплачено. Жилье, которое еще не построено фактически не может являться собственностью. В случае обмана дольщиков объект права собственности не создается. В то же время договор долевого участия регистрируется в Росреестре и впоследствии становится основанием права собственности на квартиру.

Верховный суд РФ указывает на то, что квалификация мошенничества по признаку «лишение права на жилое помещение» (ч. 4 ст. 159 УК РФ) не верна. «Если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (например, в случае хищения денег под видом привлечения средств для участия в долевом строительстве многоквартирных домов), то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение» [8, с. 89].

Перечислим некоторые факторы, определяющие мошенничество в сфере долевого строительства жилья:

- длительность строительного цикла (от котлована до готового жилья);
- наличие непрозрачных финансовых и производственных механизмов взаимо-

действия с поставщиками, подрядными и субподрядными организациями;

– отсутствие финансово-отчётной документации по выполненному объему работ в течение длительного периода;

– правовая неграмотность участников долевого строительства жилья при заключении договора с застройщиком;

– привлечение денежных средств граждан посредством массированной рекламной кампании, заведомо низкими ценами за квадратный метр жилья, несоответствующими среднерыночной по региону [1, с. 68 – 69].

Организация расследования мошенничества в сфере долевого строительства жилья начинается с анализа структурных элементов криминалистической характеристики, которая представляет собой элемент частной методики расследования преступных деяний рассматриваемого вида, представляющий собой сложную систему типовых сведений, раскрывающую закономерности и процессы совершения рассматриваемых преступлений, поведения преступников, влияния на преступную деятельность пространственно-временных и окружающих условий (обстановки), а также противодействия ее выявлению и расследованию.

В данной статье рассмотрим системообразующие элементы криминалистической характеристики указанного вида преступлений:

– время, место и обстановка совершения преступлений исследуемого вида;

– способы совершения рассматриваемых преступлений [7, с. 19].

Анализ судебно-следственной практики позволил установить, что абсолютное большинство мошенничеств указанной категории (83 %) совершается в рабочее время (с 10.00 до 20.00 часов), то есть в период функционирования офисов (компании-инвестора, фирмы-застройщика, риэлтерского агентства, банковских организаций и т. д.), федеральных исполнительных органов (государственной регистрационной палаты, бюро технической инвентаризации), региональных и муниципальных организаций

(нотариальных контор, районных администраций и т. д.). Объясняется это тем, что данный вид мошенничества осуществляется посредством заключения документально оформленной сделки. Отличительной особенностью исследуемой категории преступлений является то, что время и место их совершения не имеют четко очерченных границ. Временем совершения мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости зачастую является довольно длительный промежуток между началом и окончанием преступления, а в сфере долевого строительства жилья мошенничества, как правило, являются длящимися, что является одним из условий их совершения [7, с. 20].

Время, место совершения преступления и его обстановка имеют прямую связь со способом совершения мошенничества. Фактические сведения о способе совершения преступления, содержат колossalный объем криминалистически значимой информации о средствах и механизме совершения преступления, о личности преступника, условиях и обстановке, в которой он готовился к совершению преступления.

Под способом совершения мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости нами понимается совокупность действий субъекта преступления по его подготовке, совершению и сокрытию, исходя из предполагаемой обстановки его совершения, избираемую в соответствии с предметом преступного посягательства, характеризующуюся последствиями содеянного – следами преступного деяния. Способ, как правило, выступает в качестве системообразующего элемента криминалистической характеристики исследуемого вида преступлений. Характерным признаком способа данного вида мошенничества является добровольность заключения сделки:

отсутствие физического воздействия на потерпевшего;

отсутствие принуждения к передаче денежных средств, якобы на приобретение не-

движимости (психологическое воздействие с целью побуждения потенциального покупателя к совершению сделки, нами в данном случае к принуждению не относится);

наличие выбора в определении фирмы-застройщика у потерпевшего. Потерпевший самостоятельно принимает решение о приобретении недвижимости посредством заключения договора с определенной компанией (в данном случае учитываются побудительные мотивы: советы родственников, друзей, не имеющих корыстной заинтересованности в сделке, осведомленность о фирме-застройщике из рекламного объявления и т.д.) [7, с. 26 – 28].

Преступления в области долевого строительства предполагают тщательную подготовку, к которой относится сбор правовой информации, изучение обстановки, лиц, которые могут помочь в совершении данного мошенничества, а также создании фиктивных фирм, занимающихся строительством, проведение рекламных кампаний и осуществление каких-либо второстепенных работ [5, с. 8 – 9].

Для долевого строительства свойственны следующие способы сокрытия преступления: а) утаивание, а также уничтожение информации или ее носителей; б) маскировка информации или ее носителей; г) фальсификация информации или ее носителей; д) смешанные способы.

Изучение уголовных дел, связанных с данным видом преступления, свидетельствует о том, что в процессе деятельности происходило уничтожение поступающей документации (в 38,7 % случаев); отсутствие бухгалтерской документации наблюдалось в 45,3 % случаев; велась двойная бухгалтерия в 28 % случаев. Следует отметить, что мошенники заранее готовили пакет документов, который они будут представлять дольщикам при невыполнении своих обязательств, что позволяло долго скрывать достоверную информацию. В 9,3 % изученных случаев организаторы исчезали вместе с похищенными денежными средствами. Более 68 % мошенничеств в области долевого строительства совершены

организованной преступной группой. [2, с. 98 – 100].

Остальные элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере долевого строительства жилья (личность преступника, личность потерпевшего, механизм следообразования) находятся в корреляционной связи со способом совершения преступления. Более детализированное изучение этих элементов подлежит отдельному исследованию вне рамок данной публикации.

Подводя итог, отметим, что автором статьи проведен анализ проблем квалификации мошенничества в долевом строительстве, связанных с юридическими сложностями в доказывании определенных признаков состава преступления (обман, злоупотребление доверием, корыстная цель, содержание умысла, момент его формирования и др.). В настоящее время существуют тщательно подобранные схемы сокрытия преступлений застройщиком, с целью получения денежных средств от дольщиков и дальнейших их хищений, искажения действительной информации, а также возникновение различных рисков, которые свойственны данному сектору экономики.

На этапе доследственной проверки заявления (сообщения) о мошенничестве в сфере долевого строительства жилья, необходимо учитывать вопросы уголовно-правовой квалификации деяния при формировании типичных элементов криминалистической характеристики указанного вида преступлений. При наличии в деянии признаков мошенничества, совершенного на потребительском рынке, а не внутри «предпринимательского сообщества», необходимо выделить способ его совершения, различая подготовку и этап сокрытия мошеннических действий. Конкретизация способа, позволит определить механизм следообразования. Поиск, фиксация и изъятие следов – основа формирования доказательственной базы по делу.

В том случае, когда совершенное

действие касается случаев преднамеренного неисполнения обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ), при формировании криминалистической характеристики следует учитывать, что сторонами договора являются коммерческие организации или индивидуальные предприниматели, в то время как при долевом строительстве потерпевшими являются физические лица

Таким образом, изучение теории и практики расследования преступлений в сфере долевого строительства жилья с учетом

структурного анализа элементного состава их криминалистической характеристики, позволяет констатировать наличие правовых пробелов противодействия преступным схемам в данной сфере. Для эффективности предварительного следствия необходим системный подход по внедрению в следственную практику управлеченских, процессуальных, криминалистических приемов, средств и методов расследования преступлений указанного вида, в частности на этапе доследственной проверки заявлений (сообщений) о преступлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайченко В. Е. Факторы, детерминирующие мошенничество в сфере долевого строительства // Юридический факт. 2019. № 79. С. 68 – 69.
2. Лопатин С. А. Особенности криминалистической характеристики мошенничества в области инвестиционного строительства // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (13). С. 98 – 100.
3. Коренная А. А. Уголовно-правовая ответственность застройщика // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2017. С. 161 – 162.
4. Корф В. И. Обманутые дольщики как актуальная проблема Российской действительности: социальный, экономический и правовой аспекты // Города России: проблемы строительства, инженерного обеспечения, благоустройства и экологии: сборник статей XX Международной научно-практической конференции. Пенза. 2018. С. 67 – 68.
5. Майорова Е. И. Характерные схемы совершения мошенничества в сфере долевого строительства // Российский следователь. 2017. № 6. С. 8 – 9.
6. Можаева И. П. Совершенствование организации расследования преступлений в сфере долевого участия в строительстве многоквартирных домов // Известия Тульского университета. Серия Экономические и юридические науки. 2020 № 3. С. 56 – 57.
7. Низаева С. Р. Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград. 2017. – 245 с.
8. Огородникова Н. В., Ищенко А. В. Уголовно-правовая защита обманутых дольщиков // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. С. 89.
9. О разработке комплекса мероприятий по окончательному решению до конца 2012 года проблем граждан, участвующих в долевом строительстве, обязательства перед которыми не исполняются застройщиками: поручение Президента Российской Федерации от 05.09.2011 № ПР-2618 // URL: www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/11642 (дата обращения: 25.06.2021).
10. О вопросах защиты прав граждан – участников долевого строительства]: поручение Президента Российской Федерации от 03.08.2016 № ПР-1520 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/52653> (дата обращения: 25.06.2021).
11. О модернизации строительной отрасли и повышения качества строительства: поручение Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № ПР-1235 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/550966183> (дата обращения 25.06.2021).
12. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
13. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации // URL:<https://ach.gov.ru/> (дата обращения 25.06.2021).
14. Подваркова М. Ю. Некоторые проблемы разграничения гражданско-правовых отношений и

уголовно наказуемого деяния, разграничения мошенничества со смежными составами преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 78 – 79.

© Низаева С. Р.

УДК 343.985.7:343.729(470)

Э. Д. НУГАЕВА, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Уфа)

E. D. NUGAEVA, Head of chair of criminalistics Ufa Law Institute Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ОКАЗАНИИ ОККУЛЬТНЫХ УСЛУГ С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЕМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ ОБВИНИЕМЫХ

PECULIARITIES OF THE INTERROGATION OF VICTIMS DURING THE INVESTIGATION OF FRAUD IN OCCULT SERVICES IN ORDER TO IDENTIFY THE TECHNIQUES OF VERBAL INFLUENCE BY THE DEFENDANTS

Аннотация. В статье раскрывается понятие речевого воздействия, используемое преступниками в криминальных манипуляциях, рассматриваются проблемы изложения речевого воздействия в допросах потерпевших от мошенничества при оказании оккультных услуг. Излагаются конкретные рекомендации по производству следственного действия с приведением примеров освещения текста допроса в процессуальном документе.

Ключевые слова: мошенничество, оккультные услуги, манипуляция, речевое воздействие, убеждение, внушение, побуждение.

Abstract. The article reveals the concept of speech influence used by criminals in criminal manipulations, discusses the problems of presenting speech influence in interrogations of victims of fraud in the provision of occult services. Specific recommendations for the production of an investigative action are set out, with examples of coverage of the text of the interrogation in the procedural document.

Keywords: fraud, occult services, manipulation, speech influence, persuasion, suggestion, motivation.

Специфика современной проблематики борьбы с мошенничеством в мире определяется не только ускоренным обновлением форм и способов мошенничества, но и высоким ростом его зарегистрированного объема.

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России свидетельствует о ежегодном

увеличении доли мошенничества в общей структуре преступлений. Если в 2015 г. доля мошенничеств составляла 8 % из всех зарегистрированных преступлений, то в 2016 г. она возросла до 9,7 %; в 2017 г. и 2018 г. доля мошенничеств в общей структуре преступлений была 10,8 %. В 2019 году доля мошенничеств всех видов возросла до 21,9 %.

В 2020 году на фоне пандемии зафиксирован рост мошенничества в общей структуре преступлений на 36% [15].

При совершении мошенничеств преступники стремятся активно использовать не только информационные технологии, но и скрытно психологически воздействовать на потерпевших, применяя знания психотехники, технологии внушения, нейролингвистического программирования и т. п. В последние годы, среди способов совершения мошенничества, особое место занимают те, что совершены при оказании оккультных услуг. Изучение судебно-следственной практики по исследуемой категории преступлений позволил сделать автору однозначный вывод: уголовные дела данной категории на фоне «текучести кадров» в правоохранительной системе, представляют определенные сложности для следственной практики. Значительные затруднения у следователей вызывает допрос потерпевших по фиксации применяемых преступниками скрытых психологических воздействий или манипуляций. Некачественно проведенный допрос потерпевшего вызывает проблемы при производстве комплексных социально-психолого-лингвистических, психолингвистических, психолого-психиатрических экспертиз, психологических, лингвистических экспертиз.

Для успешного проведения допроса необходимы знания в области психологии, логики, криминалистики, уголовного процесса. Использование ситуационного подхода, занимающего в криминалистике ключевое место, позволяет следователю рационально использовать силы и экономить время. После определения типовой следственной ситуации, отличающейся сочетанием характерных черт расследования в определенный его момент, следователю необходимо сформировать алгоритм проведения допроса с упором на частную следственную ситуацию.

При определении тактики допроса потерпевшего по делам о мошенничестве, совершенных при оказании оккультных услуг, необходимо учитывать индивидуальные, отличительные черты допрашиваемого. Из-

учение научной литературы по интересующей тематике и эмпирических материалов показало, что потерпевшие отличались излишней доверчивостью, отчаяньем и были сломлены горем или критическим стечением обстоятельств.

Обман, будучи способом совершения мошенничества, является ядром манипуляции. В специальной юридической литературе под обманом понимается «умышленное искажение или скрытие истины с целью ввести в заблуждение лицо, в ведении которого находится имущество, и таким образом добиться от него добровольной передачи имущества, а также сообщение с этой целью заведомо ложных сведений» [9, с. 56]. При злоупотреблении доверием собственник или иной владелец имущества, введенный в заблуждение, сам передает имущество мошеннику, полагая, что действует в собственных интересах. Обман и злоупотребление доверием предполагают психическое принуждение ненасильственного характера. Такое скрытое психическое принуждение ненасильственного характера определяется в психологии как манипуляция или скрытое психологическое воздействие [14, с. 94].

Е. В. Сидоренко под манипуляцией понимает «скрытое побуждение адресата к переживанию определенных состояний, принятию решений и (или) выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» [16, с. 14].

О. Р. Онищенко, определяет криминальное манипулирование «как систему средств направленного, скрытого, искусно выполненного психологического воздействия на жертву с целью завладения чужим имуществом или приобретения права на имущество» [10, с. 57].

Самым эффективным средством достижения целей манипулирования на общественном и индивидуальном уровне является речевое воздействие [10, с. 45]. Так, Т.В. Полетаева определяет речевое (языковое) манипулирование как «намеренное затемнение смысла высказывания с целью изменения ценностных установок в сознании реципиента» [13, с. 5].

Е. В. Шелестюк отмечает, что речевое воздействие – «есть влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающиеся особыми предметными целями говорящего, которые могут предполагать индуцирование определенных действий со стороны собеседника, изменение его отношения к тому или иному объекту, перестройку его мировоззрения, изменение его эмоционального либо психофизиологического состояния» [18, с. 39]. П.Б. Паршин к паралингвистическим системам, прежде всего, относит мимику, жесты, позы [12, с. 19]. Экстралингвистическая составляющая речи – включение в речь пауз, а также различного рода психофизиологических проявлений человека (плача, кашля, смеха, вздоха) [9, с. 1009].

Непосредственно в данном исследовании криминальная манипуляция рассматривается в способах мошенничества, существуемых как на межличностном контакте, так и опосредованно.

Лингвистика к способам речевого воздействия относит убеждение, внушение и побуждение, внутри которых выделяются ряд приемов и инструментов.

В протоколе допроса потерпевшего, совершенного при оказании оккультных услуг, должны найти отражение максимальное количество манипулятивных приемов и типов речевого воздействия. Ограничивааясь объемом работы, остановимся лишь на некоторых из них.

Этапы убеждения принятия оккультных услуг:

1. Социальное воздействие (приветствие, прощание, представление, извинение, прощение, обещание и т. д.).

Так, мошенниками использовались четкие инструкции при отборе потенциальных клиентов, в которых прописывались тексты реплик, порядок их изложения, возможные варианты поведения клиентов, способы завлечения и удержания жертв. Например, вариации приветствия клиентов: «голубушка моя», «светлый чистый человек», «вы чело-

век с огромным житейским опытом» и т. п.;

Лица цыганской национальности, зачастую речь с потерпевшим начинали со слов: «Здравствуй милая, прошу извинения, хочется воды попросить у добной женщины, взамен обещаю всю правду рассказать....

В диалоге с клиентов, мошенники, незаметно для последнего задавали вопросы по «раскрутке» клиента с целью определения социального статуса, семейного положения, наличия проблем, финансового состояния. Мошенникам внимательно слушали человека и в ходе беседы делали определенные выводы (часто обращается в поликлинику – плохое здоровье, наличие детей – проблемы в общении и т. п.).

При этом мошенники активно применялся при работе и удержании клиента метод «бомбардировки любовью», когда преступники проявляют к несчастным, больным и пожилым гражданам особую доброжелательность, обходительность, приветливость, заботу, ласку, лесть. *Пример описания в протоколе: «Экстрасенс Василиса, так была добра ко мне, искренне переживала, что я одинокая вдова, а мои дети живут за границей и редко общаются со мною.... Она проявляла заботу обо мне, интересовалась моим здоровьем и житейскими проблемами, предлагала помочь....»* [1].

2. Информирование (известие, сообщение, сведения).

С целью расположения клиентов, мошенники, апеллируя компетентностью и стажем работы, демонстрируют свои знания в вопросах парапсихологии, медицины, оккультизма, показывают дипломы и удостоверения обществ, ассоциаций и союзов с громкими названиями, ссылаются на известных в обществе людей, которым они помогли. «Элементарные навыки и приемы эффективной коммуникации и самопрезентации в исполнении мошенника служат основой для последующего воздействия на жертву» [8, с. 119].

Часто применяют прием по усилению интереса клиента за счет мнимого ажиотажа о большой занятости и загруженности экстрасенса *Пример: администратор сообщи-*

ла мне, что экстрасенс Радимир известен по всему миру и его график приема клиентов расписан на три месяца вперед!!!) [2].

При информировании клиента мошенники массированного воздействовали на чувства и ценности человека, цинично эксплуатировали уязвимые стороны клиентов. Основным средством воздействия являлась смерть потерпевшего либо близких ему людей в ближайшее время, неизлечимая болезнь, потеря финансов. Используя семантику «родные, близкие, мать, отец, дети, брат» и т. п. мошенники усиливали внимание жертвы на разговоре, основанном на чувстве сопереживания, сочувствия близкому человеку.

При подаче информации мошенники формировали у клиентов убежденность об искренней заинтересованности со стороны «экстрасенса» состоянием здоровья клиента либо его близких, избранности последних. С этой целью преступники осуществляли многочисленные, неожиданные ночные звонки клиентам, сообщая, что именно этот клиент вызывает особую озабоченность «экстрасенса» (например, якобы снится экстрасенсу и просит о помощи и т. п.), убеждают в проведении дальнейших сеансов.

3. Доказывание и аргументация.

Преступники активно используют эффект усиления стресса, рисуя перед клиентом страшную картину последствий «наведения порчи», «сглаза» и т.п., после чего предлагают выход из безнадежной ситуации, заключающейся в проведении сеансов. Массированно воздействуют на чувства и ценности человека, цинично эксплуатируя уязвимые стороны клиентов. В качестве мер оказания давления обычно избирались такие, с которыми потерпевший, по мнению преступников, не может не считаться. Основным средством воздействия являлась смерть потерпевшего либо близких ему людей в ближайшее время, неизлечимая болезнь, потеря финансов.

С целью формирования у клиентов убежденности об искренней заинтересованности со стороны «экстрасенса» состоянием здоровья клиента либо его близких, избран-

ности последних, преступники осуществляют многочисленные, порою неожиданные ночные звонки клиентам, сообщая, что именно этот клиент вызывает особую озабоченность «экстрасенса» (например, якобы снится экстрасенсу и просит о помощи и т. п.), убеждают в проведении дальнейших сеансов.

Пример описания в протоколе: «Целитель сообщил, что на мне порча на смерть и если не предпринять срочных мер, то наступит «точка не возврата» и только его сеансы помогут мне» или «Экстрасенс Радимир позвонил неожиданно ночью, и сообщил, что портал в потусторонний мир для моей семьи не закрыт, и если не провести сеансы по его закрытии, то в ближайшие три дня, мой муж и трое детей будут обречены на гибель... [2].

4. Симулированный диалог (обращение, риторический вопрос). Пример описания: Экстрасенс тихо и вкрадчиво спросил у меня: «Вы же не хотите усугубить положение своего сына, находящегося под следствием? Хотите ему помочь?». Цыганка спросила у меня: ты же не хочешь, чтоб умерла твоя мама? [3].

5. Размытие и подмена понятий. Мошенниками часто при общении с потерпевшим употребляются метафоры, неясные формулировки, скрытая алогичность, а также насыщенный «профессионального» сленга: оккультной, религиозной и псевдонаучной терминологии («биоэкстрасенсорное воздействие», «кодирование», «психозондирование», «ментальные модуляторы» и т. п.). Пример: экстрасенс сообщил мне, что после психозондирования моей кармы пришел к выводу, что моя загнанная душа, как разбитое зеркало. Для энергоинформационного обмена с космосом требуется провести неотложные сеансы... [2].

6. Эмоциональное воздействие. С целью убеждения клиента, подаваемая мошенником информация излагается в непривычной редакции, с эмоциональной и агрессивной окраской, с изменениями темпа и сочетает в себе скрытые формы целенаправленного внушения определенного варианта по-

ведения потерпевшим. «Эффект внушения достигается при условии значительного количества повторений (крайние случаи, например, введение в транс, сопровождаются многократным и монотонным повторением речевых стимулов)» [1, с. 3]. *Например, описание в протоколе допроса обращения мошенника к клиенту после объявления суммы за «лечебение»: «Экстрасенс: Милая моя, у меня такое впечатление, что я вам холодильник продаю или телевизор. Все материальное в конце концов окажется на помойке. Сейчас вы вкладываете не только в себя, но и во всю вашу родословную. Снимите с себя розовые очки и посмотрите, в каком положении вы находитесь...» [1].* В этом случае логика клиента подавлялась эмоциональным преподнесением информации от преступника. Или – фразы для разубеждения тех, кто вдруг захочет подтвердить «диагноз» на стороне: «хирург вам порчу не вырежет, батюшка в храме не поможет. Вам может помочь только тот человек, который обладает силой божественной...» [1].

7. Завуалированное навязывание решений, выгодных преступнику. Например, преступниками перед потерпевшим за проведение сеансов обозначается крупная сумма, но именно этому клиенту ввиду его трагичной ситуации делается внушительная скидка, которая на контрасте с первоначально озвученной суммой воспринимается как сравнительно скромной. В инструкциях рекомендовалось удерживать мотивационное напряжение клиента при помощи метода прерванного телефонного звонка. Мошенники внимательно слушают клиента, делая в ходе беседы определенные выводы («сама карма привела Вас обратиться к нам. Ваши проблемы будут решены с помощью наших специалистов. Нельзя терять время»), а затем неожиданно прерывают разговор с клиентом. «Техника прерванного телефонного звонка базируется на эффекте незавершенного действия, который заключается в том, что прерванные задачи в силу сохраняющегося мотивационного напряжения запоминаются лучше, чем завершенные. Таким образом, создается благодатная почва для

дальнейшего манипулятивного воздействия» [10, с. 144].

8. Используется известный прием манипулирования общественным и индивидуальным сознанием «магия числа». По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется максимально беспристрастным, он не может лгать... Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить не только логикой, но и количественными же аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо» [7, с. 68]. Мошенники, используя этот прием, озвучивают клиенту определенное число, несущее за собой, якобы, непоправимое, ужасное событие. *Пример, гадалка грозно сообщила мне, что через ровно 10 дней я умру [3].*

9. Использование преступных навыков. Войдя в доверие к потерпевшим, преступники убеждают потерпевших, что им послана «порча на смерть». В обосновании сказанного мошенники просят жертвам зажать в кулаке обработанные медным купоросом монеты или иглы, которые в зажатой ладони темнеют. По следующей схеме, преступники, отвлекая потерпевшую, незаметно на листе белой бумаги рисуют мылом, воском, kleem крест и могилу и просит жертву присыпать этот лист землей или перцем и привести по нему ладонью. В итоге на листе проступает нанесенный рисунок, что свидетельствует о якобы имеющейся порче. В результате, запуганные жертвы сами передают мошенникам свое имущество.

Для «снятия порчи» преступники уводят потерпевших в безлюдное место, где незаметно для жертвы заменяют принесенные ею куриные яйца на тухлые. Разбитое перед жертвой мошенником яйцо со зловонным запахом производит неизгладимое впечатление и свидетельствует о наличии якобы на жертве порчи. Либо скрытно подкидывают в разбитые яйца тугу скрученные резинки черного либо красного цвета. Резинка, разматываясь в содержимом яйца, дает эффект

шевеления червей. Особо ловкие мошенники применяют и подбрасывают жертвам живых дождевых червей, опарышей. Особо впечатлительных клиентов с плохим зрением применяют трюк с «кипящей» водой, который также свидетельствует о наличии якобы порчи на человеке. Для этого в стакан с водой, мошенник подбрасывает кусочки шипучих таблеток.

10. Подавление критичности жертвы с помощью целевого группового влияния (два человека и более убеждают потерпевшего столько времени, сколько требуется для получения искомого результата)» [17, с. 121]. Вовлечение в этот момент дополнительного манипулятора в виде авторитетного человека, достигшего значительных результатов в оккультных науках либо занимающего определенную должность, известного в широких кругах (например, артиста, победителя шоу, посвященного паранормальным явлениям). Такой тип речевого воздействия называют «использование образа авторитетного лица, которое не позволяет безразлично относиться к сего словам» [19, с. 70].

Этапы внушения:

1. Создание обстановки, влияющей на восприятие доносимых идей. Для формирования чувства комфорта и внушения будущему потерпевшему легальной деятельности организации и мнимой законности действий преступников, большое значение отдается интерьеру помещений для проведения сеансов, декорируемому с учетом предстоящей деятельности. Для ведения сеансов оформляется комната. Внешний антураж нацелен на то, чтобы у клиента возникло доверие к преступнику: убранство в приятной, спокойной цветовой гамме, на столах свечи, карты, «магические зеркала», шары для проведения спиритических сеансов, книги гаданий и предсказаний. Немалый акцент делается на эпатажность образа и колоритную внешность «экстрасенса»: надевание мантий, плащей, огромного количества украшений, подвесок, амулетов, четок и другой «магической» атрибутики». Все это должно найти отражение в протоколе допроса потерпевшего.

2. Образование измененных состояний сознания через музыкальное сопровождение, ритмы [10, с. 15] и ароматы.

3. Создание загадочности в проведении обрядов («вы поймете все позже, когда узнаете правду»);

4. Внушение ложной мысли о наличии у клиента экстрасенсорных способностей, их избранности и обязательной необходимости их реализации с целью обретения здоровья и оказания помощи другим. Далее непосредственно на семинарах чувство избранности и значимости происходящих событий закреплялись фразами: «Присутствующие на семинаре не случайны, они выбраны из сотни тысяч обычных граждан по особым показателям»;

5. Применение элементов механизма психического заражения и подражаний, которые обычно происходят в обстановке коллективных тренингов и семинаров. Используя эффект психического заражения, мошенники через массовые акции путем публичных выступлений с целью достижения собственных преступных целей воздействовали подаваемой информацией на клиентов.

6. Обращение при работе с клиентом к гипнотическому трансу, цыганскому гипнозу, эриксоновскому гипнозу, НЛП. *Пример описания: цыганка смотрела пристально мне в глаза и держала меня за руку. Что было дальше со мной, не помню. Пришла в себя от головной боли. Огляделась, поняла, что уже поздно, находясь в незнакомом дворе. Отсутствовали драгоценности, деньги, что были в кошельке и мобильный телефон [3].*

Этапы побуждения:

1. После проведения сеансов, мошенники для подавления воли и возможности дальнейшего управления поведением клиентов, обязывали последних выполнять нелепые «обряды», а также постоянно читать мантры, различные заклинания, заговоры, молитвы и т. п.;

2. Искусственно принуждали клиента к принятию решения в очень короткие сроки;

3. Требовали обязательно исполнять «обряда таинства».

Выявленные приемы манипуляций активно применялись как при привлечении, так и удержании клиентов. Использование достижений психолингвистики в описании способов речевого воздействия позволит

следователям установить поэтапное воздействие преступника на потерпевшего. Проведенный должным образом допрос потерпевшего возможно использовать как материал для назначения соответствующих экспертиз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Советского районного суда г. Нижний Новгород. Уголовное дело № 1-44/2015.
2. Архив Тушинского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-293/16.
3. Архив Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан. Уголовное дело № 1-689/2016.
4. Архив Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-397/2012.
5. Архив Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-16/2013.
6. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. к.ф.н. Екатеринбург, 2003. 23 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: 2015. 462 с.
8. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. 200 с.
9. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издат.ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009. С. 2027.
10. Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве : дис. ... канд. психол. наук. 212 с.
11. Онищенко О. Р. Манипулированием сознанием и поведением жертв при мошенничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 28 с.
12. Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкоznания. 1996. № 2. С. 19 – 42.
13. Полетаева Т. В. Речевые манипуляции в современной англоязычной рекламе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 18 с.
14. Полянская В. А. Анализ личности потерпевшего как объекта скрытого психологического воздействия по делам о мошенничестве // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 93 – 97.
15. Статистические данные ГИАЦ МВД России // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/20422560> (дата обращения: 07.08.2021).
16. Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Психология влияния : хрестоматия / сост. А.В. Морозов. СПб., 2001. 256 с.
17. Федоров А. Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 215 с.
18. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. М. 2014. 344 с.
19. Шунейко А. А, Авдеенко И. А. Осторожно: речевой аферизм! // Русская речь. 2015. С. 65 – 72.

© Нураева Э. Д.

УДК 343.71:343.235.4(470)

М. К. НУРКАЕВА, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

M. K. NURKAEVA, Candidate of Law, associate professor of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ КРАЖИ ЖИЛИЩЕМ, ПОМЕЩЕНИЕМ, ИНЫМ ХРАНИЛИЩЕМ ЛИБО МЕСТОМ, ОТКРЫТЫМ ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ ГРАЖДАНАМИ

THE PROBLEM OF RECOGNIZING THE PLACE OF THE COMMITTEE AS HOUSING, PREMISES, OTHER STORAGE OR PLACE OPEN FOR VISIT BY CITIZENS

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о перечне объектов, признаваемых в судебной практике жилищем, помещением либо иным хранилищем при совершении краж из садовых домов, бань, сараев, киосков, гаражей, хозяйственных блоков (хозяйственных помещений), салонов автомобилей, строительных объектов и строящихся домов, помещений, открытых для посещения гражданами, подвалов, комнат квартир и других мест совершения кражи.

Ключевые слова. Место совершения кражи, жилище, помещение, хранилище.

Abstract. The article discusses the issue of the list of objects recognized in judicial practice as housing, premises or other storage when committing thefts from garden houses, baths, sheds, kiosks, garages, utility blocks (utility rooms), car interiors, construction sites and houses under construction, premises basements, apartment rooms and other places where theft is committed, open to the public.

Keywords: Place of theft, dwelling, premises, storage.

Первое, на что следует обратить внимание, при рассмотрении проблем квалификации краж – это дискуссионность вопроса о перечне объектов, признаваемых в судебной практике жилищем, помещением либо иным хранилищем. Данный вопрос очень важен потому, что от признания объекта или места, из которого совершается кража, жилищем, помещением и иным хранилищем, либо местом, открытым для посещения гражданами, непосредственно зависит квалификация того или иного преступления. Разобраться в этом вопросе бывает несколько сложно, т.к. объекты и места, откуда совершаются кражи, на практике очень разнообразны, потому указанный вопрос представляет большой интерес для исследования.

Весьма распространенным и вызыва-

ющим проблемы квалификации местом совершения краж являются садовые дома, расположенные на территории садовых некоммерческих товариществ (далее – СНТ). В приговоре данные строения, сооружения, постройки именуются как «садовой дом», «дом», «садовой домик» и признаются, как правило, жилищем [1].

Так, приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 28.04.2017 года было установлено, что Я. совершил кражу из садового дома на территории СНТ, разбив металлическим предметом стекло окна [1].

Следующим приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 18.06.2017 года было установлено, что М. совершил кражу имущества из дома, расположенного на территории СНТ, взломав замок входной двери

с помощью куска металлической арматуры [1].

Такие же фактические обстоятельства были установлены приговорами Кировского районного суда г. Уфы РБ от 22.11.2018 года по обвинению Д. [1], от 29.04.2018 года по обвинению И. [1], от 13.03.2017 года по обвинению Я. [5].

Во всех случаях действия подсудимых были квалифицированы как кражи, совершенные с незаконным проникновением в жилище.

В противоположность вышеприведенным приговорам существуют иные приговоры, где строения, сооружения и постройки также именуются как «садовой дом», «дом», «садовой домик», но признаются помещениями [2].

Так, приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 13.03.2017 года Я. был осужден по двум эпизодам по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ, похитив имущество из садовых домов, расположенных в СНТ, путем взлома замка входной двери и повреждения стекла куском льда [2].

Таким же образом были осуждены виновные по приговору Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2017 года [2], по приговору Стерлитамакского районного суда РБ от 31.01.2017 года [2].

Данная проблема отсутствия единообразия по вопросу признания садовых домов на территории СНТ жилищем либо помещениям объясняется наличием или отсутствием доказательств, подтверждающих, что садовый дом предназначен для временного проживания и именно во время совершения преступления непосредственно использовался жильцами как временное жилье [3, с. 26-28; 3], а также подтверждающих осведомленность виновного в том, что, исходя из размеров, характера, внешнего вида строения, оно может использоваться в качестве временного жилья.

Далее следует рассмотреть проникновение в бани, сараи, киоски, гаражи, хозяйствственные блоки (хозяйственные помещения) при совершении кражи [4].

Так, приговором Кировского районного

суда г. Уфы РБ от 4.12.2018 года по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ был осужден Г., трижды похитивший на территории СНТ чужое имущество из бани, взломав замки входных дверей [4]. Также по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ были квалифицированы Кировским районным судом г. Уфы РБ действия Я., который тайно похитил имущество из бани, расположенной в поселке, взломав замок, в приговоре от 13.03.2017 года [4].

Аналогичным образом были квалифицированы совершение краж из бани по приговорам Кировского районного суда г. Уфы РБ от 28.03.2016 года по обвинению С. [4], от 13.10.2016 года по обвинению Б. [4], от 18.08.2016 года по обвинению А [4].

Рассматривая совершение краж из сараев, можно привести в пример приговор Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2.08.2017 года, которым действия Б., совершившего кражу с проникновением в помещение сарая путем взлома дверного проема ворот, были квалифицированы по п.п. «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ [4].

В пример подобной квалификации можно привести следующие приговоры: Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2.02.2016 года по обвинению Б. [4], Кировского районного суда г. Уфы РБ от 5.04.2017 года по обвинению Е.[4].

Следующим приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 28.04.2017 года Я. был осужден за кражу из торгового киоска по п. «б» ч.2 ст. 158 УК РФ, куда виновный проник путем повреждения стекла окна киоска [4].

Аналогично была дана квалификация случаям совершения кражи из киоска в приговоре Кировского районного суда г. Уфы РБ от 8.05.2018 года по обвинению Х. и Р.[4], в приговоре Кировского районного суда г. Уфы РБ от 27.04.2016 года по обвинению А.[4].

По эпизодам совершения краж из гаражей были вынесены приговоры Кировского районного суда г. Уфы РБ от 28.03.2016 года по обвинению С. [4], от 13.03.2017 года по обвинению Я., в котором было установлено, что виновный совершил кражу на террито-

рии СНТ из металлического гаража, в помещение которого проник путем отгибаания металлического листа перекрытия [4]. Действия Я. были квалифицированы по п.п. «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ, как и действия С.

В подтверждение квалификации по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ по факту совершения краж из хозяйственного блока (хозяйственного помещения) можно привести приговор Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2019 года, которым было установлено, что Р., находясь на садовом участке, совершил кражу из хозяйственного блока, куда проник, разбив стекло окна [4].

То же самое можно наблюдать в приговоре Уфимского районного суда РБ от 20.06.2019 года по обвинению Г. [4], в приговоре Стерлитамакского районного суда РБ от 31.01.2017 года по обвинению С. [4].

Итак, бани, сараи, киоски, гаражи, хозяйствственные блоки (или хозяйственные помещения) во всех изученных приговорах признаются помещениями. Однако здесь необходимо отметить немаловажный факт того, что в зависимости от доказанности, является ли баня, сарай, киоск, гараж, хозяйственный блок (хозяйственное помещение) сооружением, обособленным от жилых построек и предназначенным для постоянно-го или временного хранения материальных ценностей, либо строением, сооружением, предназначенным для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях, данная баня, сарай, киоск, гараж и хозяйственный блок (хозяйственное помещение) будет признаваться соответственно хранилищем либо помещением [5].

Данный факт подтверждается приговорами Октябрьского районного суда г. Уфы РБ от 4.10.2015 года по обвинению Ж. [5], Белорецкого городского суда РБ от 6.09.2016 года по обвинению Н. [5], Павловского городского суда Нижегородской области от 4.02.2019 года по обвинению В. и С. [5].

В подтверждение того, что вопрос о признании бани и гаража помещением либо иным хранилищем зависит от обстоятельств, выясненных в суде, и мнения судьи, о чём

свидетельствует факт исключения судом квалифицирующего признака «либо иное хранилище» как излишне вмененного, можно привести в пример приговор Кировского районного суда г. Уфы РБ от 28.03.2016 года, которым С. был осужден за кражи, совершенные с незаконными проникновениями в помещения [4].

Как видно из вышерассмотренных приговоров проникновение при совершении кражи в указанные строения, сооружения и постройки, признаваемые по уголовному делу как бани, сараи, киоски, гаражи, хозяйственные блоки (хозяйственные помещения) общепринято квалифицируются как проникновение в помещения либо иные хранилища.

Целесообразно отдельно рассмотреть случаи совершения краж из бани, примыкающей к дому, когда дом, в свою очередь, признается жилищем [6].

Так, приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 4.12.2018 года Г. был осужден по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ за кражу из жилого дома, куда он проник путем взлома замка входной двери, далее из дома – в примыкающую баню, откуда похитил имущество [6].

Подобная квалификация объясняется, на наш взгляд, тем, что похитили имущество непосредственно из бани – помещения, а не жилого дома – жилища. Однако нельзя отрицать тот факт, что при совершении кражи незаконное проникновение было не только в помещение, но и в жилище. К сожалению, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» обходит стороной рассматриваемый вопрос.

Верно, на наш взгляд, квалифицировал подобный случай по п.«а» ч.3 ст.158 УК РФ Стерлитамакский районный суд РБ в приговоре от 12.07.2015 года по обвинению Р., где виновный незаконно проник в подвал жилого дома [6].

Интересной представляется проблема совершения кражи с проникновением в автомобиль, где хранится ценное имущество

[7].

Так, в приговоре Кировского районного суда г. Уфы РБ от 16.08.2012 года было установлено, что З. дважды совершил кражу из автомашин, припаркованных возле садового участка, куда проникал путем взлома замка дверей автомашины. Следует обратить особое внимание на то, что было похищено имущество, не относящееся к автомобильным аксессуарам и не являющееся частью автомобильного оборудования (по уголовному делу это были отбойные молотки, шуруповерт, домкрат, газовый ключ и дрель с саморезами, деньги и т.д.), оставленное там собственником специально для хранения [7].

Аналогичные обстоятельства были установлены приговорами Кировского районного суда г. Уфы РБ от 11.08.2016 года по обвинению Ч.[7], Кумертауского городского суда РБ от 30.09.2018 года по обвинению З. [7].

Суды во всех случаях квалифицируют подобные деяния по ч.1 либо по п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ, однако нельзя не заметить, что собственник оставляет свои вещи в автомобиле для хранения, предполагая, что взломать замок автомобильной двери, разбить окно автомобиля и т.д. решится только лицо со стойкой антиобщественной направленностью. Тот факт, что лицо, совершающее кражу, не останавливается перед какими-либо препятствиями и устраниет их, говорит о высокой степени общественной опасности данных преступлений [8, с. 15-18].

Повышенную общественную опасность совершений краж из автомобилей можно продемонстрировать на примере уголовного дела № 1-38/2019 по обвинению Л., где было выяснено, что виновный при помощи заранее приготовленной отвертки проколол шину колеса автомобиля, чтобы во время замены колеса водителем, совершивший хищение из салона автомобиля. В последующем, водитель сел в автомобиль и, проехав немного, остановился для демонтажа колеса, а Л., открыв заднюю дверь, тайно похитил из автомобиля ценное имущество и деньги [7].

В данном уголовном деле виновный осуществил подготовительные действия для

кражи, выжидал, а после, способом, который граничит с открытым, но остался тайным, совершил все-таки, именно, кражу. Все это говорит о повышенной общественной опасности подобных преступлений.

Тем не менее следует отметить, что очень часто совершаются кражи из автомобилей, двери которых были не заперты, окна приоткрыты, что облегчает доступ к похищаемому имуществу, или с похищением автомобильного оборудования, аксессуаров, а не какого-либо оставленного там для хранения имущества. В данных случаях говорить о повышенной степени общественной опасности не приходится [9]. В подтверждение отмеченному можно привести приговоры Межгорьевского городского суда РБ от 20.01.2017 года по обвинению Б. и К. [9], Сибайского городского суда РБ от 29.04.2016 года по обвинению З. [9], постановление Октябрьского районного суда г. Уфы РБ от 28.05.2017 года по обвинению Г. [9]. Следовательно, решать рассматриваемую проблему путем внесения изменений в УК РФ нецелесообразно, т.к. её истоки кроются в недостатках юридической практики. В связи с этим нами предлагается внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 29.06.2021), дополнив его пунктом следующего содержания: «Лицу, совершившему кражу при обстоятельствах, свидетельствующих о повышенной степени общественной опасности деяния (например, возможность совершения грабежа и разбоя ввиду использования при краже оружия или предметов, используемых в качестве оружия), следует назначать наказание сроком или размером не менее одной трети от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за кражу».

Далее рассмотрим проблему отсутствия единого признания судебной практикой строительных объектов, строящихся домов помещениями либо жилищами при совершении кражи [10].

Приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2.08.2017 года было установлено, что Б. совершил кражу на территории

охраняемого строительного объекта медного кабеля, который перерезал ножовкой по металлу и кусачками. Суд признал строительный объект помещением [10].

Подобное признание строящегося дома помещением наблюдается в приговоре Абзелиловского районного суда РБ от 5.03.2016 года по обвинению С. и П. [10], в приговоре Уфимского районного суда РБ от 22.06.2016 года по обвинению Н. [10], в приговоре Стерлитамакского городского суда РБ от 3.03.2019 года по обвинению К. [10].

Другим приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2016 года Х. был осужден по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ за кражу из строящегося дома с проникновением в жилище, а именно за то, что, поднявшись на 4 этаж и взломав двери, виновный похитил имущество из бытового помещения, предназначенног для временного проживания [10].

К тому же мнению признания строящегося дома жилищем при совершении кражи были склонны Дуванский районный суд РБ в приговоре от 22.09.2015 года по обвинению З. [10] и Уфимский районный суд РБ в приговоре от 11.02.2018 года по обвинению К. [10].

В данном случае проблема отсутствия единобразия по вопросу признания строящегося дома, строительного объекта жилищем либо помещением, как и в случае с садовыми домиками, решается в зависимости от наличия или отсутствия в материалах уголовного дела достаточных данных о совершении кражи именно из жилого помещения, от доказанности того, что в данном строящемся доме, строительном объекте действительно временно проживали лица, имеющие отношение к стройке данных сооружений (рабочие, охранники, собственники и т.д.).

В дополнение к вышеуказанной проблеме необходимо рассмотреть случаи, когда виновный похищает имущество на территории строительного объекта не из самих строящихся объектов, а из всякого рода помещений и хранилищ [11]. Так, К. совершил кражу на территории строительного объекта

из строительного вагончика и был осужден по приговору Нефтекамского городского суда РБ от 27.01.2019 года [47] по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ. Строительный вагончик аналогично признан при совершении кражи помещением Верхнепышминским городским судом Свердловской области в приговоре от 30.08.2018 года по обвинению М. [48]. По приговору Стерлитамакского городского суда РБ от 15.03.2016 года действия Р. были квалифицированы по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ за кражу с территории строительного объекта из металлического ящика и будки, признанные судом как хранилища [49].

Следующим местом совершения краж, вызывающим проблемы квалификации и необходимым для рассмотрения в данной статье, является общедоступное помещение, открытое для посещения [12]. Под такими помещениями судебная практика понимает магазины, прилавки отделов магазина, торговые бутики, туалетные комнаты, больничные палаты, а также бытовые помещения и подземные гаражные боксы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 29.06.2021) в п.19 указывает, что проникновение в жилище, помещение, хранилище отсутствует, когда виновное лицо находилось, совершая кражу, в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами.

К примеру, Кировский районный суд г. Уфы РБ в приговоре от 2016 года по обвинению С. счел помещение турагентства открытым для посещения [12], в приговоре от 2.08.2017 года по обвинению Б. – таким торговым бутиком магазина по одному эпизоду, а по другому эпизоду – отдельное помещение в магазине, указанное как «отдел», с поверхности прилавка которого было совершено хищение [12], в приговоре от 6.06.2018 года по обвинению С. признал открытой для посещения туалетную комнату учебного заведения, где с подоконника путем свободного доступа было похищено имущество [12], в приговоре от 17.03.2019 года по обвинению Л. – больничную палату отделения поликлиники [12]. Во всех приго-

ворах содеянное было квалифицировано как кража с причинением значительного ущерба гражданину.

Здесь необходимо выделить проблему квалификации краж из бытовых помещений подъездов жилого дома и подземных гаражных боксов.

Так, по нескольким эпизодам совершения кражи из бытового помещения подъездов жилого дома К. был осужден по приговору Кировского районного суда г. Уфы РБ от 2020 года по п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ. Суд счел бытовое помещение подъезда жилого дома помещением, открытым для посещения гражданами, однако необходимо обратить внимание на установленный по данному уголовному делу факт, что бытовые помещения были огорожены от подъездов жилых домов стенами с запираемыми на замок дверьми, сделанными жильцами близлежащих квартир [12].

Рассматривая проблему квалификации краж из подземных гаражных боксов, необходимо констатировать, что если виновное лицо не взламывает двери либо не устраивает каким-либо образом другие препятствия при совершении хищения, что противоположное было установлено в приговоре Советского районного суда г. Липецка от 2.12.2018 года по обвинению К. [13], где подземный гаражный бокс был признан из-за взлома двери иным хранилищем, то суды признают совершенные действия кражами из мест, открытых для посещения гражданами [14]. Это подтверждается приговорами Кировского районного суда г. Уфы РБ от 6.06.2018 года по обвинению С. [14], от 17.03.2019 года по обвинению Л., где, в частности, подсудимый показал, что ворота подземного гаража были открыты, а ворота гаражного бокса – просто прикрыты [14].

В рамках данной проблемы совершения краж из помещений, открытых для посещения, необходимо осветить противоречивую судебную практику, касающуюся тайных хищений из кабинетов учебных заведений, служебных помещений, которые не были заперты [15].

Так, приговором Кировского районного

суда г. Уфы РБ от 27.01.2017 года действия П., которая совершила кражу, находясь в корпусе высшего учебного заведения, из аудитории данного учебного заведения путем свободного доступа, куда проникла через незапертую дверь, были квалифицированы по п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ, т.к. суд счел аудиторию местом, открытым для посещения. В том же приговоре подобный эпизод был квалифицирован аналогично, однако по третьему эпизоду, когда П., находясь в корпусе высшего учебного заведения, совершила кражу из лаборатории кабинета, куда проникла через незапертую дверь, содеянное было квалифицировано судом как кража с незаконным проникновением в помещение [15]. Квалификация по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ была дана Кировским районным судом г. Уфы РБ при рассмотрении уголовного дела № 1-30/2017, по которому было установлено, что С., находясь в здании школы, через незапертую дверь проник в помещение аудитории данной школы, где, убедившись, что за ним никто не наблюдает, похитил имущество [15]. Так же квалифицировал подобный случай кражи из служебного помещения, который был открыт для посещения гражданами, Кировский районный суд г. Уфы РБ в приговоре от 19.09.2016 года по обвинению Б [15].

Данная противоречивость объясняется, прежде всего, доказанностью факта свободного доступа в вышеуказанные помещения, открытости их для посещения гражданами, обоснованностью позиций по каждому уголовному делу государственного обвинителя, защитника и окончательным мнением каждого судьи.

Отдельно необходимо выделить проблему квалификации краж из подвалов. Подвалы, с проникновением в которые совершаются кражи, признаются судебной практикой и хранилищем [16], и помещением [17], и местом, открытым для посещения гражданами [18].

Так, в приговоре Павловского городского суда Нижегородской области от 4.02.2019 года по обвинению В. и С. подвал был признан иным хранилищем с мотивированием,

что квалифицирующий признак «незаконное проникновение в иное хорилище» подтверждается целью и способом проникновения в подвал дома [16]. Так же признали подвал хранилищем Кармаскалинский районный суд РБ в приговоре от 11.01.2017 года по обвинению И. [16], Кумертауский городской суд РБ от 21.02.2016 года по обвинению К. [16].

Напротив, в приговоре Ишимбайского городского суда РБ от 6.08.2017 года по обвинению К. [17], в приговоре Орджоникидзевского районного суда РБ от 11.10.2015 года по обвинению П. [17], в приговоре Салаватского городского суда РБ от 19.04.2017 года по обвинению Я. [17] подвал был признан помещением.

Совсем другую квалификацию совершения краж из подвалов по ч.1 ст.158 УК РФ, т.к. подвалы не были закрыты и находились в свободном доступе, можно наблюдать в приговоре Калининского районного суда г. Уфы РБ от 5.04.2017 года по обвинению А. [18], в приговоре Мелеузовского районного суда РБ от 19.06.2018 года по обвинению С. [18].

Следующей занимательной проблемой является совершение краж из жилых комнат квартир [19]. Данные ситуации косвенно регулирует п.19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 29.06.2021), в котором указано, что если лицо находилось в жилище правомерно, не имея преступного умысла, и затем совершило кражу, то квалифицирующий признак «незаконное проникновение в жилище» вменять не стоит.

Подобная квалификация демонстрируется приговором Мелеузовского районного суда РБ от 26.06.2015 года по обвинению К. [19], приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 22.03.2017 года, которым установлено, что Р. совершил кражу с причинением значительного ущерба гражданину, находясь в квартире дома, воспользовавшись отсутствием собственницы данной квартиры [19].

Однако здесь следует обратить внимание на то, что в некоторых случаях судебная практика квалифицирует вышеуказан-

ные ситуации, когда виновный находился в жилище правомерно, не имея преступного умысла, и затем совершил кражу, по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ с квалифицирующим признаком «незаконное проникновение в жилище» в противоположность рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ. Данные исключения касаются случаев, когда виновный совершает кражу из комнаты, взломав при этом замок на двери, сломав дверь или иным образом устранив существующие препятствия на пути совершения кражи, а также когда кража совершается из комнаты квартиры, принадлежащей другому лицу, с проникновением туда путем свободного доступа при правомерном нахождении виновного в указанной квартире [20].

Подобное наблюдается в приговорах Кировского районного суда г. Уфы РБ: от 4.03.2019 года, где было установлено, что К., находясь в квартире правомерно как один из арендаторов комнаты, совершил кражу из комнаты другого арендатора, воспользовавшись отсутствием в квартире кого-либо, сломав косяк двери [20]; от 20.02.2019 года, которым было установлено, что П. совершил кражу в квартире у своего знакомого, с которым совместно распивали спиртные напитки, из запертой комнаты путем повреждения замка двери и дверного полотна, воспользовавшись тем, что за его действиями никто наблюдает [20]. Во всех приговорах суд дал квалификацию по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ. Приговор с аналогичной квалификацией вынесен Карапельским районным судом РБ от 15.06.2015 года по обвинению Ш. [20].

Здесь же следует отдельно проанализировать приговор Бакалинского районного суда РБ от 23.04.2017 года, где жилая комната в квартире была признана помещением при совершении кражи виновным И., которому было известно, что собственница квартиры закрыла свои личные вещи в отдельной комнате на замок, и который, воспользовавшись ее отсутствием, путем снятия запорного устройства двери, собственно, совершил хищение. В обоснование квалификации по п. «б» ч.2 ст.158 УК РФ суд указал, что по-

терпевшая использовала свою комнату не как жилище, а как помещение для хранения своего имущества, что подтверждается тем, что она выехала из своей комнаты на другое постоянное место жительства и жить в данной комнате постоянно или временно не намеревалась, замок на дверь своей комнаты установила с целью сохранности находившихся там имущества, а не для цели ограничения И. в правах на пользование квартирой как жилищем [21].

В приведенных приговорах содержались примеры случаев, когда виновный, находясь в жилище правомерно и не имея преступного умысла, совершает кражу с взломом замков, повреждением дверей. Следующие приговоры являются примерами, когда кражи совершаются из комнат квартир, принадлежащих другим лицам, с проникновением в комнаты путем свободного доступа при правомерном нахождении виновных в данных квартирах [22].

Приговором Кировского районного суда г. Уфы РБ от 3.07.2019 года М. был осужден по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ за кражу из комнаты, принадлежащей потерпевшему,

в которую он не имел права входа в отсутствие последнего, дверь которой была приоткрыта [22]. В пример можно привести также приговоры Нефтекамского городского суда РБ от 27.12.2015 года по обвинению М. [22], Мелеузовского районного суда РБ от 12.10.2016 года по обвинению М. [22], Салаватского городского суда РБ от 22.11.2016 года по обвинению Ч.[22].

Данная проблема объясняется в случаях совершения краж с устраниением существующих препятствий на пути их совершения тем, что очевидна повышенная степень общественной опасности деяния, что недоступная для посещений комната не является открытой, тем самым, так или иначе, нарушаются неприкосновенность жилища. То же объяснение можно дать случаям совершения краж из комнат, принадлежащих другим лицам, т.к. отдельная комната в жилище согласно ст.16 Жилищного кодекса Российской Федерации [23] признается отдельным жилым помещением, что входит в понятие жилища, тем самым, так или иначе, также нарушается неприкосновенность жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовные дела № 1-174/2017, № 1-294/2017, № 1-361/2018 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Кировского районного суда г. Уфы РБ от 29 апреля 2018 г. по делу № 1-238/2018 // Официальный сайт Кировского районного суда г. Уфы РБ [Электронный ресурс]. URL: www.kirovsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).
2. Уголовное дело № 1-175/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-227/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Стерлитамакского районного суда РБ от 31 января 2017 г. по делу № 1-22/2017 // Официальный сайт Стерлитамакского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.starlitamaksky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).
3. Копылов В. А. Понятие «жилище» в УК РФ // Законность. 2005. № 9. С. 26 – 28; Матвеев М. С., Чиняева В. А. К вопросу об определении понятия «жилище» в уголовном праве. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-zhilische-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 06.07.2021).
4. Уголовные дела № 1-445/2018, № 1-175/2017, № 1-153/2016, № 1-190/2016, № 1-138/2016, № 1-28/2016, № 1-293/2017, № 1-174/2017, № 1-226/2018, № 1-164/2017, № 1-153/2016, № 1-184/2016, № 1-175/2017, № 1-281/2019, // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Уфимского районного суда РБ от 20 июня 2019 г. по делу № 1-155/2019 // Официальный сайт Уфимского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.ufimsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Стерлитамакского районного суда РБ от 31 января 2017 г. по делу № 1-22/2017 // Официальный сайт Стерлитамакского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.starlitamaksky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы РБ от 4 октября 2015 г. по делу № 1-136/2015 // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Уфы РБ [Электронный ресурс]. URL: www.oktiabrsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Белорецкого городского суда РБ от 6 сентября 2016 г. по делу № 1-236/2016 // Официальный сайт Белорецкого городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.belorecky.bkr.sudrf.ru; Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 4 февраля 2019 г. по делу № 1-1/2019 // Официальный сайт Павловского городского суда Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: www.pavlovsky.nnov.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

6. Уголовное дело № 1-445/2018 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Стерлитамакского районного суда РБ от 12 июля 2015 г. по делу № 1-132/2015 // Официальный сайт Стерлитамакского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.starlitamaksky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

7. Уголовное дело № 1-354/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-326/2016 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Кумертауского городского суда РБ от 30 сентября 2018 г. по делу № 1-220/2018 // Официальный сайт Кумертауского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.kumertauskiy.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Уголовное дело № 1-38/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ.

8. Шаповалов Ю. Н. Развитие законодательного закрепления квалифицирующего признака хищений «незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище» // Российский следователь. 2010. № 3. С. 15 – 18.

9. Приговор Межгорьевского городского суда РБ от 20 января 2017 г. по делу № 1-4/2017 // Официальный сайт Межгорьевского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.mezhgorevsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Сибайского городского суда РБ от 29 апреля 2016 г. по делу № 1-128/2016 // Официальный сайт Сибайского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.sibaisky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы РБ от 28 мая 2017 г. по делу № 1-298/2017 // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Уфы РБ [Электронный ресурс]. URL: www.oktiabrsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

10. Уголовное дело № 1-293/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Абзелиловского районного суда РБ от 5 марта 2016 г. по делу № 1-25/2016 // Официальный сайт Абзелиловского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.abzelilovsky.bkr.sudrf.ru; Приговор Уфимского районного суда РБ от 22 июня 2016 г. по делу № 1-111/2016 // Официальный сайт Уфимского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.ufimsky.bkr.sudrf.ru; Приговор Стерлитамакского городского суда РБ от 3 марта 2019 г. по делу № 1-137/2019 // Официальный сайт Стерлитамакского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.sterlitamaksky.bkr.sudrf.ru; Уголовное дело № 1-509/2016 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Дуванского районного суда РБ от 22 сентября 2015 г. по делу № 1-77/2015 // Официальный сайт Дуванского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.duvansky.bkr.sudrf.ru; Приговор Уфимского районного суда РБ от 11 февраля 2018 г. по делу № 1-43/2018 // Официальный сайт Уфимского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.ufimsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

11. Приговор Нефтекамского городского суда РБ от 27 января 2019 г. по делу № 1-72/2019 // Официальный сайт Нефтекамского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.neftekamsky.bkr.sudrf.ru; Приговор Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 30 августа 2018 г. по делу № 1-152/2018 // Официальный сайт Верхнепышминского городского суда Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: www.verhnepyshminsky.svd.sudrf.ru; Приговор Стерлитамакского городского суда РБ от 15 марта 2016 г. по делу № 1-67/2016 // Официальный сайт Стерлитамакского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.sterlitamaksky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

12. Уголовное дело № 1-30/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-293/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-263/2018 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-38/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-40/2020 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ.

13. Приговор Советского районного суда г. Липецка от 2 декабря 2018 г. по делу № 1-373/2018 // Официальный сайт Советского районного суда г. Липецка [Электронный ресурс]. URL: www.sovetsud.lpk.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

14. Уголовное дело № 1-263/2018 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-38/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ.

15. Уголовное дело № 1-19/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело

№ 1-30/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-401/2016 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ.

16. Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 4 февраля 2019 г. по делу № 1-1/2019 // Официальный сайт Павловского городского суда Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: www.pavlovsky.nnov.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Кармаскалинского районного суда РБ от 11 января 2017 г. по делу № 1-12/2017 // Официальный сайт Кармаскалинского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.karmaskalinsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Кумертауского городского суда РБ от 21 февраля 2016 г. по делу № 1-102/2016 // Официальный сайт Кумертауского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.kumertauskiy.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

17. Приговор Ишимбайского городского суда РБ от 6 августа 2017 г. по делу № 1-247/2017 // Официальный сайт Ишимбайского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.ishimbaisky.bkr.sudrf.ru; Приговор Орджоникидзевского районного суда РБ от 11 октября 2015 г. по делу № 1-367/2015 // Официальный сайт Орджоникидзевского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.ordjonikidzovsky.bkr.sudrf.ru; Приговор Салаватского городского суда РБ от 19 апреля 2017 г. по делу № 1-93/2017 // Официальный сайт Салаватского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.salavatsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

18. Приговор Калининского районного суда г. Уфы РБ от 5 апреля 2017 г. по делу № 1-95/2017 // Официальный сайт Калининского районного суда г. Уфы РБ [Электронный ресурс]. URL: www.kalininsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Мелеузовского районного суда РБ от 19 июня 2018 г. по делу № 1-116/2018 // Официальный сайт Мелеузовского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.meleuzovsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

19. Приговор Мелеузовского районного суда РБ от 20 июня 2015 г. по делу № 1-417/2015 // Официальный сайт Мелеузовского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.meleuzovsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Уголовное дело № 1-149/2017 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ.

20. Уголовное дело № 1-123/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Уголовное дело № 1-115/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Карайдельского районного суда РБ от 15 июня 2015 г. по делу № 1-116/2015 // Официальный сайт Карайдельского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.karaidelsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

21. Приговор Бакалинского районного суда РБ от 23 апреля 2017 г. по делу № 1-13/2017 // Официальный сайт Бакалинского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.bakalinsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

22. Уголовное дело № 1-231/2019 // Архив Кировского районного суда г. Уфы РБ; Приговор Нефтекамского городского суда РБ от 27 декабря 2015 г. по делу № 1-792/2015 // Официальный сайт Нефтекамского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.neftekamsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Мелеузовского районного суда РБ от 12 октября 2016 г. по делу № 1-373/2016 // Официальный сайт Мелеузовского районного суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.meleuzovsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021); Приговор Салаватского городского суда РБ от 22 ноября 2016 г. по делу № 1-628/2016 // Официальный сайт Салаватского городского суда РБ [Электронный ресурс]. URL: www.salavatsky.bkr.sudrf.ru (дата обращения: 06.07.2021).

23. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

© Нуркаева М. К.

А. А. РОМАНОВ, заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Уфа)

A. A. ROMANOV, Deputy Head of the Department of Fire and Tactical-Special Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences (Ufa)

ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY AS AN ACTUAL DIRECTION OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE IDEOLOGY

Аннотация. Статья посвящена анализу положений Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». На основе изучения современного состояния исследуемой сферы общественных отношений выявлен ряд пробелов правовой регламентации. В частности, автор приходит к выводу о фактическом отсутствии комплексного и системного подхода к профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Указано на необходимость усиления таких направлений как поддержка института семьи, социальная реабилитация семей, находящихся в социально опасном положении, некоторые иные меры общесоциальной профилактики. Предложена авторская редакция изменений и дополнений в Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Ключевые слова: безнадзорность, беспризорность, правонарушения несовершеннолетних, семья, профилактика насилия, государственная идеология

Annotation. The article is devoted to the analysis of the provisions of Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency". Based on the study of the current state of the studied sphere of public relations, a number of gaps in legal regulation have been identified. In particular, the author comes to the conclusion about the actual absence of a comprehensive and systematic approach to the prevention of neglect and juvenile delinquency. It is pointed out that it is necessary to strengthen such areas as support for the institution of the family, social rehabilitation of families in a socially dangerous situation, and some other measures of general social prevention. The author's version of amendments and additions to the Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency" is proposed.

Keywords: neglect, homelessness, juvenile delinquency, family, prevention of violence, state ideology.

В соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функцио-

нирования публичной власти» и по итогом всероссийского голосования в Основном законе государства указано в качестве бесспорной ориентира, цели развития российского общества укрепление института

семьи, развитие, воспитание и поддержка детей [1]. Положения Конституции Российской Федерации должны находить развитие и конкретизацию в законах и подзаконных актах. Одним из актуальных направлений формирования полноценной личности ребенка и его защиты является профилактика безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, профилактика их девиации.

По данным судебной статистики, почти половина преступлений с участием несовершеннолетних совершаются ими в соучастии в составе групп, что характеризует особенности психологии подростков-осужденных. Каждое третье преступление совершается несовершеннолетними совместно с взрослыми. Рост числа подростков-осужденных обуславливает важность переосмыслиения профилактических мер, направленных на искоренение рецидива совершения ими правонарушений и преступлений [4].

В систему профилактики вовлечены различные государственные органы, службы и ведомства начиная с учреждений и органов, ответственных за исполнение уголовных наказаний и заканчивая социальными службами, которые решают проблемы бытового и трудового устройства. Значимую роль в этой работе играют общественные объединения и представителей общественности. Конечно, важнейшая роль в данном случае отводится родителям несовершеннолетних детей. Однако, к сожалению, следует отметить, что не все родители в полной мере умеют реализовывать воспитательное воздействие на несовершеннолетних, не все имеют положительные примеры подобного воспитания. Ошибки родительского воспитания непременно сказываются на уровне развития детей, в связи с чем общество и государственные институты не должны устремляться от вопросов воспитания и оказывать всестороннюю помощь, поддержку семье в данном вопросе, создавать условия для реализации наилучших форм воспитания родителями.

В настоящей статье на основе научного анализа предпринята попытка оценки положений Федерального закона от 24 июня 1999

года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] (далее – Закон) с точки зрения их соответствия современному уровню развития общества и имеющихся угроз, эффективности правоприменения данного закона.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» под профилактикой преступлений и административных правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений а также на создание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [3].

Такой отрицательный показатель, как безнадзорность несовершеннолетних, их беспризорность, характеризующий положение этой возрастной группы общества, совершенно определенным образом сигнализирует о тревожных явлениях в жизни современного российского общества. Подростковая безнадзорность обусловлена отсутствием правильным образом организованного контроля и надзора, который должен осуществляться семьей несовершеннолетнего во взаимодействии с образовательными учреждениями, за его досугом и времязнанием.

Кроме того, безнадзорность также можно определить как следствие умение либо нежелание родителей несовершеннолетнего или лиц, которые их заменяют, выполнять свои непосредственные обязанности по воспитанию детей или же как следствие плохого микроклимата в семье. Формы выражения отсутствия или недостаточности воспитательного момента могут быть совершенно разные: отсутствие должной требовательности по отношению к ребенку, контроля за его учебой и досугом, в определении его домашних обязанностей. Пренебрежение со стороны родителей к необходимости контролировать

круг знакомств и общения ребенка порождает в итоге одну из наиболее опасных форм подростковой безнадзорности - его вовлечение в криминальные компании.

Представляется, что явление безнадзорности, как одной из причин, способствующих и сопровождающих преступность несовершеннолетних, представляет собой существенное нарушение неотъемлемых прав несовершеннолетнего на адекватное воспитание, благоприятное семейное окружение и развитие. Беспрizорность же является следствием безнадзорности, ее углубленным отрицательным развитием и характеризуется всеми возможными разновидностями девиантного поведения, например, участием в квартирных кражах, в разбойных налетах [5].

Проведение профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних, находящихся в группу риска, является крайне важным. Однако работу необходимо проводить и с их окружением: сверстниками, с которыми ребенок или подросток проводит время, с родителями, учителями школы, в которой обучается ребенок, а также с остальными учениками. С России существует Фонд поддержки пострадавших от преступлений – организация, оказывающая бесплатную юридическую и психологическую помощь потерпевшим и свидетелем в уголовном процессе, а также реализующая ряд социально значимых проектов.

Таким образом, меры общей профилактики правонарушений применяются ко всем лицам, находящимся на территории Российской Федерации, тогда как меры специальной профилактики к конкретным лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, склонных к совершению правонарушений. Индивидуальная профилактика заключается в работе с личностью профилактируемого в целях недопущения совершения правонарушений с его стороны.

Одним из основных направлений профилактики правонарушений является устранение их детерминирующих факторов. Таким образом, важное место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних занимает выявление причин и условий данных негативных явлений и последующая целенаправленная работа по их нейтрализации.

В криминологической науке справедливо отмечается, что ослабление института семьи, ее социальные болезни являются одним из основных детерминирующих факторов безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Не случайно в новой редакции Конституции Российской Федерации закреплена обязанность правительства Российской Федерации по укреплению и защите семьи, сохранению традиционных семейных ценностей. Однако, к сожалению, указанный Закон почти не уделяет внимания вопросам поддержки семей, находящихся в социально опасном положении. Обращают на себя внимание и некоторые другие проблемные аспекты названного Закона, среди которых: отсутствие общественного контроля за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, что сказывается на эффективности их работы; игнорирование роли Правительства Российской Федерации в регулируемой законом сфере общественных отношений; недостаточное внимание профилактическим мерам общесоциального характера в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Кроме того, не смотря на то, что в своем названии Закон гласит о системе профилактики, наличие названных и некоторых иных пробелов не позволяет говорить о комплексном и системном подходе к решению проблемы безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, например, в рамках интервьюирования инспекторов по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (общее количество опрошенных – 23 человека из разных регионов Российской Федерации), было установлено, что в ряде комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, в состав которых входили опрошенные сотрудники, работа с несовершеннолетними, совершившими правонарушения или имевшими асоциальное поведение, а также с семьями,

находящимися в социально опасном положении (как правило, это социально неблагополучные семьи, где взрослые злоупотребляют алкогольной продукцией, присутствует семейно-бытовое насилие и т. п.), ограничивается профилактическими беседами, основанными на психологическом воздействии и предупреждении о возможном применении мер административного принуждения, ограничения или лишения родительских прав, изъятия детей из семьи.

В других комиссиях их председатели (как правило, это главы муниципалитетов) проявляли инициативу и неформальный подход, старались помочь семье и, соответственно, создать для несовершеннолетнего благоприятную окружающую обстановку. Так, при злоупотреблении родителей несовершеннолетнего алкогольной продукцией, они стимулировались к обращению в специализированные организации для лечения от зависимости. Оказывалось содействие в трудоустройстве родителей несовершеннолетнего, оказывалась помощь в распределении финансовых средств. Оказывалось содействие по восстановлению документов, оформлению льгот или иной социальной помощи. Дети из таких семей записывались на творческие или спортивные секции или кружки. Оказывалось юридическое и психологическое консультирование. В некоторых случаях к работе по реабилитации семьи подключались учреждения традиционных религиозных конфессий (церковные приходы, мечети). Тем не менее, положительные практики работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав не обобщаются и не тиражируются на всей территории страны, что также не способствует совершенствованию правоприменительной практики в данной сфере.

Отсутствие системности в вопросе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних отражается в недостаточном внимании Закона к профилактическим мерам общесоциального характера. К последним, в частности, можно было бы отнести формирование положи-

тельного образа семьи – традиционной многодетной многопоколенной семьи, в которой несовершеннолетний учится моделям взаимодействия с людьми и проходит начальную социализацию [6]. Этот образ должен поддерживаться и на уровне государственной политики, и на уровне культуры и, бесспорно, подкрепляться мерами экономической поддержки семьи, которые также являются мерами общесоциальной профилактики. Учитывая, что значительная часть фактов социального сиротства или насилия в отношении несовершеннолетних происходят на фоне злоупотребления алкоголем или иными одурманивающими веществами, важным профилактическим направлением общего характера выступает формирование здорового образа жизни. Недооценка всех этих направлений не позволит добиться эффективности по другим. В частности индивидуальная профилактическая работа окажется очень напряженной, затратной, но не эффективной.

На основании изложенного, на наш взгляд, целесообразно внесение изменений и дополнений в Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в ниже приведенной редакции.

1. Статью 10 дополнить частью 5 следующего содержания:

«5. Общественный контроль за эффективностью деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», а также посредством опубликования на официальных сайтах высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации неперсонофицированных отчетов о работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.».

2. Главу II дополнить статьей 10.1 следующего содержания:

«Статья 10.1. Правительство Российской Федерации:

1) определяет в пределах своих полномочий направления государственной политики по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, укреплению института семьи;

2) утверждает примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав и осуществлении ими деятельности;

3) выявляет положительный опыт, наиболее эффективные формы и методы работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, координирует применение выявленного положительного опыта, наиболее эффективных форм и методов работы на территории Российской Федерации;

4) разрабатывает программы общесоциальной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и обеспечивает их реализацию.».

3. Абзац 1 части 1 статьи 11 изложить в следующей редакции:

«1. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав создаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устраниению причин и условий, способствующих этому, обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних и социальной реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении, выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суициdalным действиям.».

4. Абзац 7 части 1 статьи 11 исключить.

5. Часть 2 статьи 11 дополнить пунктами 8 и 9 следующего содержания:

«8) разрабатывают комплексные программы социальной реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении, и координируют их реализацию органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

9) изучают и применяют в своей деятельности положительный опыт, наиболее эффективные формы и методы деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.».

6. Часть 2 статьи 14 дополнить пунктом 6 следующего содержания:

«6) совместно с учреждениями социального обслуживания обеспечивают организацию в образовательных организациях общедоступных курсов для семей, имеющих несовершеннолетних детей, а в случаях, предусмотренных комплексной программой реабилитации семьи, находящейся в социально опасном положении, организуют обучение родителей несовершеннолетних детей методикам и практикам воспитания.».

5. Пункт 10 части 1 статьи 18 изложить в следующей редакции:

«10) выявление, учет, обследование при наличии показаний медицинского характера и лечение несовершеннолетних, употребляющих алкогольную и спиртосодержащую продукцию, наркотические средства, психотропные или одурманивающие вещества, а также осуществление других входящих в их компетенцию мер по профилактике алкоголизма, незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ несовершеннолетними, а в случаях, предусмотренных комплексной программой реабилитации семьи, находящейся в социально опасном положении, родителей несовершеннолетних, наркомании и токсикомании несовершеннолетних и связанных с этим нарушений в их поведении, в том числе проведение профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования;».

6. Часть 1 статьи 19 изложить в следующей редакции:

«Органы службы занятости в порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации», участвуют в профессиональной ориентации несовершеннолетних, а также содействуют трудовому устройству несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, а в случаях, предусмотренных комплексной программой реабилитации семьи, находящейся в социально опасном положении, трудовому устройству родителей несовершеннолетних.».

7. Дополнить статьей 24.1 следующего содержания:

«Статья 24.1. Профилактические меры общесоциального характера

Органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, другие органы и учреждения государственной власти и местного самоуправления, средства массовой информации, коммерческие организации, общественные объединения и граждане принимают участие в реализации следующих профилактических мер:

1) укрепление института семьи и традиционных семейных ценностей;

2) создание материальных, организационных, информационных и иных условий и стимулов для развития здорового образа жизни несовершеннолетних;

3) содействие реализации социально полезных инициатив несовершеннолетних и молодежи, стимулирование добровольческого движения;

4) содействие обнаружению и развитию творческих, интеллектуальных, спортивных способностей и талантов несовершеннолетних;

5) иные мероприятия, направленные на гармоничное развитие личности несовершеннолетних и формирование социально безопасной окружающей обстановки».

Внесение в рассматриваемый Закон указанных изменений, призванных устранить перечисленные выше пробелы и повысить эффективность регулирования данной сферы общественных отношений, будет соответствовать внесенным в текст Конституции Российской Федерации положениям о приоритете защиты и всестороннего развития детей, приоритете семьи как наилучшей формы воспитания и безусловного блага для ребенка, за одобрение которых, в том числе, высказалось большинство граждан России 1 июля 2020 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.05.2021).
2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.05.2021).
3. Федеральный закон Российской Федерации 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.05.2021).
4. Гончарова М.В. Основные проблемы деятельности органов внутренних дел по индивидуальной профилактике преступлений // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5. С. 32.
5. Шкиль Е.С. Профилактической работы подразделений участковых уполномоченных полиции // Форум молодых ученых. 2020. № 4. С. 343.
6. Нигматуллин, Р. В. Ребенок в современной России: права, возможности, система защиты / Р. В. Нигматуллин, Р. Р. Каримов, А. А. Романов. – Уфа : ИП Муталов, 2015. 217 с.

© Романов А. А.

УДК 351.741.07:316.354(470)

А. Ю. САБАНОВ, начальник кафедры специальной подготовки, Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. Yu. SABANOV, Head of the Department of Special Training, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

А. Г. СЕМИГЛАЗОВ, старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. G. SEMIGLAZOV, Senior Lecturer of the Department of Special Training Ufa Law Enforcement Agency of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ НАПРАВЛЕННОМ НА ПОРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ON THE ISSUE OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS WITH THE AIM OF HITTING A PERSON

Аннотация. Применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов затрагивает настолько ценные блага, что диктует необходимость особо тщательной правовой регламентации данной меры, безусловного соотнесения ее с законодательными положениями. С одной стороны, применение огнестрельного оружия объективно ставит под угрозу здоровье и нередко – жизнь правонарушителя, с другой – является, как правило, единственным способом защиты таких же ценностей лиц, подвергшихся преступному посягательству, а также важнейших интересов общества и государства. В связи с этим проблема законодательного регулирования применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции приобретает весьма важное значение. Настоящая статья посвящена проблеме применения огнестрельного оружия в отношении человека по основаниям, предусмотренным федеральным законом «О полиции». Авторы проводят анализ, приводят развернутое толкование норм и спорных моментов указанной статьи, также приводят практические примеры по некоторым из них.

Ключевые слова и словосочетания: огнестрельное оружие, применение, законные основания, безопасность, сотрудник полиции, поражение человека.

Abstract. The use of firearms by law enforcement officers affects such valuable benefits that it dictates the need for particularly careful legal regulation of this measure, its unconditional correlation with legislative provisions. On the one hand, the use of firearms objectively threatens the health and often the life of the offender, on the other hand, it is usually the only way to protect the same values of persons who have been subjected to criminal encroachment, as well as the most important interests of society and the state. In this regard, the problem of legislative regulation of the use of firearms by police officers becomes very important. This article is devoted to the problem of the use of firearms against a person on the grounds provided for by the Federal Law "On Police". The authors conduct an analysis, provide a detailed interpretation of the norms and controversial points of this article, and also provide practical examples on some of them.

Keywords and phrases: Firearms, use, legal grounds, security, police officer, human defeat.

К основным проблемам в области применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в первую очередь следует отнести не всегда четкое понимание оснований для его применения и боязнь понести ответственность за произведенный выстрел из табельного оружия. Зачастую сотрудники заучивают основания применения оружия наизусть, не понимая их сути и не разбирая конкретных примеров, произошедших на практике. Чтобы каким-то образом решить данную проблему следует разобрать данные основания и привести конкретные примеры, связанные с поражением человека.

Применение оружия напрямую затрагивает основные права и свободы человека и гражданина, в связи с этим основания его применения четко и недвусмысленно урегулированы на законодательном уровне в статье 23 Федерального закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». В таком случае, применение огнестрельного оружия является полномочием полицейского, возложенным на него федеральным законом «О полиции». Данное полномочие позволяет производить выстрел с целью поражения нападающего (задерживаемого). Не запрещенные законом такие действия как: обнажение, извлечение из кобуры, досып патрона в патронник и другие манипуляции с оружием без производства выстрела, к примеру для нанесения удара, а также практическая (учебная) стрельба в тире (стрельбище, полигоне и т. д.) применением оружия по смыслу ст.ст. 23 и 24 Закона «О полиции» не являются [1, с. 82].

Следует отметить и то, что полицейский наделен правом применения огнестрельного оружия как лично, так и находясь в составе подразделения или группы. Руководитель, отдавая приказ о применении огнестрельного оружия, несет персональную ответственность за обоснованность и законность такого приказа. Но, выполняя его, полицейскому необходимо придерживаться норм действующего законодательства. В случае несоответствия требованиям законодатель-

ства, сотрудник полиции вправе отказаться от выполнения данного приказа.

Анализируя, предусмотренные Законом «О полиции» основания применения огнестрельного оружия, видится, что их можно разделить на две категории. Первый случай, допускает производство выстрела для поражения человека, а второй случай в иных, не включающих поражение человека целях [2, с. 204].

Если в первом случае, применение оружия сотрудником полиции направленно непосредственно на поражение человека, то во втором случае объектами поражения выступают: транспортные средства, животные, запирающие устройства, беспилотные воздушные суда, либо цель может вовсе отсутствовать, для производства предупредительного выстрела, подачи сигнала тревоги или вызова помощи (при этом стрельбу необходимо вести в безопасную сторону).

К первой категории относятся те основания, которые предусмотрены ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции», в соответствии с первым пунктом рассматриваемой нами нормы, которая наделяет полицейского правом применять огнестрельное оружия с целью защиты другого лица либо себя от посягательства сопряженного с насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать, что насильственные действия должны содержать признаки опасности для жизни или здоровья самого полицейского или других лиц. Кроме этого, оно может быть вооруженным или не вооруженным. Говоря о не вооруженности, то в качестве примера можно выделить такие действия, которые направлены на удушение, утопление, сталкивания с высоты, с движущегося транспортного средства или под него, но чаще всего, в нанесении ударов руками и ногами. Неопасными действиями насильственного характера, для жизни или здоровья, не будут считаться в случае очевидности, что наибольшим результатом последствий от них может быть только легкий вред здоровью.

Соответственно если в результате, ка-

ких-либо действий степень опасности посягательства для жизни или здоровья сойдет на нет, то дальнейшее применение оружия будет безосновательным. Однако, с учетом складывающейся обстановки для сотрудника не всегда может быть ясен момент окончания, посягательство может быть лишь приостановлено и возможно продолжится, такое нападение может считаться имеющим место. К примеру, изъяв оружие у правонарушителя может не означать, что посягательство окончено, так как оно может быть продолжено и без оружия [3].

Примером применения огнестрельного оружия по данному основанию является ситуация, произошедшая 31 декабря 2019 года в столице Ингушетии городе Магасе, где три злоумышленника осуществили нападение на сотрудников дорожно-постовой службы и убили одного полицейского. Нападающие протаранили пост на машине, а затем вышли и стали атаковать сотрудников полиции. Все участники нападения были нейтрализованы [4].

Рассматривая данный пример без сомнений следует отметить правомерность действий сотрудника полиции по применению огнестрельного оружия, в данной ситуации сложилась обстановка, при которой сотрудник защищал другое лицо и себя от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни и здоровья.

Второе основание рассматриваемой нормы, следует понимать как незаконные действия какого-либо лица (группы лиц), осуществляемые против воли сотрудника полиции и направленные на изъятие перечисленных в норме предметов. В данном случае существует тонкая грань между защищаемыми законом интересами (имуществом полиции) и целесообразностью причинения вреда здоровью или лишения жизни правонарушителя. Некоторые авторы считают, что указанное основание помимо самой попытки завладения указанными предметами должно быть сопряжено с реальной угрозой жизни и здоровью граждан и (или) сотрудника полиции, однако данное суждение мы не считаем верным, так как в

законе перечисляются конкретные случаи применения огнестрельного оружия.

При освобождении заложников, по смыслу закона, сотрудник полиции вправе применить огнестрельное оружие только против тех лиц, которые непосредственно участвуют в захвате или удержании заложников [5, с. 85]. В данном случае необходимо понимать значение термина «заложник» и большинство научных деятелей имеют одинаковое мнение, что не вызывает каких-то сложностей изучая данную норму.

Говоря о применении огнестрельного оружия по основаниям, предусмотренным п. 4. ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции», полицейскому необходимо выяснить для себя наличие трех обстоятельств:

Во-первых важно, чтобы лицо, при совершении им преступления (тяжкого или особо тяжкого), было застигнуто непосредственно сотрудником полиции, т.е. полицейский должен быть непосредственным очевидцем преступных действий. В данном случае для рядового сотрудника, не имеющего юридического образования, проблемой может выступить недостаточность знаний в области квалификации совершающего преступления.

Часть 4 статьи 15 Уголовного Кодекса Российской Федерации, определяет тяжкое преступление, как умышленное деяние, за совершение которого максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает 15 лет лишения свободы (например: деяние содержащие признаки ст. 162 УК РФ «разбой»). Особо тяжкое преступление – умышленное деяние, за совершение которого уголовный кодекс предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок более 10 лет или более строгое наказание.

Во вторых: данное лицо должно пытаться скрыться. Кроме этого, следует понимать, что сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие только в момент погони (преследования), т. е. до тех пор, пока полицейский не задержал или оконч-

тельно не потерял задерживаемого из вида.

В третьих: полицейский может применить табельное оружие в соответствии с рассматриваемым основанием, в случае если складывающаяся обстановка не позволяет другим способом задержать преследуемое лицо. Однако, стоит понимать что в создавшейся экстремальной обстановке сотруднику полиции сложно принять юридически грамотное решение, так как невозможно за секунды находясь в возможно стрессовом состоянии, где промедление может стоить жизни, взвесить тяжесть действия и с точностью решить для себя применять оружие или нет. Поэтому, действия правонарушителя для сотрудника должны быть очевидными, и основываясь на объективных данных, что есть признаки тяжкого или особо тяжкого преступления принимать решение о правомерности применения оружия. Как правило, в данном случае следует вести речь о действиях направленных против личности содержащих такие признаки преступлений, связанных с производством выстрела из огнестрельного оружия по человеку, нанесение удара ножом или с использованием топора, металлического предмета и т.п. Также, сотрудник полиции не имеет права на применение оружия с целью задержания лица, пытающегося скрыться от сотрудника полиции, застигнутого при совершении преступлений, очевидно не относящихся к категориям тяжких или особо тяжких.

Рассматривая пятый случай, наделяющий полицейского правом на применение огнестрельного оружия, следует четко иметь представление о «вооруженном» сопротивлении. Вооруженное – это не только сопротивление, оказываемое с предметами, непосредственно предназначенными для поражения целей (огнестрельное оружие, холодное оружие, метательное оружие и т.д.), но и другими предметами которые могут быть использованы как оружие. К подобного рода предметам можно отнести бытовые, такие как: нож, ножницы, бритва, шило и т.д., предметы хозяйственного назначения: вилы, лом, топор, лопата, молоток, коса, гвоздодер и т.д., жидкое и газообразные вещества: раз-

личного рода газы, кипяток, кислота, бензин, смола и другие бытовые предметы в виде веществ или механизмов, в результате применения которых мог бы быть причинен тяжкий вред здоровью или смерть. В данном случае полицейскому не следует дожидаться момента когда у задерживаемого появится возможность воспользоваться имеющимся у него оружием или предметами. Например, если правонарушитель угрожает ножом и не позволяет приблизиться к нему, то полицейский не обязан рисковать своим здоровьем и жизнью с целью приблизиться к нему, при этом дав возможность нанести удар.

В такой ситуации, сотрудник полиции может применить огнестрельное оружие с безопасного для него расстояния. Кроме этого, в ситуации, в которой задерживаемое лицо не оказывает активного сопротивления, но при этом, отказывается выполнять законные требования полицейского о сдаче находящегося при нем оружия или любых других запрещенных предметов (веществ), сотрудник полиции вправе применить оружие.

Если задерживаемый не выполняет требования о сдаче оружия, то это может пониматься не иначе как намерение правонарушителя использовать оружие или другие опасные предметы в целях причинения вреда жизни и здоровью сотрудникам полиции или окружающим гражданам.

Следующий случай на первый взгляд не вызывает каких-либо вопросов, однако имеющиеся в комментарии к ФЗ «О полиции» постулаты, указывают на то, что само собой явление как нападение на указанные в основании объекты не должно подразумевать немедленное применение оружия, что в свою очередь может ввести сотрудника полиции в заблуждение.

Считаем, что групповое или вооруженное нападение, содержащее в себе такие признаки как: взламывание дверей, разбитие окон, поджог, взрыв, обстрел, минирование и т.п. не должно вызывать каких-либо сомнений о правомерности применения огнестрельного оружия. [7, с. 26].

В качестве примера применения огне-

стрельного оружия по данному основанию следует привести события, произошедшие 20 августа 2018 года, когда около 10 часов двое неизвестных, вооруженных ножами, попытались проникнуть на территорию Отдела МВД России по Шалинскому району Чеченской Республики, в ходе нападения последние нанесли ножевые ранения двум сотрудникам полиции, находившимся на службе. Ответным огнем нападавшие были уничтожены [8].

В данном случае применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции основывалось на том, что неизвестные лица явно демонстрировали, что их целью является захват здания отдела полиции, они были вооружены и их действия сопровождались нанесениями телесных повреждений сотрудникам полиции.

Рассматривая следующее основание, которое не вызывает никаких сложностей изучая его содержание, следует понимать лишь кто является подозреваемым и обвиняемым [9, с. 23]. Их определения даны в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Кроме этого, понятие о месте содержания под стражей прямо предусмотрено Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 N 103-ФЗ.

Подводя итог анализируемых норм, также следует отметить, что при возникно-

вении ситуаций требующих от сотрудника полиции применения огнестрельного оружия, основания, как правило, перекликаются и применяются в совокупности. Однако, это не означает, что для применения оружия необходима совокупность оснований, достаточно и одного из перечисленных. Кроме этого, несмотря на подробное описание в Законе «О полиции» оснований применения огнестрельного оружия, в ходе их анализа возникают некоторые вопросы, которые в свою очередь могут привести к промедлению применения огнестрельного оружия, в последствии чего могут наступить необратимые последствия как среди личного состава правоохранительных органов, так и среди населения.

Таким образом, при изучении законных оснований применения огнестрельного оружия, сотрудникам органов внутренних дел следует опираться не только на указанные в ФЗ «О полиции» нормы, но и на комментарии к нему, изучать судебную практику. Важно иметь знания норм уголовного законодательства и других норм регламентирующих вопросы применения огнестрельного оружия. Только при таком подходе изучения своих прав, сотрудник полиции может быть уверенным в правомерности применения огнестрельного оружия и без промедления законно применить его, что будет показателем его высокой профессиональной подготовленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организационно-правовые основы деятельности полиции: учебное пособие. М. : ДГСК МВД России, 2017. С. 96.
2. Поспевев К. Ю. Огневая подготовка сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие для среднего профессионального образования. М. : Юрайт, 2020. С. 206.
3. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
4. «Великий цинизм»: что известно о перестрелке в Ингушетии. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/12/31/12893942.shtml> (дата обращения: 15.05.2021).
5. Организационно-правовые основы деятельности полиции: учебное пособие. М. : ДГСК МВД России, 2017. С. 96.
6. Фахрисламов Т. Р. Отработка тактических приемов защиты от нападения преступника на сотрудника органов внутренних дел с применением огнестрельного оружия при проведении занятия по комплексному практикуму по огневой и физической подготовке: учебно-методическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2019. С. 26.
7. Двое неизвестных, вооруженных ножами, попытались проникнуть на территорию ОМВД России по Шалинскому району ЧР // Пресс-служба МВД по Чеченской Республике. URL : <https://95.xn-->

b1aew.xn--p1ai/news/item/14176890 (дата обращения : 12.08.2021).

8. Памятка сотрудникам органов внутренних дел по правовым основам и порядку применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. М. : ДГСК МВД России, 2017. С. 31.

© Сабанов А. Ю.

©Семиглазов А. Г.

УДК 343.915:343.92(470)

И. Е. СУЛЕЙМАНОВА, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

I. E. SULEYMANOVA, head of the Department of Administrative and Legal Disciplines Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia candidate of law (Ufa)

ПРИЧИНЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

THE CAUSES OF YOUTH CRIME IN RUSSIA AS A KEY PROBLEM OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

Аннотация. В статье определены основные причины молодежной преступности, среди которых особое значение автором уделяется социально-психологическим свойствам и качествам личности несовершеннолетних и молодых лиц. На основе анализа выявленных причин обоснована необходимость в реализации конкретных мер по их устранению.

Ключевые слова: преступность, молодежь, причины преступности, меры предупреждения.

Annotation. The article identifies the main causes of youth crime, among which the author pays special attention to the socio-psychological properties and personality qualities of minors and young people. Based on the analysis of the identified causes, the need for the implementation of specific measures to eliminate them is justified.

Keywords: crime, youth, causes of crime, prevention measures.

Проблема выявления детерминации преступности является ключевой как в юридической науке, так и в практической деятельности органов внутренних дел. Вследствие чего ее решение определяет научное содержание криминологической теории и практическую направленность.

До настоящего времени не выработано единой теории причинности преступности, удовлетворяющей требованиям различных наук, которая могла бы быть использована для объяснения любого преступного и иного

отклоняющегося поведения. Однако путем обобщения причин совершения конкретных преступлений могут быть выявлены их наиболее типичные факторы. Именно поэтому общие тенденции в детерминации возможны только по отдельным видам и группам преступлений, выделяемым на основе тех или иных классификационных критериев.

В. С. Устинов справедливо заметил, что в качестве причин совершения преступлений следует выделять факторы, оказыва-

ющие решающее, главное воздействие на их детерминацию. Причинами совершения преступления в одних случаях и для одних лиц могут быть социальные, в других случаях и для других лиц – психологические, в третьих случаях и для третьих лиц – биологические (генетические или патологические, в том числе психиатрические) факторы [1, с. 20].

Проблема биологического в криминологии это проблема, связанная с попыткой объяснить множество преступлений, их внутренних механизмов и особенно мотивов преступного поведения. Познание психологических особенностей преступников дает возможность раскрыть подлинные причины и механизмы индивидуального преступного поведения. Криминогенное значение психических аномалий заключается в том, что они при главенствующей роли социально приобретенных особенностей личности, взаимодействуя с ними, облегчают совершение преступлений [2, с. 175].

Следует отметить, что в практической деятельности органов внутренних дел отделить сознательное от бессознательного, обусловленного психикой человека, достаточно трудно. Некоторые авторы объясняют это тем, что механизм агрессии «вмонтирован» в мозг человека и животного и призван охранять их жизненно важные интересы от угрозы. Иными словами агрессия – это генетически обусловленный фактор, который носит оборонительный характер и является реакцией на внешние условия [3, с. 167].

Внутренние личностные механизмы у несовершеннолетних оказывают непосредственное влияние на формирование мотивов преступного поведения. Бессознательная сфера психики подростков представляет собой «невспоминаемый» опыт индивидуальной жизни, забытые впечатления раннего детства, психотравмирующие воспоминания.

Исследования зарубежных ученых в данной области предполагают, что неблагоприятные детские

переживания увеличивают риск антисоциального поведения и будущей виктимизации. Проведенный межсемейный анализ показал, что неблагоприятные детские переживания в значительной степени связаны с более высоким уровнем антисоциального поведения в детском возрасте, правонарушением среди подростков и риском насилиственной виктимизации от преступлений [4].

По данным проведенного нами опроса 56 несовершеннолетних осужденных, более 60% молодых лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы за преступления, совершенные с жестокостью, подвергались жестокому обращению в семье.

В силу возрастных особенностей, их социального статуса, совпадающего с начальным этапом социализации личности отметим, что детерминанты преступности кроются в сфере формирования личности подростка.

Материалы судебно-следственной практики в сфере расследования преступлений, совершенных молодежью, позволили выделить основную группу детерминант, способствующих их совершению:

социально-психологические свойства и качества молодых лиц;

распространение насилия и жестокости в средствах массовой информации;

социальное неблагополучие семей;

низкий уровень профилактики и социального контроля за несовершеннолетними;

отсутствие правового воспитания в образовательных организациях;

криминогенное воздействие информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласно официальным статистическим показателям количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, по отношению к общему количеству преступлений, незначительно. Вместе с тем, в течение 2020 года общее число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось на 1,2 %. И прежде всего, как отмечает ведомственная статистика, это обусловлено ростом количества криминальных деяний с применением

IT-технологий. За указанный период их совершено на 77 % больше, чем за аналогичный период 2019 года, в том числе, с использованием сети «Интернет» – на 93 % [5].

При увеличивающейся статистике зарегистрированных преступлений особую тревогу вызывает вовлечение молодежи в преступную деятельность посредством использования сети «Интернет». По данным президента группы компаний Infowatch Н. Касперской, ежегодно в Российской Федерации деструктивному воздействию подвергаются более 7 млн. подростков. При этом прирост вовлечения молодых лиц в противоправную деятельность составляет около 2 млн. в год. Увеличивается и уровень вовлечения молодежи в совершение преступлений. По представленным данным в 2017 году в противоправную деятельность было вовлечено 25 % подростков, в 2018 году – 35 %, а в 2019 году уже 50 % [6, с. 3].

Общеизвестно, что молодежь сегодня большую часть свободного времени проводит в сети «Интернет», общаясь виртуально в киберпространстве. Об этом свидетельствуют данные, полученные по результатам опроса молодежи по специально разработанным анкетам для школьников и молодых лиц в возрасте от 18 до 25 лет. По нашему мнению, способствуют этому следующие факторы: во-первых, психологические особенности подрастающего поколения (склонность к самовыражению посредством общения не только со сверстниками, но и со взрослыми в социальных сетях; в силу возрастных особенностей доверие друзьям, появившимся в сети «Интернет»; внушаемость, податливость уговорам из-за отсутствия жизненного опыта); во-вторых, невовлеченность в спортивные секции, творческие кружки, иные культурно-досуговые организации; в-третьих, отсутствие контроля со стороны родителей (занятость, неблагополучие семьи) и в-четвертых, отсутствие контроля со стороны государства относительно ограничений в сети «Интернет» для пользователей различных возрастных групп (распространение культа жестокости и насилия).

Как показывает практика, большинству

молодых лиц радикальные идеи внедряются в сознание посредством тематических сайтов, которые активно формируют вокруг себя сетевые группы единомышленников, пропагандируя и распространяя деструктивную идеологию.

Эффективность пропаганды в социальных сетях основывается на том, что в них происходит замыкание внимания пользователя на конкретной информации, имеющей важное значение для вовлечения подростка в совершение преступления и отгораживание от альтернативной информации, не укладывающейся в систему его взглядов и ценностей.

Анализируя статистические данные о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодыми лицами в возрасте до 25 лет, отмечается устойчивая тенденция к их снижению. Вместе с тем стоит отметить, что такое снижение не отражает реального состояния преступности и связано с недостаточной реакцией правоохранительных органов на преступления в молодежной среде. Данное обстоятельство объясняется высоким уровнем искусственной латентности, когда правоохранительным органам известно о преступлении, но по ряду причин, данные факты остаются незарегистрированными.

Изложенное позволяет констатировать, что в настоящее время особо остро стоят вопросы относительно мер противодействия молодежной преступности, которые не приносят должного результата, появляется многоэпизодность в исследуемых преступлениях, преступность несовершеннолетних перерастает в молодежную и во взрослую. В связи с чем, предпримем попытку рассмотреть некоторые действенные меры по предупреждению преступности в молодежной среде.

Повсеместное распространение насилия и жестокости в средствах массовой информации, появление на этом фоне агрессии у молодых лиц, свидетельствует о том, что действующее отраслевое законодательство не отвечает актуальным задачам развития информационно-телекоммуникацион-

ных технологий и ориентировано в большей мере на техническое регулирование отношений в данной сфере. В связи с чем, в научной общественности с 2018 года активно обсуждается вопрос о подготовке Инфокоммуникационного кодекса, который должен прийти на смену действующим законам «О связи», «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О персональных данных». При этом новое законодательство должно будет учитывать не только технологии и отношения в рамках отрасли, но и риски, заложенные в их развитии, в том числе, обмен информацией между устройствами, обеспечение конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных предоставление интернет пользователям необходимых инструментов и технологий защиты. Прежде всего, речь идёт о средствах управления своим профилем в социальных сетях, ограничивающих объем размещаемой личной информации, доступ к ней со стороны посторонних лиц, позволяющих блокировать нежелательных собеседников. Помимо технологических инструментов для несовершеннолетних пользователей, должны существовать и дополнительные средства защиты, предназначенные для родителей, так называемые средства «родительского контроля».

Следующая мера предупреждения должна быть направлена на организацию досуга молодых лиц. По нашему мнению в этих целях органам местного самоуправления необходимо:

- организовать из расчета несовершеннолетнего населения и молодых лиц в возрасте до 25 лет работу спортивных секций, кружков, клубов;
- организовать работу общественных молодежных движений, направленных на вовлечение несовершеннолетних в спорт, искусство и культуру.

В целях воздействия как на саму личность, так и на окружающую среду несовершеннолетнего правонарушителя органам внутренних дел необходимо систематически применять меры индивидуальной профилактики. При этом следует отметить, что такое воздействие должно основываться на изучении личности подростка и выработке социально значимого контроля за его поведением.

Содержание индивидуальной профилактики должно состоять в следующем:

- выявление потенциально устойчивых молодых лиц;
- устранение источников негативного воздействия на них;
- исследование возможностей создания благоприятной обстановки для несовершеннолетних и молодых лиц;
- осуществление социального контроля за молодыми лицами в возрасте до 25 лет;
- коррекция методов проведения работы по предупреждению преступлений в молодежной среде.

Подводя итог сказанному подчеркнем, что основные причины молодежной преступности коренятся не в каком-то одном социальном явлении, а состоят из совокупности условий объективного и субъективного плана. Все они отражаются в личностных свойствах и качествах несовершеннолетних и молодых лиц. Насилие, направленное против детей, порождает агрессию и воспитывает жестокость, и следовательно, воспроизводит новых потенциально опасных преступников. Отсутствие внимания и заботы со стороны родителей уводит молодых лиц в уличную микросреду, которая не может играть положительной роли в их воспитании. В связи с чем, особое значение из всех мер предупреждения молодежной преступности следует уделить правовому воспитанию молодежи как в семье, так и в образовательных организациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устинов В. С. Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989.
2. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993; Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления // Причины преступности. М., 2005. С. 167 – 168.
4. Эрик Дж. Коннолли Дальнейшая оценка взаимосвязи между неблагоприятным детским опытом, антиобщественным поведением и насилиственной виктимизацией: сравнительно-аналитический анализ [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.1177/1541204019833145> (дата обращения 26.07.2021).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года [Электронный ресурс]: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (дата обращения 26.07.2021).
6. Касперская Н. Проблема деструктивных движений в Рунете. М., 2019.

© Сулейманова И. Е.

УДК 343.137.2(470)

Р. Д. ФАЙРУШИНА, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. D. FAYRUSHINA, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Sports School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences (Ufa)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНСТИТУТА С ОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

SELECTED ASPECTS OF IMPROVING THE INSTITUTE OF REDUCED INQUIRY

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты, связанные по совершенствованию института сокращенного дознания. На современном этапе существования и деятельности такого правового института, как дознание, законодатель не смог до настоящего времени устраниить все существующие проблемы и казусы законодательства, с которыми сталкивается дознание. Дознание в сокращенной форме является собой попытку законодателя избежать, прежде всего, нарушения принципа разумности срока уголовного судопроизводства, обеспечить гражданам своевременный доступ к правосудию, а также снизить различные издержки, связанные с осуществлением предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание, расследование уголовных дел в сокращенной форме дознания, предварительное расследование, подозреваемый, потерпевший, свидетель.

Annotation. The article highlights some aspects related to improving the institution of reduced inquiry. At the present stage of the existence and activity of such a legal institution as an inquiry, the legislator has not been able to eliminate to date all the existing problems and cases of legislation that the inquiry faces. The reduced form of the inquiry is an attempt by the legislator to avoid, first of all, a violation of the principle of

the reasonable duration of criminal proceedings, to provide citizens with timely access to justice, as well as to reduce the various costs associated with conducting a preliminary investigation.

Key words: *inquiry, investigation of criminal cases in short form of inquiry, preliminary investigation, suspect, victim, witness.*

Дознание в сокращенной форме является формой предварительного расследования, осуществляемой в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения дознавателем постановления о производстве дознания в сокращенной форме на основании соответствующего ходатайства подозреваемого при наличии того, что уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, подозреваемый полностью признал вину в совершении инкриминируемого деяния и отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, такие как: несовершеннолетие подозреваемого, необходимость применения принудительных мер медицинского характера, подозреваемый является лицом, в отношении которого применяется особый порядок уголовного судопроизводства, лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, расследование которых осуществляется в форме предварительного следствия, подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, возражение потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме [1, с. 336].

Ученые-процессуалисты, такие как А. С. Александров, О. И. Андреева, Е. Н. Арестова, Е. А. Артамонова, Н. А. Власова, Б. Я. Гаврилов, С. И. Гирько, В. Г. Глебов, И. С. Дикарев, Е. А. Доля, О. В. Евстигнеева, А. С. Есина и другие уделяют внимание непосредственно проблемам производства дознания в сокращенной форме, что можно объяснить множеством недостатков в его правовом регулировании и разнообразных предложений по совершенствованию этого института.

Однако отмечая безусловную значимость работ указанных авторов, следует заметить, что они не исчерпали собой всех проблем, связанных с особенностями доказательственного права по уголовным делам, расследованным в сокращенной форме

дознания [2]. Дознание как форма предварительного расследования, регулируемая исключительно нормами уголовно-процессуального законодательства, претерпевала достаточно изменений. Многочисленные дискуссии о реформировании института дознания в сокращенной форме, о расширении полномочий дознавателя по отдельным вопросам, о возвращении протокольной формы. На основе проведенного теоретического осмысливания правовых основ дознания в сокращенной форме, рассмотрим конкретные предложения по совершенствованию такой формы дознания в отечественном уголовно-процессуальном праве.

Относительно такой формы предварительного расследования, как дознание в сокращенной форме, отдельные современные исследователи – процессуалисты высказываются критически. В целом, предложения по реформированию непосредственно дознания в сокращенной форме можно объединить в две группы исследований.

Первая группа таких исследователей склоняется к необходимости полной ликвидации сокращенного дознания и введения вместо него протокольной формы [3]. Другие исследователи предлагают оставить существующую систему, изменив в ней лишь некоторые аспекты, что непосредственным образом должно повлиять на эффективность всего уголовного судопроизводства [4].

Следует указать, что по нашему мнению существующая на сегодня система предварительного расследования имеет место быть, в том числе вместе с имеющимся в ней сокращенным дознанием, так как дознание в сокращенной форме соответствует принципу разумного срока уголовного судопроизводства, обеспечивает гражданам своевременный доступ к правосудию, снижает расходы, связанные с его производством. Вместе с этим, не все ученые процессуалисты разделяют позицию законодателя о

необходимости реализации сокращенного дознания в уголовном судопроизводстве. Анализ уголовно-процессуальной литературы показывает, что сторонников рассматриваемой формы дознания значительно меньше, чем ее противников.

Итак, совершенствование законодательной конструкции производства сокращенного дознания необходимо проводить исходя из его сущности и смысла. Решение указанной проблемы видится во введении в уголовно-процессуальное законодательство положений, в соответствии с которыми обязать дознавателя разъяснить подозреваемому право на возможность ходатайствовать о расследовании дела в форме сокращенного дознания.

Указанную конструкцию норм следует разместить в ст. 223 УПК РФ, добавив в нее пункт 8 следующего содержания: «В случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица дознаватель в течение двух суток разъясняет право такому лицу ходатайствовать о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме». Также, с целью исключения конкуренции норм следует внести изменения в положения ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ изложив ее в следующей редакции: «При наличии предусмотренных настоящей главой условий для производства дознания в сокращенной форме в течение двух суток после возбуждения уголовного дела дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме».

Следует отметить, что данная правовая конструкция позволит исключить спекуляцию сроками дознания в сокращенной форме, которая обуславливается повышением количества раскрытых уголовных дел в определенный период времени.

В уголовно-правовых исследованиях существуют и иные предложения, которые могут способствовать повышению эффективности рассматриваемой уголовно-процессуальной формы. Так, отдельные авторы отмечают, что условие проведения дознания

в сокращенной форме, связанное с обязательностью возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, ограничивает возможность проведения дознания в сокращенной форме по возбужденным по факту уголовным делам. Однако на практике имеются случаи установления личности в течение нескольких дней. Поэтому считаем целесообразным ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации положение, разрешающее производство дознания в сокращенной форме при возбуждении уголовного дела по факту, если лицо, совершившее преступление, установлено в разумный срок (в трехдневный срок). Введение такого изменения также поможет сократить время, необходимое для расследования уголовного дела, а также ускорить осуществление правосудия и привлечь к ответственности виновного в совершении преступления [5].

Рассуждая по поводу указанной точки зрения, отметим, что она требует более детального исследования. В случае разрешения сокращенного дознания для лиц, которые были установлены в процессе расследования, могут нарушаться отельные принципиальные положения, в том числе и те, которые касаются сущности самого сокращенного дознания. Вместе с тем, в случае внедрения такой возможности, количество дел, которые будут расследоваться в форме сокращенного дознания, возрастет, что сразу же отразится на качестве расследования уголовных дел, где подозреваемые не установлены, а также дел, где необходим большой массив доказательственной информации.

Еще одним направлением совершенствования процедуры дознания в сокращенной форме может быть направление, связанное с процессом доказывания. В процессе сокращенного дознания процедура доказывания имеет специфические особенности. То есть, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством доказательства по делу собираются в том объеме, который достаточен для установления события преступления, характера и размера

причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Из этого следует, что дознаватель проводит только допросы подозреваемого, потерпевшего и свидетелей. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 226.5 дознаватель имеет право не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

Опираясь на положения ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, дознаватель при расследовании уголовного дела обязан произвести такие следственные и иные процессуальные действия, реализация которых не позволитневосполнимо утратить следы преступления или иные доказательства. Объем следственных действий и иных процессуальных действий, осуществляемых для обнаружения и сбора доказательств по уголовному делу, значительно ограничивается ввиду того, что дознаватель при реализации сокращенной формы дознания обладает широкими возможностями по использованию непроцессуальных средств и приемов до возбуждения уголовного дела на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении.

Должностное лицо, осуществляющее дознания в сокращенной форме вправе:

1) не осуществлять проверку доказательств, если их не оспорили подозреваемый, его защитник, потерпевший или его представитель;

2) не проводить допрос лиц, которые до возбуждения уголовного дела на стадии предварительной проверки были опрошены и их пояснения были зафиксированы на бланках объяснений, но за исключением, если в ходе предварительного расследования возникла необходимость получить дополнительные, фактически необходимые, но ранее неизвестные следствию данные, а также, если достоверность полученных доказательств оспаривается подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. В двух последних случаях необходимо проводить допрос даже после получения объяснений на стадии предварительной проверки от участников расследуемого уголовного дела об обстоятельствах

случившегося;

3) не назначать судебные экспертизы по вопросам, ответы на которые уже содержатся в заключении специалиста в ходе проведенного исследования, в процессе проверки сообщения о преступлении. В данном случае также существуют некоторые исключения такие как: если в ходе предварительного расследования возникла фактическая необходимость в установлении иных дополнительных обстоятельств, ранее неизвестных; если выводы специалиста ставятся под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; если в соответствии с ч. 3 ст. 196 УПК РФ имеются условия для обязательного назначения судебной экспертизы;

4) в соответствии с ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ не реализовывать следственные и иные процессуальные действия, которые устанавливают фактические обстоятельства, информация о которых уже есть в материалах уголовного дела со стадии предварительной проверки по уголовному делу и отвечает предъявляемым требованиям согласно ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ [6, с. 236].

Таким образом, с рассматриваемой стороны проблема сокращенной формы дознания может заключаться в том, что дознаватель имеет право не осуществлять проверку доказательств в случае, если это не оспаривается подозреваемым, что может привести к самооговору либо скрытию преступления или иного преступления, в том числе более общественно опасного. Представляется, что отсутствие обязанности у дознавателя проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, не соответствует процессу доказывания. В связи с этим, предлагаем исключить из п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ данное право дознавателя. Следует заметить, что учитывая небольшой массив собираемых и получаемых доказательств в ходе сокращенного дознания, их проверка необходима, чтобы исключить указанные негативные аспекты, связанные с самооговором или целью скрыть более тяжкое преступление.

В заключении отметим, что дознание в сокращенной форме является собой попытку законодателя избежать, прежде всего, нарушения принципа разумности срока уголовного судопроизводства, обеспечить гражданам своевременный доступ к правосудию, а также снизить различные издержки, связанные с осуществлением предварительного расследования. Вместе с тем, анализ уголовно-процессуальной литературы показывает, что сторонников рассматриваемой формы дознания значительно меньше, чем ее противников. Проведенное исследование по-

зволило выявить ряд проблемных аспектов, связанных с сокращенной формой дознания. Одним из самых актуальных аспектов, который требует быстрого решения, является проблема спекуляции сроками сокращенного дознания, которые установлены нормами уголовно-процессуального законодательства. По нашему мнению, не достаточно четкое их установление способствует затягиванию процесса сокращенного дознания. Решением указанной проблемы могло бы быть внесение изменений в действующее законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б. Теоретико-правовые положения производства дознания в сокращенной форме // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7 (146). С. 336 – 337.
2. Файрушина Р. Д., Маликова Н. В. Некоторые аспекты сбора и проверки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Право: ретроспектива и перспектива». Уфимский ЮИ МВД России. 2020. № 4 (4). С. 74 – 78.
3. Хисматуллин И. Г. Является ли дознание упрощенной формой расследования? // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Е. П. Ткачевой. 2017. С. 127 – 130.; Насонова И. А., Зотова М. В. Условия дознания в сокращенной форме и проблемы их совершенствования // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 141 – 148.; Мурузиди А. В. Протокольная форма дознания как возможная процессуальная форма производства при рассмотрении дел, подпадающих под категорию уголовных преступков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4 (39). С. 51 – 56.; Мужжавлева Д. С. Реализация протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела в современных условиях // Актуальные проблемы публичного права. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: О. Н. Дядькин (пред.) [и др.]. 2020. С. 303 – 307. и др.
4. Колесников К. В., Облицов В. А., Юрастов Ф. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме // Эпомен. 2019. № 26. С. 116 – 122.; Васильева Л. М. Плюсы и минусы существования дознания в сокращенной форме // Юридическая наука: традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. 2019. С. 55 – 57.; Гаврилов Б. Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 24 – 30.; Канокова Л. Ю. Дознание в сокращенной форме: проблемы и способы их решения // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 290 – 292.; Самолаева Е. Ю. О некоторых проблемах применения процедуры сокращенного дознания // Уголовно-процессуальное законодательство: связь времен. Сборник научных трудов всероссийской конференции. Под общей редакцией Л. В. Кокоревой, О. Н. Лавровой, А. В. Мироновой. 2019. С. 184 – 187. и др.
5. Рзаев Э. И., Сафиханова А. Х. Дознание в сокращенной форме в системе досудебного производства // Знание. 2018. № 2-2 (54). С. 63 – 68.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // СЗ РФ, 22.11.2001, № 25, ст. 3457.

© Файрушина Р. Д.

УДК: 351.761.3.078(479.57)

И. В. ШАБЕТЯ, доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института МГЮУ им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук (г. Оренбург)

I. V. SHABETYA, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Orenburg Institute of the Kutafin Moscow State University, candidate of legal sciences (Orenburg)

В. Ф. ГАБЗАЛИЛОВ, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Уфа)

V.F. GABZALILOV, deputy head of the department of operationally Investigative activities of the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences (Ufa)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

**SOME ASPECTS OF THE PREVENTION OF THE SPREAD OF NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES (BASED ON THE MATERIALS OF THE
ANTI-DRUG COMMISSION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности антинаркотической комиссии Республики Башкортостан, направленные на профилактику распространения наркотических средств и психотропных веществ, факторы способствующие распространению наркомании в Республике Башкортостан. Анализируется деятельность государственных органов по реализации подпрограммы «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» и показатели эффективности ее реализации.

Ключевые слова: противодействие злоупотреблению наркотиками, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, антинаркотическая комиссия.

Annotation. The article discusses some aspects of the activities of the anti-drug commission of the Republic of Bashkortostan, aimed at preventing the spread of narcotic drugs and psychotropic substances, factors contributing to the spread of drug addiction in the Republic of Bashkortostan. The activity of state bodies on the implementation of the subprogram «Counteracting drug abuse and illicit trafficking» and indicators of the effectiveness of its implementation are analyzed.

Keywords: counteraction to drug abuse, narcotic drugs, psychotropic substances, illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, anti-drug commission.

Проведение профилактических мероприятий направленных на противодействие распространению наркотических средств и психотропных веществ в Республике Башкортостан предусмотрено в рамках реализации подпрограммы «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» государственной программы «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан». Следует отметить, что на реализацию указанной подпрограммы в 2020 году было направлено 7,4 млн. рублей. Методика и порядок осуществления мониторинга наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (с учетом внесенных изменений), утверждена протоколом Государственного антинаркотического комитета от 15.02.2017 № 32 (с изменениями и дополнениями от 11 декабря 2017 г.).

В качестве основных мер профилактики продолжают использоваться ставшие уже традиционными:

проведение тематических конкурсов, олимпиад, смотров с целью стимулирования развития антинаркотической деятельности;

проведение целевых комплексных мероприятий: Общероссийская акция «Сообщи, где торгуют смертью», межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России», Общероссийской антинаркотической акции «Призывник», профилактической акции «Первокурсник», Республиканского профилактического марафона «Молодежь за здоровый образ жизни», мероприятий, приуроченных к Международному дню борьбы с наркоманией и ряда других.

Безусловно, следует признать указанную профилактическую деятельность значимой и уместной в складывающейся социально-экономической обстановке, однако говорить об эффективности этих мер следует с определенной долей условности. Так, выявление преступлений и правонарушений правоохранительными органами (речь прежде всего о подразделениях системы министерства внутренних дел) в ходе проведения оперативно-профилактических операций и акций, хотя и предусмотрены ведомствен-

ным приказом, по сути своей осуществляются по аналогии с работой, проводимой вне указанных акций и операций (косвенным подтверждением этого служит анализ результатов данной работы). Тематические молодежные конкурсы и олимпиады фокусируют внимание участников в большинстве случаев на здоровом образе жизни, а о реальных проблемах, связанных с распространением, потреблением и пропагандой наркотических веществ и психотропных веществ упоминают косвенно, либо контекстно.

При анализе статистических данных обращают на себя внимание некоторые характерные особенности и проблемы, нашедшие отражение в последние годы, они в основном состоят:

1. В широкой доступности наркотических веществ (здания и сооружения, особенно в крупных городах, часто несут на себе трафаретную рекламу каналов сбыта наркотических веществ, интернет в рамках социальных сетей, каналов и приложений часто содержит информацию о возможности приобретения, культивации, потребления, культивации, потребления и сбыта наркотических веществ, причем сбыт позиционируется как особоходный способ подработки для молодежи);

2. Распространенности полинаркомании (одновременного употребления различных веществ, отсутствие стойкой привязки к одному препарату) и как следствие этого – быстрым расширением ассортимента наркотических средств;

3. Существенном снижении воспитательного влияния на молодежь, конечно указанный фактор актуален не для всех групп, вместе с тем, случаи проявления элементов деструктивных подростковых течений (АУЕ, Колумбайн и ряда других) позволяют говорить об определенной маргинальной настроенности, источники которой не искоренены;

4. Активизации деструктивного воздействия на подростков и молодежь с помощью социальных сетей и видеохостингов, например Tik Tok (косвенным доказательством потенциальной опасности следует считать по-

пытки протестных акций, осуществленные зимой 2020-2021 гг.);

5. Недостаточной эффективности программ профилактики и системы принимаемых мер, и, в частности, совмещении реабилитационной терапии наркозависимых пациентов с психическими больными и пациентами с другими формами зависимостей.

С учетом латентности контингент зарегистрированных и незарегистрированных потребителей запрещенных психоактивных веществ может достигать 30 тыс. человек, при общем населении Республики Башкортостан чуть более 4 млн. человек.

Кроме того, косвенным показателем напряженности наркоситуации необходимо считать продолжение распространения случаев заражения ВИЧ-инфекцией. В 2020 г. в Республике Башкортостан выявлено 1977 ВИЧ-инфицированных (-26,9% к 2019 г.), из них 189 потребителей наркотиков (-110 человек), умерло 1083 ВИЧ-инфицированных (+1,9%). К 2021 г. на учете состояло 20919 ВИЧ-инфицированных (516,4 на 100 тыс. населения), часть из которых употребляли наркотики. К 2021 г. ВИЧ-позитивный статус имели 18878 состоящих на учете пациентов с диагнозом «наркомания» и 570 потребителей наркотических веществ с вредными последствиями, носителями вируса гепатита В или С были 3411 больных наркоманией и 1253 потребителя наркотических средств и психотропных веществ.

Работа по исследованию факторов опасности злоупотребления наркотиками и их незаконного оборота осуществлялась на плановой основе. Традиционно, в соответствии с Методикой и пунктом 3.1.1 подпрограммы «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» государственной программы «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан» на 2015-2020 гг., утвержденной Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 31 декабря 2014 г. № 670, реализация которой в 2020 г. была завершена. В рамках социологического исследования, изучено общественное мнение о доступности и распространенности нарко-

тических средств и психотропных веществ.

Факторами, способствующими распространению наркомании с точки зрения населения Республики Башкортостан в последнее время являются:

- излишняя свобода, отсутствие организованного досуга (29,1%);
- моральная деградация общества, все-дозволенность (29,0%);
- плохая работа правоохранительных органов (28,9%);
- безработица, экономические проблемы (26,5%).

Следует предположить прогрессирующую активность указанных факторов на фоне экономико-социальных явлений, связанных с пандемией, вызванной COVID-19. Вместе с тем, те же причины стали следствием изменения логистических схем распространения наркотических веществ, а также существенного изменения каналов их поставки. Подтверждаются прогнозы экспертов Управления по наркотикам и преступности Организации объединенных наций («COVID-19 и цепь поставки и производства наркотиков») о том, что в условиях коронавирусной пандемии и глобального экономического кризиса незаконный оборот наркотиков продолжает увеличиваться. Кризис может усугубить социально-экономическое положение уязвимых групп населения, которые, в свою очередь, станут все чаще прибегать к незаконной деятельности в попытках с помощью криминала компенсировать потерю законных доходов и безработицу.

Рассмотрение уровня достижения целей подпрограммы «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» и показателей эффективности ее реализации характеризуется субъективностью целевых индикаторов. Причем, характеристика доли лиц, вовлеченных в проводимые органами образования, молодежной политики, спорта, культуры профилактические мероприятия является наиболее спорным среди группы индикаторов.

Кроме того, обращает на себя внимание неоднозначность учета в качестве плана на

текущий год значений целевого индикатора и показателей государственной программы, таких как доля зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, а также объем изъятых из оборота наркотиков.

Деятельность по внесению корректировок с учетом складывающейся ситуации и поиск новых эффективных форм, безусловно, ведется. Так, совместным приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 60 и Министерства науки и высшего образования № 240 от 20 февраля 2020 г. признан утратившим силу приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 июня 2014 г. № 658 «Об утверждении Порядка проведения социально-психологического тестирования лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также в образовательных организациях высшего образования».

Модернизация системы социально-психологического тестирования, направленного

на предупреждение немедицинского потребления наркотических средств и выявлению подростков, склонных к отклоняющемуся поведению назрела уже очень давно.

Таким образом, следует прийти к следующим выводам. Критерии оценки развития наркоситуации определяемые по 4 основным параметрам вызывают тревогу в разрезе отдельных величин. Предположительно, на изменения будут оказывать влияние экономико-социальные явления, связанные с пандемией, вызванной COVID-19 (например, затруднения, ставшие результатом ограничительных мер, связанные с выявлением латентного контингента зарегистрированных и незарегистрированных потребителей), воздействие на подростков и молодежь социальных сетей и видеохостингов (возможности которого недостаточно используются сейчас в профилактической работе), а также общее снижение воспитательного влияния на молодежь. Профилактическая работа по противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ должна стать адекватным информационно-практическим отражением интересов молодежной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 31 декабря 2014 г. № 670 «О государственной программе «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.07.2021).
2. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр), утвержденная протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 15 февраля 2017 г. № 32 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.07.2021).
3. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2020 году / Антинаркотическая комиссия Республики Башкортостан, Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан. – Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2021. 158 с.

© Шабетя И. В.

© Габзалилов В. Ф.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО.

УДК 343.985.7:[343.711.6:004.9](470)

Н. Р. ШАЙДУЛЛИНА, курсант Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

N. R. SHAYDULLINA, Cadet of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

Р. А. РОДЫГИН, преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

R. A. RODYGIN, Lecturer of the Department of Criminal Law of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ

**FEATURES OF DOCUMENTATION AND DISCLOSURE
OF CRIMES RELATED TO THEFT OF MONEY
WITH THE USE OF CASHLESS PAYMENTS**

Аннотация. В статье кратко рассмотрены теоретические основы документирования преступлений, связанных с хищением денежных средств, совершенных с использованием безналичных расчетов, проанализированы некоторые особенности организации проведения доследственной проверки сообщения о преступлении, а также разработан примерный последовательный алгоритм оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие указанных преступлений и установление виновных лиц.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, раскрытие хищений, экономическое преступление, документирование, оперативно-розыскная деятельность, безналичные расчеты, денежные средства, преступность, банковские карты.

Annotation. The article briefly discusses the theoretical foundations of documenting crimes related to theft of funds committed using non-cash payments, analyzes some of the features of the organization of the pre-investigation verification of a crime report, and also developed an approximate sequential algorithm for operational-search measures aimed at solving these crimes and establishing guilty persons.

Key words: operational-search activities, disclosure of theft, economic crime, documentation, operational-search activity, non-cash payments, funds, crime, bank cards.

Увеличение числа финансовых операций, способов взаимодействия между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг, появление новых финансовых продуктов неизбежно ведут к росту

угроз, а также постоянному совершенствованию неблаговидных методов, появлению новых, высокотехнологичных сомнительных (мошеннических) схем и недобросовестных практик, усиливающих негативное

влияние как на финансовые отношения в целом, так и на их отдельных участников [1].

Стремительное развитие информационных технологий оказывает не только положительное влияние на все сферы жизни общества, но и несет за собой значительные негативные последствия. Так, в последнее время наблюдается резкий рост числа преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и безналичных расчетов.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период с января по май 2021 года было совершено 227 тыс. преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации, что составляет 26,8 % от общего числа регистрируемых преступлений, при этом сохраняются значительные темпы роста рассматриваемых деяний по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (+ 25,7 %). Подавляющее большинство указанных преступлений было связано с хищениями чужого имущества. Так, за первые пять месяцев 2021 года наблюдается стабильное увеличение числа краж с банковского счета (+ 20 %), а также мошенничество, совершенных с использованием ИТ-технологий (+ 19,4%). Особое беспокойство вызывает обстоятельство, связанное с тем, что потерпевшими от указанных посягательств, все чаще, становятся социально незащищенные категории граждан: пенсионеры (28,5 тыс.), несовершеннолетние (2,9 тыс.), инвалиды I и II группы (1,2 тыс.) [2].

На наш взгляд, возможно выделить следующие основные факторы, способствующие совершению недобросовестных (мошеннических) действий, оказывающих негативное влияние на финансовые отношения:

- недостатки нормативного правового регулирования и несбалансированные практики;
- недостоверность и необъективность информации, используемой для принятия решений, недостаточный информационный

обмен;

– специфическая ментальность и низкий уровень финансовой грамотности потребителей;

– сложность выявления, расследования и пресечения рассматриваемых преступлений.

Несмотря на все предпринимаемые правоохранительными органами меры, уровень раскрытия таких преступлений очень незначителен. Так, за первые пять месяцев 2021 г. раскрытие краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составила 27,9 %, а мошенничество с использованием электронных средств платежа – 7,9 % [3]. Подобные показатели деятельности правоохранительных органов, безусловно, недопустимо считать удовлетворительными. Указанная позиция отмечается и руководством государства. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России в 2021 году, признал возникшую проблему и обозначил борьбу с криминальными действиями, совершаемыми с использованием ИТ-технологий как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел на ближайшую перспективу [4].

Особую сложность в раскрытии анализируемых преступлений вызывает тот факт, что зачастую не редки те случаи, когда потерпевшие сталкиваются с противоправной деятельностью так называемых недобросовестных контрагентов, то есть лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями или представляющих юридических лиц, которые заведомо не планируют выполнять обязанностей, возложенных на них договором. Кроме того, рассматриваемые преступления в большинстве случаев совершаются в сфере банковского кредитования и в сфере безналичных расчетных операций, при этом в качестве инструмента банковской деятельности выступают кредитные банковские и расчетные карты.

Поэтому, в сложившихся условиях, наблюдается недостаточная теоретическая и

практическая разработанность организации проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование преступлений рассматриваемого вида. Учитывая высказанное, попытаемся определить универсальный набор оперативно-розыскных мероприятий, необходимых для эффективной работы по раскрытию преступлений, связанных с хищением чужого имущества, совершаемых посредством использования платежных карт и совершения безналичных расчетов.

Необходимо отметить, что задачей предварительной проверки является сбор информации о подготавливаемом, совершающем или совершенном преступлении, ее накопление, анализ и оценка собранных материалов с точки зрения их полноты и достоверности в целях установления достаточных данных, указывающих на наличие признаков конкретного состава преступления.

Рассмотрим типичную ситуацию, когда совершено хищение денежных средств с использованием безналичных расчетов, а виновное лицо, выступавшее от имени недобросовестного контрагента, не установлено.

Первоначальным источником оперативно-значимой информации является подробный опрос заявителя. Его проведение необходимо в целях выяснения всех обстоятельств произошедшего, в том числе для установления контактных данных лица, представлявшего недобросовестного контрагента (наименование организации, вид его деятельности, абонентские номера телефонов, адреса электронной почты). Одним из обстоятельств, подлежащих установлению, является законность деятельности недобросовестного контрагента – это проверка наличия лицензии (в случаях, когда она необходима), устава организации, а также законности выдачи документов.

В зависимости от источника первичной информации о преступлении, решается вопрос о комплексе первоначальных проверочных действий и последовательности проведения оперативно-розыскных мероприятий. Именно поэтому опрос потерпевшего имеет большое значение для получения полной

оперативно-значимой информации и своевременного выявления и фиксации следов преступления, а также установления лиц, причастных к совершению преступления.

С целью установления размера причиненного преступлением ущерба необходимо истребовать у заявителя документы, подтверждающие этот ущерб. Таковыми могут являться выписка по расчетному счету за интересующий период времени, копии документов (договоров, счетов), послужившие основанием для перечисления денежных средств, деловая переписка с недобросовестным контрагентом, в том числе осуществляемая посредством использования сервисов электронной почты, онлайн-мессенджеров, а также справка об ущербе.

В подразделениях специальных технических мероприятий МВД России запросить сведения о владельцах абонентских номеров, с которыми контактировал потерпевший. При этом первоначальную информацию об абонентском номере оперативный сотрудник может получить с помощью различных информационно-справочных ресурсов в сети Интернет, а также мобильного программного обеспечения. Так, Интернет-справочники kody.su, spravportal.ru, indexphone.ru, позволяют установить оператора мобильной связи и регион, в котором зарегистрирован конкретный абонентский номер. А при использовании программного приложения Getcontact возможно получить информацию о предполагаемом владельце абонентского номера. Указанные ресурсы позволяют сориентировать оперативного сотрудника в последующей деятельности, связанной с раскрытием конкретного преступления.

В службе электронной почты (Яндекс, Рамблер, Mail, G-mail и т. д.) запросить сведения в отношении электронного почтового ящика, с которого осуществлялась переписка с потерпевшим, а именно: IP-адреса, с которых осуществлялось управление ящиком, абонентские номера, привязанные к ящику, а также учетные данные владельца, указанные при регистрации.

В налоговом органе необходимо запро-

сить сведения в отношении недобросовестного контрагента, в том числе: копию регистрационного дела налогоплательщика, сведения об открытых и закрытых расчетных счетах, сведения об IP-адресах, с которых в электронной форме представлялась бухгалтерская и налоговая отчетность.

Установить и опросить «номинального» директора недобросовестного контрагента, подробно выяснить все обстоятельства регистрации юридического лица и открытия расчетных счетов (приметы и контактные данные лиц, инициировавших регистрацию юридического лица и открытие счетов).

На основании постановления суда на-вести справки путем запроса в кредитную организацию, с целью получения следую-щих документов и сведений: выписки по счету о состоянии счета и движении денеж-ных средств на нем за определенный период времени, доверенности, информации о сня-тии денежных средств, использующиеся в управлении счетом IP-адреса, информации о лицах, получивших корпоративные рас-четные карты и корпоративные абонентские номера.

Проанализировать сведения по операци-ям и счетам недобросовестного контрагента, полученные из банков. Направить запросы в отношении контрагентов, в чей адрес пере-числялись денежные средства.

Установить и опросить руководителей контрагентов на предмет финансово-дого-ворных отношений, истребовать докумен-ты, подтверждающие законность получения денежных средств от недобросовестного контрагента.

В организации-прайдере запросить сведения в отношении IP-адресов, проана-лизировать полученные сведения на пред-мет установления совпадений, опросить владельцев IP-адресов.

Проанализировать выписки по расчет-ным счетам на предмет наличия операций по оплате бытовых услуг (например, услуги ЖКХ, АЗС, покупка товаров, доставка то-варов и т. д.), запросить сведения о потре-бителе (например, с кем заключен договор на поставку услуг ЖКХ, какая дисконтная

карта применялась при оплате на АЗС или при покупке товара, адрес доставки товара и т. д.).

В случае установления опросить «но-минального» директора недобросовестного контрагента, подробно выяснить все обсто-ятельства регистрации юридического лица и открытия расчетных счетов (приметы и контактные данные лиц, инициировавших регистрацию юридического лица и откры-тие счетов).

По мере возможности при выполнении проверочных действий для полноты прово-димой проверки и установления достовер-ности результатов проводимых мероприя-тий необходимо:

Опросить лиц, сдавших и получавших документы о регистрации недобросовестно-го контрагента, выяснить, от кого получали доверенности на получение – сдачу докумен-тов, кому передавали готовые документы.

Провести осмотр места происшествия в офисе недобросовестного контрагента с изъятием компьютеров, маршрутизаторов, модемов, по которым впоследствии необхо-димо назначить компьютерно-техническую экспертизу, а также произвести изъятие пе-чатей, банковских карт, документов о реги-страции юридического лица и об открытии расчетных счетов, касающихся недобросо-вестного контрагента либо не относящихся к юридическому лицу, занимающему офис-ное помещение и т.д.

Запросить в банках видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленные на банко-матах, в которых снимались наличные де-нежные средства.

Истребовать материалы ревизий финан-сово-хозяйственной деятельности предпри-ятия, организации, учреждения, а также ма-териалы проверки аудиторскими фирмами, налоговыми или иными государственными контролирующими органами.

Необходимо сказать, что вышеописан-ная деятельность правоохранительных орга-нов, связанная с раскрытием анализируемых преступлений, должна соответствовать ос-новному нормативному акту в данной сфере, а именно федеральному закону от 12 августа

1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Отметим, что приведенный перечень оперативно-розыскных мероприятий, реализуемый при документировании и проведении проверки сообщения о преступлении, связанного с хищением денежных средств, совершенного посредством использования безналичных расчетов не является исчерпывающим. Это лишь рекомендательный комплекс первоначальных мероприятий, которые направлены, в первую очередь, на сбор оперативно-значимой информации, а также на выявление и раскрытие анализируемых преступлений. Комбинации и алгоритм вышеперечисленных мероприятий может меняться в зависимости от конкретной сложившейся ситуации на усмотрение сотрудника оперативного подразделения.

Таким образом, в ходе проведения про-

верки сообщения о преступлениях, совершенных с использованием безналичных расчетов, средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сотруднику оперативного подразделения необходимо незамедлительно принять исчерпывающие меры к раскрытию преступлений и установлению лиц, их совершивших, посредством направления в установленном законом порядке запросов в кредитные организации, операторам связи, оказывающие услуги связи, в том числе по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», получения объяснения от заявителя и возможных очевидцев преступления, а также предпринять иные меры, необходимые для раскрытия совершенного преступления и установления виновных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. URL:http://www.cbr.ru/Analytics/currency_control/ (дата обращения : 15.07.2021).
2. Состояние преступности в России за январь – май 2021 г. Сборник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/Analytics> (дата обращения : 15.07.2021).
3. Состояние преступности в России за январь – май 2021 г. Сборник ГИАЦ МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/reports/item/24742236/> (дата обращения : 15.07.2021).
4. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/news/item/23305248/> (дата обращения : 15.07.2021).
5. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». СПС «КонсультантПлюс».

© Шайдуллина Н. Р.

© Родыгин Р. А.

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ. ПЕРСОНАЛИИ.

УДК: 343.123.12(470)(049.32::043.3)

Н. В. МАЛИКОВА, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

N. V. MALIKOVA, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Ф. Ф. ЗАРИПОВА, ПОДГОТОВЛЕННОЕ НА ТЕМУ
«РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»**

REVIEW OF THE DISSERTATION BY F. F. ZARIPOV «IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE POLICY»

Аннотация. Автором представлен анализ диссертационного исследования Ф. Ф. Зарипова на тему «Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики». Отмечены актуальность, теоретическая, практическая значимость диссертационного исследования, проанализированы существенные особенности каждого параграфа работы, подчеркнуты ее положительные моменты. Проведенное исследование позволило отметить то, что, несмотря на общее положительное впечатление от содержания диссертации Ф. Ф. Зарипова, некоторые ее моменты носят дискуссионный характер и нуждаются в дополнительной авторской аргументации.

Ключевые слова: диссертационное исследование, принцип, участники уголовного судопроизводства, обеспечение безопасности, меры безопасности, государственная защита.

Abstract. The author presents an analysis of F. F. Zaripov's dissertation research on the topic «Implementation of the principle of ensuring the safety of participants in criminal proceedings in the conditions of modern Russian criminal procedure policy». The relevance, theoretical, and practical significance of the dissertation research are noted, the essential features of each paragraph of the work are analyzed, and its positive aspects are emphasized. The conducted research allowed us to note that, despite the general positive impression of the content of F. F. Zaripov's dissertation, some of its points are of a debatable nature and need additional author's argumentation.

Keywords: dissertation research, principle, participants in criminal proceedings, security assurance, security measures, state protection.

Диссертационное исследование Ф. Ф. Зарипова посвящено исследованию реализации принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики. Работа представляет собой завершенное, методологически состоятельное исследование,

объектом которой выступают отношения возникающие в связи с обеспечением соответствующими органами безопасности лиц, участвующих в производстве по уголовным делам, и применением к ним мер государственной защиты.

Актуальность, теоретическая, практическая значимость диссертационного исследования не вызывают сомнений и обоснованы устойчиво высоким количеством ежегодно применяемых мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. В подтверждение этого автор диссертационного исследования ссылается на данные Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1], в рамках которой ежегодно осуществляется более 33500 мер безопасности в отношении около 3500 тысяч участников уголовного судопроизводства» [2], а также на утверждение практических работников о том, что противоправное воздействие в различных своих проявлениях оказывается в отношении 2 – 3 млн. лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, по разным причинам не получивших соответствующей государственной защиты. Все приведенные цифры свидетельствуют о масштабности существующих проблем в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства, необходимости выработки государственными органами активных и последовательных действий для их разрешения.

Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства являются одним из приоритетных направлений доктрины уголовного судопроизводства, в связи с чем вызывают постоянный интерес ученых-правоведов, которыми исследованы лишь отдельные аспекты данного явления. Многие же дискуссионные вопросы правового положения обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства остаются не решенными. В этой связи тема рецензируемого диссертационного исследования представляется не исчерпанной ни в теоретическом, ни в прак-

тическом отношении. Диссертант задался целью теоретического обоснования и разработки механизма реализации положения об обеспечении безопасности участников уголовного процесса как самостоятельного социально обусловленного принципа уголовного судопроизводства, отвечающего гуманистической направленности российской уголовно-процессуальной политики, и формирование практических рекомендаций по эффективному обеспечению безопасности всех участвующих в производстве по уголовным делам лиц (стр. 8).

В работе сформулированы задачи уголовного судопроизводства по обеспечению успешного выполнения его назначения (ст. 6 УПК РФ); проведен сравнительный анализ действующих законодательных актов России, регламентирующих обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства; определены социально обусловленные черты правового положения об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства; выявлены основные признаки, при наличии которых возникает необходимость обеспечения безопасности личности как участника уголовного судопроизводства; установлены противоречия в законодательстве в части применения мер безопасности к участникам уголовно-процессуальных отношений и сформулированы предложения по их устранению; обоснована необходимость включения в уголовно-процессуальное законодательство дефиниций таких понятий, как помощник судьи, секретарь судебного заседания, меры обеспечения безопасности и государственная защита; классифицированы участников уголовного судопроизводства с позиции их участия в выполнении уголовно-процессуальной функции и обеспечения безопасности; предложена эффективная реорганизация государственных органов, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. Кроме того, Ф. Ф. Зарипов внес ряд предложений и рекомендаций по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок и условия

применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Многие положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, заслуживают того, чтобы найти свое воплощение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и практике его применения, с целью совершенствования системы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Диссертационное исследование Ф. Ф. Зарипова обладает научной новизной, которая заключается в том, что в нем раскрыта гуманистическая направленность современной российской уголовно-процессуальной политики, обоснована целесообразность выделения в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства общепризнанного социально обусловленного правового положения об обеспечении безопасности участников уголовного процесса, разработан механизм реализации данного принципа, включающий в себя систему гарантированных мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса, их классификацию и порядок применения. Научная новизна исследования в полной мере проявляется в положениях, выносимых на защиту.

По форме и содержанию представленная работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание научной степени кандидата юридических наук. При написании работы автор придерживается научного стиля изложения и принятой в юридической науке и законодательстве терминологии.

Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих десять параграфов, заключения, списка используемых источников и приложения.

Во введении (стр. 4 – 18) обоснована актуальность диссертационного исследования, степень ее научной разработанности, определены цели и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна исследования, показаны правовая и эмпирическая база исследования, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы

основные положения, выносимые на защиту, обозначена структура диссертации.

Первая глава «Гуманистическая сущность уголовно-процессуальной политики современной России» (стр. 19 – 74) включает в себя три параграфа.

В первом параграфе «Российская уголовно-процессуальная политика – гарантия защиты прав, свобод и законных интересов личности» (стр. 19-36) автор приходит к выводу о том, что Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) пропитаны идеями гуманизма. Диссертант считает, что поскольку любая деятельность человека осуществляется посредством выполнения определенных задач, УПК РФ следует дополнить нормой посвященной регламентации таких задач перед органами, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность. Содержание указанной нормы излагается в числе выносимых на защиту положений (стр. 14).

Соискатель справедливо считает необходимым, с позиции гуманистической направленности принципов уголовного судопроизводства, возрождение в их числе принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовных дел, закрепление принципов справедливости и публичности, а также обосновывает целесообразность выделения из содержания принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве правового положения об обеспечении безопасности участников уголовного процесса в качестве самостоятельного принципа.

В параграфе 2 «Обеспечение безопасности личности как социальная категория и современный принцип российского уголовного судопроизводства» (стр. 36–58) проводится комплексный анализ понятия дефиниции «безопасность» с позиции нормативного и доктринального определения. Меры безопасности рассматриваются как основной инструмент в механизме обеспечения общей безопасности и классифицируются на носящие организационный, технический и профилактический характер.

Диссертант обосновывает необходимость выделения из закрепленного в ст. 11 УПК РФ принципа «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» самостоятельного уголовно-процессуального принципа «Обеспечение безопасности участника уголовного судопроизводства». Содержание нового принципа сформулировано в третьем положении, выносимом на защиту (стр. 11).

Третий параграф «Реализация обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве» (стр. 58 – 74) посвящен исследованию деятельности органов, обеспечивающих безопасность должностных лиц и иных участников уголовного судопроизводства, а именно Главного управления собственной безопасности (далее – ГУСБ) и Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – УОГЗ). Проанализировав полномочия названных служб, автор делает обоснованный вывод о том, что надлежащая их реализация достаточна для обеспечения безопасности государственных служащих вообще и участников уголовного судопроизводства в частности. Но в целях дальнейшего усиления гарантий обеспечения безопасности и внедрения в практику проводимой в этом направлении уголовно-процессуальной политики надлежит объединить подразделения ГУСБ МВД России и УОГЗ МВД России, в главное управление государственной защиты (ГУГЗ МВД России), возложив на него обеспечение безопасности всех участников уголовного процесса, а также иных лиц (стр. 73). Указанное предложение нашло свое отражение в девятом положении, выносимом на защиту (стр. 13).

Вторая глава диссертационного исследования «Меры обеспечения безопасности как основа безопасности личности в уголовном процессе» (стр. 75 – 117) представлена тремя параграфами.

В первом параграфе «Понятие, виды мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и их классификация» (стр. 75 – 86) соискатель формули-

рует понятие мер обеспечения безопасности (четвертое положение выносимое на защиту) (стр. 78) и обосновывает необходимость закрепления перечня предусмотренных в Федеральных законах от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ № 45) и от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ № 119) мер безопасности в УПК РФ (стр. 82). Также диссертант высказывает и развивает мысль о необходимости включения в ст. 5 УПК РФ следующих дефиниций: государственная защита, меры обеспечения безопасности, орган, осуществляющий меры безопасности (стр. 82–83).

Вышеприведенные предложения отражены Ф. Ф. Зариповым в проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» (стр. 229 – 238), который отличаются емкостью, научностью и целостностью содержания.

Заслуживает поддержки вывод автора о необходимости исключения из части 3 статьи 6 ФЗ № 119 указания о том, что предусмотренные п. п. 4–7 части 1 ст. 1 данного закона меры могут осуществляться «только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях», и исключения из ФЗ № 119 указания на необходимость получения от лиц, в отношении которых поступают угрозы, только письменного заявления о применении мер безопасности.

Второй параграф «Поводы, основания и процессуальный порядок применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства» (стр. 86 – 106) посвящен комплексному анализу законодательных норм, регулирующих поводы, основания и процессуальный порядок применения мер безопасности к должностным лицам и участникам уголовного судопроизводства.

Диссертант аргументирует необходимость отнесения в рамках ФЗ № 119 к поводам применения мер безопасности – заявления лица, его близких родственников, родственников или близких лиц, в случае

нахождения участника уголовного процесса в беспомощном состоянии, а в отношении несовершеннолетних – родителей или иных лиц, а также предлагает расширить их перечень (стр. 89 – 92).

Автор делает обоснованный вывод о необходимости закрепления поводов и оснований применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства в соответствующих статьях УПК РФ, предложеных соискателем в проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» (стр. 229 – 238).

В седьмом предложении, выносимом на защиту, Ф.Ф. Зарипов сформулировал поэтапно порядок применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (стр. 12).

Ценным видится предложение о необходимости заключения договора или соглашение об условиях применения мер безопасности, о возможных обязательствах и взаимной ответственности сторон, а не просто ограничиваться дачей защищаемому лицу предписаний по обеспечению его личной безопасности.

Положительно оценивается выделение в самостоятельный параграф исследование вопроса об участниках уголовного судопроизводства, чему автор посвятил третий параграф во второй главе «Участники российского уголовного судопроизводства как субъекты государственной защиты» (стр. 106–117).

Интересной видится предложенная диссертантом классификация всех, перечисленных в ФЗ № 45 и ФЗ №119, защищаемых лиц в соответствии с их функциональным назначением на 6 групп, включив в них адвокатов свидетеля, помощника судьи, секретаря судебного заседания, лиц, перечисленные в ст. 447 УПК РФ, а также лиц, которым назначены меры уголовно-правового характера в виде штрафа (стр. 114–115).

Заслуживает внимание предложенная соискателем унификация положений ФЗ № 45 и ФЗ № 119 и принятие единого закона, объединяющего многогранные аспекты ме-

жотраслевого правового института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, нормы которого основывались бы на положениях Уголовно-процессуального законодательства России (стр.116–117).

единого законодательного акта, регламентирующего все аспекты межотраслевого института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на основе главенствующих норм, закрепленных в УПК РФ (стр. 116–117).

Третья глава диссертационного исследования «Применение мер обеспечения безопасности в российском уголовном судопроизводстве» (стр. 118–173) представлена четырьмя параграфами.

В первом параграфе «Обеспечение безопасности судей и присяжных заседателей» (стр. 118–133) проводится комплексное исследование развития правоотношений, связанных с обеспечением безопасности судей в России. Приводятся результаты анкетного опроса судей общей юрисдикции о наличии угроз их безопасности и состоянии их защищенности, а также анализа применения мер безопасности к судьям судебных органов Удмуртской Республики за период с 2016 по 2020 год (стр. 124–125)

Автор приходит к выводу о том, ФЗ № 45 предусматривает вполне достаточный комплекс мер для обеспечения безопасности судей всех звеньев судебной системы Российской Федерации, а также арбитражных и присяжных заседателей, привлекаемых к осуществлению правосудия по конкретным делам (стр. 132).

Второй параграф «Применение мер обеспечения безопасности к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения» (стр.133–145) посвящен анализу особенностей применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, перечисленных в гл. 6 УПК РФ.

Научный интерес представляют данные проведенного соискателем анкетирования дознавателей, следователей и прокуроров

Удмуртской Республики о наличии в отношении них противоправного воздействия, а также приведенная статистика о количестве осужденных готовых оказать противоправное воздействие на должностных лиц из-за мести за осуществление ими своих должностных обязанностей (стр. 134–138).

Заслуживают одобрения предложения автора, во-первых, о необходимости исключения, установленных в п. 21.1 ч. 2 и ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ, ограничений относительно того, что потерпевший и его законный представитель вправе заявить ходатайство о применении мер обеспечения безопасности «до окончания прений сторон», поскольку противоправные действиям могут иметь место и на последующих этапах производства по уголовному делу; во-вторых, о необходимости дополнить УПК РФ указанием на право ходатайствовать о применении мер безопасности гражданским истцом и его представителем (стр. 144).

В третьем параграфе «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты» (стр. 145–154) анализируются проблемы применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, указанных в гл. 7 УПК РФ. Диссертант приходит к выводу о необходимости указания в статьях 46, 47 и 53 УПК РФ право подозреваемых, обвиняемых и защитника ходатайствовать о применении к ним мер безопасности (стр. 149, 154).

Четвертый параграф «Обеспечение безопасности иных участников уголовного судопроизводства» (стр. 155–173) посвящен анализу особенностей применения мер безопасности к субъектам уголовно-процессуальных отношений, перечисленным в гл. 8 УПК РФ, а также помощнику судьи и секретарю судебного заседания, адвоката свидетеля, а также иным субъектам процессуальных отношений.

Заслуживает одобрения предложенные автором изменения в ч. 1 ст. 2 ФЗ № 119 о необходимости указания на то, что «государственной защите подлежит помощники судей»; в ст. 5 УПК РФ надле-

жит сформулировать понятие дефиниций – «помощник судьи» и «секретарь судебного заседания»; в гл. 8 УПК РФ необходимо раскрыть процессуально-правовые статусы помощника судьи, секретаря судебного заседания, педагога и психолога (стр. 158–160). Мы поддерживаем соискателя в высказывание о том, что необходимо во всех процессуальных статусах иных участников уголовного судопроизводства предусмотреть право ходатайствовать о применении к ним мер безопасности (стр. 168).

В заключение диссертационной работы подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и практические рекомендации, логично вытекающие из текста диссертации (стр. 174–182).

Библиография проведенного исследования (стр. 183–225) включает в себя внушительный список нормативных правовых актов и научной литературы (366 источников) по исследуемой проблеме. Большой объем литературы, использованный диссертантом, свидетельствует о том, что он знаком со всеми основными научными публикациями по теме работы.

В приложениях отражены: обобщенные результаты анкетирования должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (судей, прокуроров, следователей и дознавателей), обобщенные результаты анкетирования потерпевших и свидетелей, а также анкетирование следователей СУ УМВД РФ по г. Ижевску (стр. 226–228). Заслуживает отдельного внимания предложенный автором проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», а также глоссарий, в котором содержатся определения основных понятий правового института государственной защиты (стр. 229–240).

Достоверность результатов обеспечивается избранной автором методологией исследования, достаточной теоретической и правовой базой, внушительным объемом эмпирического материала. В этих целях диссертантом были изучены материалы практики осуществления мер обеспечения

безопасности судебными и следственными органами, органами дознания; официальные статистические данные о деятельности указанных органов за 2014–2020 годы, имеющие отношение к объекту, цели и задачам исследования (стр. 17).

В целях дополнительной аргументации полученных выводов проведено социологическое исследование. По специально разработанным анкетам опрошено 408 респондентов: судей, прокуроров, дознавателей, следователей, потерпевших, свидетелей о порядке и результатах применения мер безопасности (стр. 226–228).

Эмпирическую базу исследования составил и личный опыт работы соискателя в органах внутренних дел в качестве начальника службы собственной безопасности МВД по Удмуртской Республике, руководителя следственного органа Управления МВД России по г. Ижевску (стр. 17).

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов, выводов и рекомендаций в законотворческой деятельности по совершенствованию правовых норм в уголовно-процессуальной сфере, в правоприменительной деятельности судебных, прокурорских, следственных органов и органов дознания по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, при разрешении проблемных вопросов применения мер государственной защиты на различных стадиях производства по уголовным делам, а также в учебном процессе образовательных учреждений высшего образования по подготовке юридических кадров (стр. 16).

Выбранные эмпирическая, расширенная теоретическая и нормативная базы исследования позволили прийти к аргументированным выводам по результатам проведенной работы. При этом выводы и предложения докторанта прошли достаточную апробацию на международных, всероссийских, межвузовских конференциях. Основные выводы исследования освещены в 12 публикациях автора, в том числе 6 – в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы ос-

новные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (стр. 17–18).

Представленная к публичной защите работа отвечает принципу внутреннего единства. Разделы диссертации связаны единым замыслом, структурно, содержательно и логически согласованы, взаимно дополняют и обогащают систему отстаиваемых Ф.Ф. Зариповым теоретических положений, нормативных предложений, рекомендаций практического характера.

Диссертационное исследование Ф.Ф. Зарипова написано на высоком научном уровне, теоретические положения (которые дополняют теоретические основы реализации принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и могут служить началом для дальнейших научных исследований) подкреплены практическими рекомендациями по совершенствованию норм уголовно-процессуального права, регламентирующих правовой институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Содержание автореферата соответствует основным положениям диссертации.

Несмотря на общее положительное впечатление от содержания диссертации Ф.Ф. Зарипова, необходимо отметить, что некоторые моменты носят дискуссионный характер и нуждаются в дополнительной аргументации.

Докторант при описании порядка принятия решения о применении мер безопасности (стр. 96) не учитывает существующую специфику и различие должностных лиц, осуществляющих действия по проверке оснований применения мер безопасности и принятия соответствующего решения, содержащиеся в ФЗ № 45 и ФЗ № 119. Так, автор указывает, что окончательное решение о надлежащих мерах безопасности принимают судья, начальник органа дознания, руководитель следственного органа и следователь в форме постановления (определения), в соответствии со ст. 14 ФЗ № 45 и ст. 18 ФЗ № 119-ФЗ, после предварительной проверки органом, осуществляющим го-

сударственную защиту. Однако указанные субъекты принимают решение о государственной защите только в рамках ФЗ № 119. При этом отметим, что не только судья единолично может принять такое решение, но и судьи в ходе коллегиального рассмотрения уголовного дела. Следователь подобное решение принимает исключительно с согласия руководителя следственного органа, а не самостоятельно. Что касается ФЗ № 45, то решение о применении мер безопасности принимает орган, обеспечивающий безопасность. В зависимости от субъектов государственной защиты им может выступать орган внутренних дел, а также органы, указанные в п. 2 ст. 12 ФЗ № 45.

Вместе с тем, полагаем, требуется дополнительное пояснение автора о том, с чем связано различное наименование предложенной им ст. 72.2 на стр. 15 «Порядок применения мер обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства» и стр. 233 «Порядок рассмотрения заявления о применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства». Не меньший интерес представляют аргументы диссертанта относительно содержания данной нормы. Автором указано, что «Заявление участника уголовного судопроизводства о применении мер обеспечения безопасности подлежит рассмотрению без отлагательно в установленном в ст. 144 УПК РФ процессуальном порядке с вынесением постановления о применении либо отказе в применении мер обеспечения безопасности» (стр. 233-234). Однако данное предложение противоречит УПК РФ, ФЗ № 119, а также положению п. 6.5 Приказа МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (далее – Приказ № 736). Обратим внимание диссертанта на тот факт, что согласно Приказу № 736 «Положение данной Инструкции не распространяется на обращения о наличии угроз

посягательств на жизнь, здоровье и имущество судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов в связи с их служебной деятельностью, а также потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в связи с их участием в уголовном судопроизводстве, подлежащие рассмотрению в соответствии с ФЗ № 45 и ФЗ № 119».

Вызывает озабоченность предложенная автором система полномочий «органа, осуществляющего меры безопасности» (стр. 104), где среди прочего указано право последнего давать поручения «органу государственной защиты», а также «частично или полностью отменять применяемые меры безопасности». Несогласованность вышесказанного заключается, во-первых, в том по каким критериям автор различает органы, осуществляющие меры безопасности и органы государственной защиты. Во-вторых, формулировка о частичной или полной отмене мер безопасности органом осуществляющим меры безопасности противоречит частям 2.1 и 3 ст. 20 ФЗ № 119, согласно которых меры безопасности могут быть отменены органом, принявшим решение о применении мер безопасности, либо в производстве которого находится уголовное дело с неотмененным постановлением (определением) по ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, а не самостоятельно.

Автором предлагается объединение в единый универсальный законодательный акт положений и структур Федеральных законов от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», на наш взгляд, выгодным для работы явились бы размещение указанного предложения в качестве самостоятельного элемента, в приложении диссертационного исследования.

Полагаем целесообразным пункт «г» седьмого положения, выносимого на за-

щиту, предусматривающего поэтапный порядок применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, дополнить принятием решения об осуществлении государственной защиты, а только потом вынесения постановления о применении мер безопасности; пункт «е» целесообразно дополнить необходимостью осуществления не только прокурорского надзора, но и ведомственного, а также судебного контроля.

Предложение по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а именно содержание ч. 3 ст. 6 гл. 2 УПК РФ (стр. 14) не согласуется с содержанием этой же нормы приведенной в пятом приложении проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (стр. 230). В первом случае указано: установление судебного контроля и прокурорского надзора, во втором случае – установление процессуального контроля и прокурорского надзора. Видится уместным, эту

часть нормы сформулировать как установление ведомственного и судебного контроля, а также прокурорского надзора.

Выявленные противоречия требуют дополнительных комментариев автора.

Вместе с тем высказанные замечания не носят принципиального характера и не снижают общую высокую оценку диссертации Ф.Ф. Зарипова. Диссертация выполнена на актуальную тему и представляет собой завершенную научно-квалификационную работу. Исследование отличается новизной поставленных и предлагаемых к решению проблем, теоретической и практической значимостью, достоверностью и обоснованностью суждений и выводов, наличием аргументированных предложений по совершенствованию теоретических положений уголовно-процессуального права, связанных с реализацией принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной российской уголовно-процессуальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ССЫЛОК:

1. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы»: постановление Правительства РФ от 25.10.2018 № 1272 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 44, ст. 5754.
2. МВД России разработан проект постановления Правительства РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://mvd.ru/news/item/12498339> (дата обращения: 15.07.2021).

© Маликова Н. В.

П А М Я Т К А
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.
- 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.
- 12.00.09 – Уголовный процесс.
- 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.
- 12.00.12 – Криминастика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.
- 12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvrd.ru, rio_uyi@mvrd.gov.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка

на опубликование научной статьи (рецензии/обзора)
в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива»

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.